ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО
ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

25-го сентября 1929 г. **43-44** 25-го вересня 1929 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

М. Битинський

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. *В. Седов:* Родной Степи.
2. *Ив. Егоров:* Климка.
3. *Людмила Костина:* Осенние астры.
4. *Алексей Персидсков:* Изгнанницам каза́чкам.
5. *Иван Бойко:* *** Стихи.
6. *Сергей Макеев:* Трагический сон.
7. *Санжа Балыков:* Наши черти.
8. *Константин Поляков:* Песня баяна.
9. *Гнат Макуха:* *** Стихи.
10. *Вл. Куртин:* Семья Черкесовых.
11. *Виктор Карпушкин:* *** Стихи.
12. *Ф. Полковников:* *** Стихи.

13. Еще о роли казачьей эмиграции.
14. Святой Вацлав 929—1929.
15. Инж. *В. Бейсуг:* Об отношении к евразийству.
16. *П. И. Кукунько:* Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.
17. *Б. Кундрюцков:* Казак из „Архива Русской Революции".
18. *С. Федоров:* Древние всеказачьи праздники.
19. *Д. Ремилев:* Праздник закладки буддийского храма.
20. *С. П.:* К вопросу о казачьем поселении на землю.
21. Перу.
22. К переселению кубанцев в Перу.
23. Думы и мысли
24. Международная жизнь: Соединенные Штаты Европы.
25. Казачья эмиграция.
26. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Братислава — А. П. — Все получено. Привет!

Франция. — Е. Я. — Письма получены. Спасибо.

Загреб. — В. К. — Письма получены. Ответ будет. Привет.

Югославия. — А. П. — Получено; выздоравливайте. Привет.

Загреб. — Ф. П. — Фотографии получены. Привет.

Белград. — А. С. — Будет послан.

Франция. — С. — Журнал Вам посылается. Привет.

Подєбради. — С. П. — Все одержано. Вітаємо.

Югославия. — Г. М. — Листа дістав. Відповідь буде.

Београд. — Н. Б. — Получено. Спасибо. Ответ письмом.

Брно. — В. К. — Получено. Ответ будет письмом.

Подебрады. — М. Ч. — Получено; будет использовано в след. номере. Привет.

Югославия. — П. А. — Получено. Привет.

Орловат. — Г. А. — Получено, но присланная фотография слишком неясная и потому не могла быть использована; привет.

Албания. — Г. К. — Получено. Сообщите свое имя и какой Вы станицы. Привет.

Београд. — И. Л. — Получено. Используем в след. номере.

Югославия. — Уральской казачке. — Будет помещено в следующем номере.

Прага. — К. З. — Получено. Будет помещено в следующем номере.

Витковице. — Е. Т. — Спасибо за присланное. Привет.

Словенско. — В. П. — Получено. Привет.

Марсель. — П. Н. — Письма получены. Ответ послан.

Болгария. — Я. Л. — Получено. Привет.

Словенско. — Ф. Ш. — Послано. Привет.

Франция. — П. С. — Получено. Спасибо.

Франция. — В. С. — Получено. Ответ — письмом. Привет.

Болгария. — Р. — Получено. Спасибо.

Франция. — С. М. — Карточки получены. А текст? Привет.

Югославия. — Г. Т. — Спасибо. Жирнал посылается. Привет.

Гродно. — В. К. — Одержано. Вітаємо.

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Кочина ул., 1.

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom", soba br. 9.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff,)

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

НА ЮГЕ ФРАНЦИИ.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).

Le Grillon, Cagnes s/m, France.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

№ 43—44 *Прага, среда 25-го сентября 1929 г.* *№ 43—44*

В. Седов. *(Франция).*

Родной Степи.

Где-б не был я, изгнанник утомленный, на севере-ли диком и холодном, под южным небом голубым, всегда во всем я ощущаю биенье сердца твоего, Родная Степь!

И в зелени лугов; в шумящей тучной ниве; в прибое пенных волн бушующих морей; в небесной синеве, дожде и ветра вое я нахожу твой отклик дорогой, Родная Степь! Как вольный сын седых твоих просторов, рожденный и взлелеянный тобой, люблю я шум волнующий ковыли и вьюги плач холодною зимой. Люблю твой зной в бездождие средь лета с потрескавшейся бурою землей, дождливою весной, всю зеленью одетой, как в дорогой одежде парчевой.

Люблю тебя и в позднюю я осень с желтеющим отливом золотым, с криком гусей прожорливых пролетом, с углами длинными отлетных журавлей.

Нет, хороша ты, степь, в любое время года! В тебе, что день, то новая краса. Ты мне мила в любом своем наряде! И как же мне тебе, красавице, не петь, Родная Степь!

10 ноября 1928.

Ив. Егоров. *(Бельгия).*

Климка.

(Эскиз).

Посв. Ю. Ф. ГОНЧАРОВУ.

Климка был дурак. Его серо-зеленые глаза с мутным свинцовым отливом ничего не выражали и всегда глядели куда-то в пустую даль неопределенно бессмысленно и тоскливо. Были эти глаза глубокие и круглые. Когда Климкин рот растягивался в улыбку, и ложилась неглубокая бороздка между носом и уголками губ, глаза продолжали смотреть вдаль тем же постоянно-мутным ничего не выражающим взглядом.

Климка почти никогда не говорил, а если начинал говорить, заикался, путался в словах, раскидывал в неуклюжих нелепых жестах тяжелые руки с растопыренными пальцами и никогда не мог выразить того, что хотел. Углы губ тянулись кверху, приоткрывался широкий глупокрасный рот, а глаза продолжали смотреть тоскливо, длительно-напряженно.

Он не умел плакать, потому что не было у него слез. Для выражения радости и горя были те же мутные бездумные глаза и неестественно-ледяная улыбка мясисто-кровавых губ.

Когда хозяин Вавила харкал ему в бесстрастное лицо:

— Дармоед! — Климка вздыхал и улыбался. Вавила злился и тряс жиденькой пыльно-рыжей бороденкой. Придавленным, хрипящим голосом выплевывал вместе со слюной:

— Ч-чорт!.. Чего глаза выпучил?

Климка молчал, а иногда глухо и однозвучно смеялся:

— Гы-ы...

Вечерами, когда в бездонной глубине неба высыпала тьма светящихся и мигающих звезд, Климка выходил за ворота и слушал, как в другом конце хутора, чуть слышно ныла гармошка, и бабски-высокий подголосок выводил:

— Н-ай-я-ы-я!

И тогда Климка мучительно и напряженно пытался о чем-то думать. По бледному толсто-неподвижному лицу проходила еле заметная тень, голова тянулась куда-то вбок, на шее надувалась натужная жила, а глаза оставались бесстрастными и холодными, без блеска.

* * *

В один из таких вечеров Климка услышал позади себя дребезжащий задором смех. Когда обернулся, увидел Нюрку, маленькую с блестящими черносливовыми глазами и вздернутым носом. Нюрка смеялась и глядела ему прямо в лицо.

— Чего стоишь, как болван?

Глаза метнули пригоршню смеха. Откинула за спину ползучую косу и выпятила резиново-упругую грудь. Климка улыбнулся вслух:

— Гы...

— Чего-гы? Гы, да гы... Задолбил одно... Дурак

ты, Климка, хоть и парнем называешься... Свечка ты, а не парень!..

И, снова перекинув за плечо толстую черную косу, побежала прочь, шевеля бедрами и сверкая голыми пятками.

У Климки откуда-то извнутри, как будто из живота, покатилось что-то вверх, какой-то живой комок. Докатился до груди, разорвался и ленивой негой разлился по всему телу...

Проводил Нюрку долгим взглядом осоловевших глаз, вздохнул и ушел спать.

* * *

После этого отбился от работы.

Когда слышалась откуда-нибудь нудно-тягучая заунывная песня или бесшабашная дробь плясовой, оживлялся и пытался подпевать фальшивым сиплым голоском, по-гусиному вытягивая шею. Подходил Вавила и, грозя кулаком, хрипел:

— Чего воешь, кобель проклятый! Опять не замешал быкам, образина ты паскудная! Гляди, лупоглазый, сгоню со двора!..

Климка молчал.

* * *

Луская подсолнухи, стоял у стены и глядел на „улицу". Нюрка плясала и поминутно обдавала его горячим волнующим взглядом больших круглых глаз. Визгливым голосом, перекрикивая звуки гармошки, кричала в такт:

Эх-ты, Климка-а!!!

Климка почувствовал страстное, неудержное желание подойти к ней, схватить ее в клещевую охапку и мять долго и сильно так, чтобы трещали кости, и чтобы она визжала от боли...

Подошел. Тяжело сопя, глотая в спазмах слюну, выдавил:

— Н-нюрка... Тварюка...

Нюрка задрожала от смеха и, подойдя совсем близко, так, что чувствовался живой, жгучий огонь ее глаз, весело бросила:

— Ну?..

Неуклюжим, порывистым взмахом рук Климка схватил ее и притянул к себе... Завизжала и, вырвавшись, ударила его по щеке, звонко и сильно.

Климка улыбнулся. От щеки по всему телу пробежала живая струйка чего-то упоительно-жгучего, подкатилось к голове и больно ударило в виски.

А Нюрка уже плясала и снова вскрикивала тонким визгливым голоском, покрывая звуки гармошки:

— Эх, ты, Климка!..

* * *

В бездне неба неуверенно моргали частые звезды. „Улица" направлялась к речке с плясками и песнями, громкими и безалаберными. Выкидывая ногами нелепые движения и, заложив на затылок шапку, какой-то парень пел:

Ходи, ходи, ходи-ы...
У-ох, поди-ка ты сюды.

Нюрка почему-то отстала и шла позади всех.

... Когда из темноты сада вынырнула фигура Климки, остановилась и беззвучно засмеялась.

Сдавленно и тихо Климка выговорил:

— Н-нюра!..

Подошла. Глаза искрились, жила страстью грудь.

— Што?

Климка подвинулся почти к самому лицу ее. Заикаясь и путаясь, начал говорить:

— Нюрка... Я этого, Нюрка... ты маленькая...

Засмеялась и ткнула его нижней частью ладони в подбородок так, что лязкнули зубы, и отбежала в сторону.

Шевеля губами и покачиваясь, Климка подошел к ней, схватил за горло и, повалив на землю, порывисто-судорожно сразу сжал пальцы. Нюрка, маленькая, сжавшаяся, хрипела и извивалась. Климка равнодушным взглядом смотрел на посиневшее лицо, на вывалившийся прикушенный язык и, шевеля губами, крепче сжимал пальцы.

Когда же Нюрка перестала корчиться и хрипеть, встал, поглядел на застывшее синее лицо с нелепо-выпученными глазами и улыбнулся какой-то кроткой пришибленной улыбкой.

* * *

А с реки доносились гнусавые звуки гармошки и высокий звенящий подголосок, выводивший бесконечно тоскливо:

„Ох бы да-ой-о-е-ой"...

Людмила Костина.
(*Югославия*).

ОСЕННИЕ АСТРЫ.

Грустно сегодня... Как тени печальные,
Вновь вспоминаются дни пережитые,
Вновь я несу к Вам, как жертву прощальную,
Девичьи грезы, слезами омытые.
Вновь я вернулась к лучам догорающим;
Вновь засветилась лампада хрустальная;
Прошлые дни вереницей пугающей
Встали туманные, жуткие, дальние...
В сердце звучат отголоски неясные
Песен далеких, манящих и тающих...
Речи бессвязные, взоры согласные
Грезятся в сумерках дней угасающих.
В зале таинственной руки точеные
Бродят по клавишам в полночь угрюмую.
Кто там грустит в эти ночи бессонные?
Может быть Вы, опечаленный думою?..
В сумрак загадочный к Вам, одинокому,
Странно сплетаясь с узорными тенями,
Тихо летят мои грезы далекие,
Грустные, бледные астры осенние...

Алексей Персидсков.
(Братислава).

ИЗГНАННИЦАМ КАЗАЧКАМ.

Вы, черноокие, жгучие, пылкие,
Радость поблекшая пряных степей,
Бедно растете вы здесь чернобылками,
Ласки не чуя родных сыновей.

Вами страдалица степь поисхожена,
Шляхи политы обильно слезой...
Здесь вы обижены милостью Божией
Взор устремляете скорбный домой:

Скоро-ль лазурные дали откроются,
Светлый предстанет в степи окоём,
Скоро-ль невзгоды чужбины забудутся,
Вольную песню как встарь пропоем?

. . . . . .

Скоро, казачки, желанное сбудется:
Вновь зашумит полноводный Дон,
Горе скитанья, тоска, — забудется,
Все отлетит, как кошмарный сон.

Иван Бойко.
(*Братислава*).

* * *

Ветерок чуть листочки колышет,
Чуть колеблется пламя свечи,
Жуткий мрак льется в окна тоскливо
И гудит домовой на печи...
... „Хорошо нам с тобою, мой милый!
Слышишь, как там красиво поют?!.
Ну, не плачь, дорогой мой, любимый;
Эти звуки мне жизни вольют!..
... Помнишь... раньше... когда мы гуляли,
Ты так радовал лаской меня!?.
Посмотри, кто стучит там за дверью,
Чьи глаза так впились в меня?!.
... А вчера мне цыганка гадала!..
Как любила тогда я цветы!..
Не гляди на меня так уныло,
Еще сбудутся наши мечты!..
Он хорошеньким мальчиком будет!..
Вот и мама!.. Накрой... Холодно!..
Видишь, пальчики, пухлые ручки?!.
Страшно мне!.. Кто то смотрит в окно!..
На могилу цветы ты положишь?...
Да не плачь же!.. мужчиною будь!..
Душно мне!.. Ты любить его будешь?..
Да смотри же цветы не забудь!..
Хорошо мне сегодня с тобою!..
Слышишь, снова за дверью стучит?..
Вот идет!.. Ну, прости, мой желанный!..
Буду помнить за гробом любить!..“
... Ветерок чуть листочки колышет,
И гудит домовой на печи,
Жуткий мрак льется в окна тоскливо,
Не колеблется пламя свечи!..

Сергей Макеев. *(Франция)*

Трагический сон.

Закатное солнце зацепилось за вершину соседней горы, бросило прощальный взор на Арнаутскую долину и быстро спряталось, окрасив в оранжевый цвет всю западную часть ясно-голубого неба. Мохнатые, развесистые платаны густыми тенями покрыли землю. Легкий прохладный ветерок набежал с моря, вдунул свежую струю в раскаленный за день воздух и игриво запрыгал по верхушкам деревьев. Летучая мышь вылезла из своего гнезда и вихрем понеслась по долине. Стадо пестрых коров прошло к селению. Звонкий, протяжный возглас муэдзина оповестил правоверных о часе вечерней молитвы.

Июльский вечер вступил в свои права...

Под широким развесистым платаном возле костра возился старик: то подбрасывал в огонь сухой хворост, то большим черпаком мешал что то в котле, откуда белым клубом выскакивал густой пар, то переставлял черные от сажи чайники ближе к огню. Ситцевый с большими заплатами на лопатках бешмет, черная барашковая шапка, пышные серебристые усы, закрывавшие беззубый рот и спускавшиеся вниз по небритому подбородку — по запорожски — и густые, нависшие на добродушные глаза брови говорили о его казачьем происхождении.

Кругом была тишина. Лишь изредка подбегали шакалы и своим визгливым лаем нарушали царственный покой засыпающей природы, да из шалаша, притаившегося у толстого платана, время от времени доносился стон больного, беспомощно отмахивавшегося от комаров и крепко ругавшегося не то в бреду, не то от злости...

— Ты что там, Василь? — обратился старик и недожидаясь ответа промолвил, — может воды дать, али што?

— А наши еще не пришли? — тяжело простонал больной и замолчал.

— Вот же наказанье Господне, — прошептал старик, — вот она турецкая то лихоманка, глянь-ка, как обработала парня и на человека то не стал похож. О хо, хо! Знать все помирать будем!

Костер треснул. Яркое пламя вылетело из под котла, осветило шалаш и вмиг успокоилось. За шалашом послышались голоса. Старик засуетился.

— Вот и наши идут, надо чай греть. Борщ должно готов?

К костру подошли шесть рослых мужчин с растегнутыми на грудях рубахами и с косами на плечах. Подошли, поздоровались.

— Добрый вечер дедусь! Как можется?

— Спаси Бог, добре! А вы што так запоздали?

— Да зашли на речку покупаться, а то уж дуже запотели. День то больно зноен был, — ответил, присаживаясь к костру, старший артели Иван Панкратыч, бравый вахмистр, с русыми, кольцами закрученными, усами и туго перетянутый в талии сыромятным ремнем с кавказским набором.

— Ну, а как наш больной? — спросил он.

— Да плохо штойто, не иначе, как нужно в Константинополь отправлять, а то чего доброго и... — старик не договорил; вырвавшийся из котла клуб пара напомнил ему свои обязанности.

— А вот и борщ готов, хлопцы! Пока поужинаем и чай закипит.

— Тимофей Никифорыч, — обратился к старику один из косарей, — а Василю то во что нальем?

— Да будет ли он есть то? Разе што самой юшки...

Косари перекрестились, прошептали молитву и кружком расселись у котла. Вкусный запах свежего борща бесцеремонно лез в ноздри и усугублял аппетит. Прохладный ветерок ласкал красные, загорелые от постоянного пребывания на солнце, лица косарей. Ели молча. Не заниматься же пустыми разговорами во время еды, а о деле, коли нужно, потолкуют Иван Панкратыч с Тимофеем Никифорычем.

Тимофей Никифорыч, хоть и не настоящий член артели, — случайно попал в кашевары, — предложил себя за кусок хлеба, чтобы не голодать в константинопольских общежитиях, — но казаки по своим традициям всегда предоставляют слово старшим или по положению, или по возрасту и строго прислушиваются к их советам.

— Как сегодня работалось? — ласково, по отечески спросил Тимофей Никифорыч, — должно измучились?

— Ничего дедусь, — ответил Иван Панкратыч, — устали, конечно, но за то и накосили уйму. Завтра смахнем остальное и перейдем на другой участок. Треба гроши зашибать!

— Шалаш то будем переносить, аль останемся здесь?

— Не думаю, Тимофей Никифорыч! Уж больно платан то хорош, жалко с ним расставаться. А там и дерев то нет, один кустарник. Да вот ребят нужно спросить, как они...

Иван Панкратыч положил ложку, обтер мозолистой ладонью казацкие усы, и окинув соколиным взором, как бывало в сотне когда то, группу казаков, спросил:

— Ну, как хлопцы, оставим здесь штаб-фатеру, аль перенесем на новое место?

Наскоро прожевывалось все то, что находилось в тот момент во рту. Нельзя же с набитым ртом говорить о деле, когда старший спрашивает, а попробуй ответить неразборчиво, так Иван Панкратыч по вахмистерски так намылит шею, что долго потом будет помниться.

— Та чи стоїть тягаться? Тут уже звикли, — та й той участок і не за горами ж, промолвил справа сидящий от старшего артели бравый казак Цыбуля, в мелких оспенных рябинах на пухлых щеках и носу.

— Известное дело!

— Цыбуля правду каже!

— Здесь прохладнее и речка ближе!

Один за одним дали ответ на вопрос Ивана Панкратыча и этим дело о шалаше порешили. Опять застучали о медный котел деревянными ложками и аппетитно зачавкали ртами.

— А как насчет больного? Иван Панкратыч? — не унимался старик.

— Что нибудь сделаем. Завтра какой день у нас? Суббота? Ты Федор, — обратился Иван Панкратыч к Цыбуле, — должно пойдешь с ним в город, к тому же и продуктов купить нужно.

— Та я що... мені однаково... як прикажете, — процедил сквозь зубы Цыбуля и под густыми усами зазмеилась довольная улыбка.

До Константинополя было верст сорок, а может быть и больше, ведь никто точно не мерял, по плохой каменистой дороге с крутыми горными под'емами, но все же каждый из косарей шел с большим удовольствием и со станичниками повидается, и в баню турецкую за пять пиастров сходит, табаку, мыла и ниток черных для починки чевяк купит, да мало ли дела в городе, всего и не пересчитаешь.

— Але я не знаю, — продолжал Цыбуля, — чи дійде Василь, дуже вже гора крута... Василь! — крикнул он в сторону шалаша, — ти як гадаєш, дійдеш завтра до города?

В шалаше было тихо. Больной не отвечал.

— Должно спит, — заметил старик, — умаялся с комарами то.

После вкусного сытного борща облепили костер и, в ожидании чая, задымили душистым турецким табаком. Начались смешки, разговоры, стали подтрунивать над Цыбулей, дескать, в город идет, всенепременно на Галате будет.

— Як не крути, а мимо ніяк не пройдеш, дорога одна! — еще более улыбаясь, говорил Цыбуля.

Игнат Закрепа, опершись рукой о левую щеку и закрыв глаза, мягким приятным тенором затянул старинную казачью песню.

Есть у полі криниченька,
Там холодная вода...

Он пел звук за звуком и соловьиной трелью забирался высоко вверх, или быстро опускался вниз, а потом опять его голос уходил куда то далеко, далеко в синюю даль, в ясное звездное небо. Затем все дружно подхватили:

Там дівчина воду брала
Чорнобрива, молода...

И подголосок и ревучие басы слились в одно целое, приятное и мощное, огласив спящую долину казацкой мелодией. А Закрепа, как соловей выводил уже другую:

Оглянеться, засміється —
У козака серце бьється.

В это время вылез из шалаша Иван Панкратыч и что то крикнул песенникам. Песня оборвалась и все настороженно повернули головы в сторону старшего.

— Хлопцы, с Василем чтой то не ладно! Лежит как мертвый... спрашиваю, не отвечает и дыханья не слышно.

Ловкими, быстрыми движениями поднялись и подошли к Ивану Панкратычу. У костра остался лишь дед Тимофей Никифорыч, заваривая чай в черном от дыма чайнике. Да и не слышал старик, что крикнул старший, глуховат стал на седьмом десятке.

Цыбуля залез в шалаш и изо всей мочи начал трясти спокойно спавшего Василя. Больной застонал.

— Що з тобою? — спросил он.

— Да лучше сичас... я было заснул, — проговорил больной, не понимая, в чем дело и зачем его разбудили.

— Ну, слава Богу, а то ми вже перелякались, думали що з тобою що сталось.

Цыбуля быстрым движением правой руки осенил себя крестным знамением.

— Я бы с'ел чего нибудь... может борща дашь? попросил Василь и, приподнявшись, облокотился на локоть левой руки, чтобы приготовиться к еде.

Цыбуля выскочил из шалаша, налил в глиняную чашку борща, отрезал кусок мягкого хлеба и в ту же минуту вернулся назад.

— На їж, Василю, а потім чаю дам. Спотієш на ніч, то на ранок краще буде. Завтра ми з тобою в город підемо.

— Едва ли я дойду... слаб дуже...

— Иван Панкратович приказав, та й для тебе краще буде, коли в лазарет попадеш.

— Федор, иди чай пить, а то не останется! — послышался от костра голос Закрепы.

— Хіба ж води в річці мало? — весело ответил Цыбуля, с белой жестяной кружкой, сделанной из консервной банки, направляясь к чайнику.

— Это бывает... Человек костенеет, делается што мертвый, ни сердце не стучит, ни дыханья нету, ну прямо в гроб клади.

Иван Панкратыч и Тимофей Никифорыч сидели в сторонке и говорили о Василе. Цыбуля насторожился, тихонько подошел к ним и плавно не нарушая тишины, опустился на землю. Интересно послушать разговоры старых людей, ведь сколько всяких оказий случалось на белом свете, даже и не верится другой раз, словно как в сказке написано.

— А я было испугался, — промолвил Иван Панкратыч, — ну, думаю, погиб Василь на чужой сторонке... ребят крикнул...

— Нет это бывает, — продолжал Тимофей Никифорыч, — человек костенеет. Иногда по ошибке и в гроб кладут, а зароют в могилу он и начнет кричать. Известное дело от духоты то очнется, перепужается, хочет вырваться, да где там, разе из под земли то вылезешь!...

Один за одним подползли и другие косари. Обжигая руки горячими кружками, расположились вокруг, внимательно вслушиваясь в медленное стариковское шамканье. Дед неторопливо почистил свою вонючую люльку, насыпал табаку, взял уголек, и долго сопел, втягивая в себя воздух. Наконец люлька разгорелась, дед затянулся крепким табачным дымом, сплюнул и, подвернув ноги по азиатски, тихо заговорил:

— Известное дело, коли дохтур освидетельствует, да прикажет в больницу отправить, ну человек и отойдет, а то больше все погибают: в гроб да и на погост... Что ж, люди не ученые, в станицах допреж и хвельшеров то не было, где тут допытываться — закостенел, аль взаправду умер.

— А случалось, что подолгу в закостенении находились? — спросил Иван Панкратыч.

— Да говорят, что и по нескольку месяцев. Мне самому не приходилось видывать, а вот по ошибке схоронили одну казачку, так это и на вашей памяти. Лет должно двадцать тому назад...

— Так как же узнали, что по ошибке, разе отрыли потом?

— Отрыли.. В первую же ночь отрыли... Этим только и спаслась, а то бы, известное дело, задохлась.

— Розкажи, Тимофій Никифорович, як же це так сталося? — умоляющe попросил Цыбуля и в ожидании чего то страшного, поджал под себя босые ноги с большими, напоминающими скорее медвежьи когти, ногтями.

Близко под самым шалашом заплакал шакал.

— Хлопцы! — закричал Игнат Закрепа, — береги чоботы, а то шакал сожрет, косить не в чем будет.

— Цить ти, — толкнул его в бок Цыбуля, — слухай що дід каже!

— В станице Расшеватской то было, — начал дед свой рассказ, — у урядника Безсолова приболела жинка, здоровая, дебелая казачка. Дня должно три повалялась в постели, а потом и закостенела. За дохтуром ехать далеко, а хвельшер поглядел, поглядел, да и говорит, что гроб треба делать. Ну, известное дело, лежит не дышит, глаза закрыты, не шелохнется. Умерла и умерла. Муж в горе, родные плачут, детишки убиваются, а ей хоть что. Все слышит, а сказать ничего не может, рукой, аль ногой пошевелить не в силах. Обмыли, обрядили, положили на стол. Панахиду отпели. Народ чуть не со всей станицы собрался проститься с покойницей то, а на другой день отнесли в церковь, да и хоронить.

— Вот, наверно, перепужалась?! — воскликнул Федор Цыбуля.

— Известное дело перепужалась, да ничего поделать то нельзя. Игнат! — обратился вдруг Тимофей Никифорыч к Закрепе, — а ты бы хворосту подложил в костер, а то совсем затух, да и свежо стало.

С моря тянул прохладный ветерок, а следом наползал густой молочного цвета туман, одевая всю долину в росяную ризу.

— Так подождите, не рассказывайте! — взмолился Закрепа и бегом бросился в кусты за сухим хворостом.

Через минуту он вернулся назад с охапкой дров и поспешно сел на свое место.

— Ну, вот с огоньком то и веселее, — заметил дед и неторопясь, ковыряя закорузлым пальцем трубку, стал продолжать свой рассказ.

— На кладбище опять отслужили панахиду, забили крышку, опустили гроб в яму, да тем дело и кончилось. Летнее время, работа, где ж тут горевать, время не то.

— Так как же ее отрыть то догадались? — пытливо спросил Иван Панкратыч.

— А вот как... В станице жил мужик один, Митька Косой по прозвищу, вот он то и отрыл. Митька то этот самый ремеслом занимался спервоначалу, а потом бросил это дело и чем жил, Бог его знает, только слух ходил по станице, што не чист на руку, воровством вроде промышляет. А где, што и как доказать то никто и не мог, пока на ефтом деле не запопался. Ну вот, Митька то увидал што на покойнице кольцо обручальное, да крест золотой на груди, ну известное дело загорелось воровское сердце и в ту же ночь пошел со своими сынами на работу. Могилка свежая, долго ли откопать то... раз, два и готово. Одного сына на воротах оставил, как бы часовым што-ль, а с другим с колченогим за дело принялся. Открыли крышку и начали орудовать. Крест-то сняли, а кольцо никак не поддается. „Папаша, а ты ножем отрежь“, сын то ему дает наставление. Митька недолго думая и в самом деле вынул нож, оттянул руку, штоб сподручнее было и ну резать палец то, да и не заметил, как приподнял покойницу. А она в этот самый момент проснулась, от боли што-ль, аль срок ей пришел... Сын то первый увидал открытые глаза, как крикнет, да бежать, прямо к ограде. Перелез через забор, прыгнул, да зацепился кривой то ногой за доски и повис вниз головой... А Митька то как глянул, што покойница сидит в гробу и смотрит на него, так замертво и упал... с испугу то. Покойница, известное дело, выскочила из могилы, да прямо в станицу. Прибегла домой, постучала в двери. Свекор, аль муж спросили, кто дескать тут. Я, говорит, Василиса. Известное дело перепужались, не открывают. Она стучать давай, плакать, ну, а тогда и вовсе от страху то позабились кто куда. Видит Василиса, што дело плохо, к попу побежала. Перебегла через площадь и прямо к батюшкиному дому. Поп то тоже спросил кто значит и по какому делу. Она ему и ахнула, што я де Василиса Безсолова с кладбища прибегла, што де живую похоронили по ошибке... Поп тоже перепужался. „Да воскреснет Бог и расточатся врази его“ начал читать. Василиса к дьякону — рядом тут же через дом — пошла. Опять значит стук в двери. Дьякон, как узнал, што покойница заявилась, да как заорет што есть духу: „Отойди от меня сатана!“ Видит баба што дело плохо, все ее боятся, за настоящего покойника принимают, отправилась к дьячку в церковную сторожку.

— А дьячек то поди совсем умер от страха? — не выдержал Игнат.

— Нет! У дьячка то пирушка была. Гостей полна хата. И учителя, и хвельшер станичный и писарь, ну, известное дело, антелегенция — ни в Бога не верят, да и черта то не дуже боятся. Впустили Василису, распросили в чем дело, да всей компанией в правление. Вызвали атамана, попа, доложили все как следовает быть по обстоятельству и прямо на кладбище.

— А Митька должно утек? — спросил один из косарей.

— Никуда ни утек, так тут и лежал в беспамятстве. Привели его в чувствие, допросили што и как, ну известное дело, сознался. Позарился, говорит, на золото. Сына то колченогова сняли с забора, так и висел вниз головой, а другой то што на воротах стоял — убег, потом словили. Все повинились.

— Ну, а что было Митьке то за это?

— Да што было?... Можно сказать ничего. Скрыли все. Известное дело Безсоловы то рады радехоньки, опосля еще благодарили Митьку то за это. Так и жил в станице до самой революции, старший то сын комиссаром заделался. Василиса то Безсолова долго болела, ну, а опосля выходилась, да такая баба стала, што отдай все да мало! Хвельшер оправдался, говорит в эфтом деле и дохтура могут ошибиться! Как то он назвал по ученому то, уж и не запомню. Трагический сон што-ль? Ну, а по нашему то просто костенение.

Дед замолчал. Легкий ветерок подул с моря. В долине, окутанной молочным туманом, сделалось свежо и сыро. Костер догорал, изредка вздрагивая и выбрасывая язык пламени.

— Ну, хлопцы, спать пора! — сказал Иван Панкратыч, — засиделись сегодня, а с зарей то косить надоть.

Один за одним полезли в шалаш, делясь впечатлениями от дедова рассказа.

Над шалашом, погрузившемся тотчас же в крепкий, здоровый сон, прокричал филин, а далеко где то за рекой завыла волчица и на ее протяжный вой злым лаем откликнулись на селе турецкие собаки.

Санжа Балыков. (*Прага*).

Наши черти.

Хотя они порой и здорово мне досаждали, не раз заставляли дрожать от страха, но теперь вспоминаю их тепло, с удовольствием.

Ей Богу, оказывается, они были симпатичными чертиками; вот действительно: „что имеем, не жалеем, потеряви — плачем“.

Теперь черти пошли уже не те, нынешние куда хуже, похамистее, кровожаднее. А тех же, которые водились тогда, во дни моего детства, и которых было так много, что имена их не перечислить, есть чем добрым вспомнить.

Были: Чомпалик, Чёткир, Алмус, Шулмус, Эрлек, Яман. Последний прямо таки нравился мне. Он появлялся всегда в виде хорошенькой златокудрой девочки, готовой со мной поиграть, или в виде красивой, хорошо одетой молодайки с приветливой улыбкой на губах; главное, зла он никому никогда не делал, а наоборот, те лица к коим привыкал Яман, могли при его помощи узнавать всякие тайны, причины болезней, предупреждать беды и этим не дурно зарабатывали.

Одно только было не хорошо со стороны Ямана. Он ставил непременным условием, чтобы человек, спознавшийся с ним, не пил раку, не курил табак, не ел жирного мяса и не молился Богу.

Я чувствовал, что выполнить эти условия — пустяки и не прочь был снюхаться с Яманом, но он и не показывался мне.

Забавен и терпим был и Четкир: маленький, тонконогий, всегда голенький, с взлохмаченной черной головой, темнолицый, он любил сильно проказничать, не делая большого зла.

Бывало, приведешь на ночь в полный порядок все свое костяное хозяйство, образцовое коннозаводство, а на утро смотришь — злодей Четкир все пораскидал: жеребцы выброшены из конюшни и перемешаны с быками, овцы с свиньями, баз разорен, табунщики лежат в собачьей конуре, а собаки под опрокинутой арбой, скаковой круг стерт, конюшни поразвалены; снова все нужно строить, распределять, располагать, хлопот, одним словом, на целый день.

А как бывало прошу Четкира каждый вечер — этого не делать, но он, видимо, не мог утерпеть, руки чесались.

Впрочем проказничал он только весною и летом, а зимою и осенью прятался, например, забивался в погреб, спускался в глубокий колодезь, и лежал там мирно до самых теплых дней потому, что как голый и босый, он не переносил морозов.

Чомпалик — безличный, безтелесный дух умерших, грешных людей, которые в смертный час с сожалением подумали о земных благах, о детях, о жене, о деньгах, скотах и пр.

Чомпалик вреда особенного людям не делал, но часто пугал путников об'являясь в необыкновенных видах.

Этого я видел. Однажды возвращались мы с отцом на бричке из ярмарки, бугая старого продавши. Была светлая, пресветлая ночь. Луна, звезды, „небесный шов",*) — все было как следует.

Добрые лошадки дружно рысили по пыльной дороге.

Вдруг отец натянул возжи, остановил лошадей и молча уставился вперед. Я приподнялся и тоже взглянул. Прямо перед нашими лошадьми, поперек широкой дороги лежала длинная, черная пречерная человечья тень. Нигде никого, кругом мертвая тишина, а перед нами тень!

Отец поднял голову на небо, я тоже — и там никого. Долго мы стояли перед этой тенью, не смея на нее наезжать, зная, что как только лошади наступят на тень, так сей-час же будут невидимыми путами спутаны по ногам.

Не знаю, что было бы дальше, только я догадался прочесть молитву против чомпаликов и тень внезапно исчезла.

Алмус и Шулмус эти были смелее, и вреднее.

Могли они и зло причинить, вообще с ними шутки были плохи. Алмус был мужчина; Шулмус — женщина. Ходили они всегда вместе, парой, редко в одиночку.

Они могли забраться ночью и в кибитку, особенно где не горела лампада перед божницей; в таких случаях они часто поедали на молоке каймак, забирая его длинными, грязными пальцами с черными ногтями, а выйдя, дразнили собак, пугали коров и т. д.

Этого мало, с одним нашим предком, силачем Морку вот что было:

Ехал однажды Морку по степи и встречает незнакомого молодца, который без долгих разговоров предлагает ему побороться.

— Я, говорит, долго искал этой встречи, так как слышал про вашу силу.

Предок наш этому не удивился и тут же согласился. Начали бороться.

Морку с первого же маха схватил своего противника, поднял на воздух и изо всей силы бахнул его головой об землю и... диву дался.

Обыкновенному человеку лежать бы на месте, а он отскочил от земли как мячик и лезет на голову Морка.

Морку другой раз ткнул его таким же манером, а тот, как будто сильнее и ловче стал.

Тут мой предок догадался с кем имеет дело и, улучив минутку, хвать его за волосы и выдернул пучек волос.

*) Млечный путь.

Незнакомец тут и взмолился. Он признался, кто он такой есть, стал хвалить Моркову силу и просил вернуть волосы.

А Морку, не будь дурак, и слышать, как будто не слышит, положил пучек в кисет с табаком, засунул за пазуху и поехал домой, а Алмус ни на шаг не отстает, словно собака верная за ним идет.

Пришли они этак до Морковой кибитки, хозяин вошел туда, а Алмус сел у порога и все скулит.

Морку ему и говорит:

— Слушай Алмус, я волос твоих сейчас не дам, а служи ты у меня работником верным и усердным, чтобы ни я, ни супруга моя ничего не делали, будешь хорошо работать, когда-нибудь получишь твои волосы — с этими словами положил он Алмусовы волосы в божницу.

И Алмус стал служить, да так хорошо, что лучше не сыскать. Что коров подоить, раку сварить — на все мастер.

Морку с женой так к нему привыкли, что часто забывали кто он такой.

Однажды поехали они в гости в другой хотон, а дома оставили своего работника и старшего ребенка, пяти-шестилетнюю дочь.

Вот тут-то дьявол и сказался.

Он подговорил девочку открыть божницу (сам же не может к святому месту подойтп) и взять ему оттуда пучек его волос. Девочка исполнила все. Алмус получил свои волосы, схватил девочку, бросил ее в котел с кипящим молоком и скрылся.

Да... Алмусов и Шулмусов я боялся здорово.

А видел всего раз. Проснулся я однажды ночью от неистового лая собак и отвернув полсть, посмотрел кого это собаки рвут. Ночь была светлая. Окруженный сворой собак, с длиннейшей палкой в руке, которой он время от времени бил неосторожно приближавшихся собак, медленно удалялся в сторону „чертовой балки" двухсаженного роста тонкий человек.

Я поспешил закрыть щель и подальше забился под одеяло. С тех пор перестал выглядывать ночью на лай собак.

Так почти каждую ночь приходили Алмусы в хотон и, если какая баба забывала на дворе на ночь ширдык, то они непременно утаскивали его в свою „чертову балку", чтобы, усевшись на нем, петь свою песню: „тальва́ сала́тн ташуда, тавӯлан судже джиргие".

А однажды с нашим соседом вот какой случай был.

Приходит к ним в одну ночь незнакомый калмык и говорит хозяину: „ради доброго дела, отпустите со мной на часок вашу жену; ехал я с женой из гостей и вот, как раз против вашего хотона, недалеко, пришло время ей рожать. Я, как и всякий мужчина, в этом деле ничего не понимаю, а без помощи она не сможет разрешиться. Пожалуйста, говорит, не откажите в помощи".

Хозяин, конечно, охотно отпустил свою жену, ибо в таком деле, кто же откажет, да и жена разохотилась идти выручать незнакомку в беде.

Незнакомец повел нашу соседку на запад от хотона и, действительно, привел ее к женщине, мучившейся в родовых потугах.

Соседка наша в таких делах была мастак, живо принялась за работу, провела благополучные роды, приняла ребенка как следует, помогла матери в чем надо и тут только заметила, что никакой подводы при них нет и что они сидят в самой „чертовой балке".

— А где ваша подвода? — спросила она.

— Нет у нас подводы, мы здесь и живем, но вы не бойтесь, мы худа не сделаем, очень вам благодарны; вы сейчас идите, — говорит Алмус — но только не оглядывайтесь назад, а это вам награда, — и с этими словами протягивает он ей беленький узелок.

Она поняла с кем имеет дело, послушалась Алмуса и, благополучно вернувшись в свою кибитку, стала рассказывать мужу про все дело, а тот ей не верит, тогда она разворачивает узелок, а там больше сотни золотых монет.

С той поры и пошли они богатеть.

Самым страшным из всей нечистой братии того времени был Эрлек.

Все его боялись, даже самые отважные мужчины. Эрлик — посланец хана загробного мира. Он брал души умерших людей и отводил на загробный суд.

Кому Эрлек покажется, тому значит умирать скоро, ибо зря он никому не показывался. Потому его и боялись.

Теперь всех этих наших чертей не стало. Гром пушек недавней войны, свисты металических пуль, которых они боялись, разогнали, рассеяли их.

Появились новые черти, с новыми именами, с новыми специальностями.

Не люблю я их, и говорить о них не хочу, они гораздо хуже наших добрых старых чертей. Эти — настоящие кровососы, душегубы, и имена у них не хорошие: „чекист... коммунист... комиссар“...

Константин Поляков.
(Прага).

ПЕСНЯ БАЯНА.

Не надо нам летать и крыльев у нас нету,
С бандурою вдвоем пойдем бродить по свету.
Мы телом на земле, душой витаем в небе
И песней старою живем, не думая о хлебе...

Нам деньги не нужны, нас золото не манит,
Пусть нету ничего в разорванном кармане, —
Зато спокойны мы; не ведая кумиров,
С бандурою вдвоем идем кипящим миром.

Путь наш широкий, бесконечно долгий,
Года идут, но мы, — мы не умолкли.
И мы прийдем на Тихий Вольный Дон,
Чтобы отдать ему души последний стон.

Свободный край родной, Тебе отдали все:
Одни сложили жизнь за имя за Твое,
А мы Тебе бессмертие поем
И сердце вольное на Твой алтарь несем.

Сильнее много раз повторенной молитвы
И громче голоса кровавой битвы
Для нас два слова — Тихий Дон —
Ему несем души последний стон.

24-VI-1929.

Гнат Макуха.
(Югославія).

* * *

С. С. Савицькому.

Співай, мій голубе, співай!
Співай про рідную країну, —
Хоч в пісні бідную згадай
Її нещасну сиротину.
Вона в неволі, мов в тюрьмі,
В ярмо упряжена катами,
І, коли стогне у ярмі, —
Те ж забувається й синами.
Великий гріх... О, Боже, гріх
Її забути сиротину, —
І Бог устане супроть тих,
Хто забува свою країну.
Нехай клянуть тебе кати,
Нехай над піснею сміються, —
Твої невільники брати
До тебе, брате, обізвуться.
Не гріх про рідний край співать
І волю братові шукати,
А гріх на волі нам мовчать,
Колодою мов би лежати.
Співай же, голубе, співай!
Співай про рідную країну, —
Хоч в піснях бідную згадай
Її нещасну сиротину...

Вл. Куртин. *(Югославия).*

Семья Черкесовых.

На „Красной“ улице станицы А., рядом с другими домами, не отличаясь ничем от них, стоит дом Черкесовых. Типичный для последнего десятилетия казачий дом. Белый с голубым, точно жердела в цвету; с серой одинаковой крышей, на которой вертится на все стороны железный „кочет“; с рядом больших окон, за стеклами которых так скромно белеют кружева штор, а из под них глазящие на улицу простенькие „домашние“ цветы в зеленых горшечках.

Как и во всяком другом зажиточном казачьем доме, где есть молодежь доросшая до коня и шашки, одна комната — „кунацкая“, называемая иногда и „зала“. По стенам персидские ковры и паласы с развешанным по ним оружием; у стены оттоман, в углу седла, уздечки, сумы; на вешалке черкески, тесьма, подтесемки...

У Черкесовых всего этого больше, чем в других домах, хотя семья сравнительно и невелика: отец, три сына и дочь. Но это — настоящая казачья семья, семья старого кова. Отец перед сыновьями, сыновья перед отцом, а дочь перед братьями состязаются в выдержанности казачьего шика. Каждый имеет своего коня, даже Олюшка, 16 летняя джигит-девченка. Каждый имеет свое оружие. А все вместе — дедовское. Это семейная святыня. Неприкосновенность.

Все — джигиты. На станичных скачках, на лагерных сборах первые призы берет кто либо из братьев Черкесовых. А отец, неизменно присутствовавший на всех состязаниях, горячит и без того бешенного жеребца, помахивает плетью и только хитро в бороду посмеивается.

— Если, мол, сыны таковы... я то еще не так могу...

И правда. Бывало не одна девка, поставив ведро и опершись на коромысло, посмотрит широко открытыми глазами на Лукьяныча, когда он гонит лошадей к Кубани на водопой. Летит под гору, точно по ровному мягкому полю... а сам стройный, тонко в талии перетянутый. Короткая, широкая борода снегом поблескивает, а в глазах огонь...

И задумается девушка. Посмотрит на пыль, что взметнулась ввысь за проскакавшим стариком красавцем, опустится на землю, наденет ведро на крючки коромысел и, равномерно покачиваясь, пойдет на гору, напевая вполголоса:

... Я ж молодая, неразумная девченка:
Полюбила да казаченка старого...

Лукьяныч всегда весел. И пошутить любил. В особенности с девками и молодыми казачками. Где он, там не скучно: визжат, хохочут... Даже молодым парням завидно.

— Вишь, как он их разогрел, старый чорт!

В кабаке Лукьяныч тоже не последний. Рюмку в

руках не держал. — Жену в руках держи... а рюмку — выпей и поставь!

Любил и подтрунить над другими. Но, над собой? — Тотчас вскочит, грудь вперед.

У меня три сына офицеры, а я между ними, что генерал... а ты?

Сыновья редко бывали все вместе. Но, если, бывало, съезжались — Лукьяныч „гулял".

— Орлы слетелись!

Собирались друзья. Лилась водка. И песни. Вилась, кружилась наурская. Трещали выстрелы. А на другой день Лукьяныч с сыновьями в степи. Один на косилке, другой снопы таскает, третий подает их на воза, а Олюшка укладывает... Четко цокотят хода! Плавно несутся по пыльному шляху огромные воза... Черкесовы снопы возят.

На войну все три брата из „действительной" пошли, хотя младшему не было полных 19. И все три с войны живыми и здоровыми вернулись. Не беда, что на рукавах черкесок по несколько белых и желтых полосок.

Вернулись, как и пошли, джигитами, казаками. Средний брат, еще в школе Азаматом прозванный, до полковничьего чина хватил. В 25 лет! И имя себе завоевал. Остальные два брата даже дома его „господином полковником" величали. Потому — дисциплина. А ее, дисциплины-то в те дни уже было не густо. Лукьяныча уже давно в „буржуи" зачислили. В угнетатели. А на сыновей и смотреть спокойно не могли.

— Попили кровушки хрестьянской.

И возненавидела их русь иногородняя, всем сердцем и всею душою своею... А вся „вина" Черкесовых была лишь в том, что родились казаками. И за кровь свою держались крепко.

— Казак я ! И не могу каждой св..... подчиняться, — говаривал Лукьяныч уже совершенно побелевший. Матерными словами в правлении ругался. А если, случайно, увидит какого комиссара или оратора, закипит от злобы.

— А ты что тут ищешь, растегай твою мать!

— Не выражайтесь, товарищ !

— Пес тебе товарищ, картузная морда !

Старики сослуживцы уговаривали Лукьяныча:

— Не местись, все само собой образуется.

— Да, „образуется", обрывает Лукьяныч... образуется... а атамана уже „товарищем" зовут... чем это пахнет?

— Да, не хорошим, соглашаются старики

И разбредутся. А в правлении солдаты — санитары местной больницы судьбу „Российской республики" кроют, и уж, конечно, в первую голову — Казачество расказачивают.

Казаки же, которые „за Россию" на фронте бьются, которые с Россией... пробиваясь к станицам, которые землей з „бедняющими" делятся. Потому — равенство.

Да другими глазами смотрели на это равенство „бедняющие".

Не поделить „права и должности", а захватить в свои руки стремились и то и другое. Потому — большинство. А от большинства не далеко и до большевизма оказалось.

И навалилось на казаков большевицкое большинство. Брюхом по „Рассейски". Чешут станичники за ухом. Думают: посади, мол, свинью за стол, а она...

Монополыку товарищи разграбили. Ну, правду сказать, товарищи то на ней обожглись; а многие и совсем сгорели...

Гостей у Лукьяныча больше, нежели обычно. И говорливее они нежели обычно. А вскоре по станице слух прошел: „Казаки гарнизуются. По весь божий день толкутся в крепости". А однажды Лукьяныч при всем своем шике казачьем к „бывшему" правлению подлетел:

— Так то так г. г. товарищи — устав то ваш, а монастырь то наш. Поняли?

Как не понять, когда Азамат уже взорвал железнодорожный путь, а два других сына с сотнями к центру подступают...

... Зашипели гранаты. Затрещали пулеметы. Повалили назад казаки.

— Куда вы, вашу мать?!

Сила их... только напрасное крови пролитие.

Лукьяныч с десятком других казаков бегает по фронту.

— Не отступать! Покажут они вам „крови пролитие".

А потом началась охота. Точно мистические животные, от одного вида которых кровь стынет в жилах, расползлись по станице грузовики. И одним из первых, со скрюченными сзади руками, между звериными мордами расскомунцев, сидел Лукьяныч. Проводники теплат старика.

— Не уйдут ли твои гг. офицеры?

Не отвечает Лукьяныч. Смотрит в Закубанскую сторону.

— Где то они сейчас... Живьем не дались бы...

И пролилась горячая кровь казака. Напоила родной загон. Руки в черную землю впились... Грузовики новых подвозят...

Тугой и болью гудит медный колокол. Туга и боль в вибрирующих голосах певчих. Тяжко вздыхает тысячная толпа станичников, слушающих панихиду по убиенным и замученным Е. Черкасове и иже с ним...

Среди площади высится большой деревянный крест.

— На этом месте будет памятник! Памятник живот свой за Казачество положившим... Гордым и вольным он будет примером. Малодушным, шатающимся — вечным бичем, хлещущим их по их немирной совести...

Памятник — Крест.

Е. Л. Черкесову и иже с ним.

Хорошо знают станичники их имена. Не сотрутся они со сердца... Не один эшелон благословение под этим крестом принял...

Азамат с дивизией станицу защищает. Крест на площади. Кровь отца на загоне... Но навалились ваньки. Сила, говорят, и солому ломит. Опустела станица. Длинной вереницей вытянулись казачьи хода, направляясь за Кубань. В горную даль.

На площади, у Креста, остановился полк. Спешился. Вверху, над головами, вспыхивают сизо-белые облака рвущихся шрапнелей. Никто не скомандовал: шапки долой! а головы всех обнажились. Братья Черкесовы, а с ними и сестра их Олюшка, подошли к кресту. Пали на колени...

Взметнулись шапки.

— Садись!..

На рысях пробежали мимо родного дома... точно пол сердца оторвалось...

— Не смотри!.. Не оглядывайся!..

В горах Олюшка осталась. Подстрелили ее, когда неслась она, точно чайка, к широкому морю, к свободе... Под Каховкой сложил свои кости младший брат. Без вести пропал старший. А средний — сильный и гордый, он не оставил своих казаков. Не побоялся ЧК. Не потерял след свободы. И по нем из Сибирской тайги провел казаков к родному Вольноказачьему куреню...

... Ой, повій, повій,
та буйнесенький вітре!..

Та скорійш!.. Бо ще не перевелась козача сила...
Братів щоб рятувати! Ще й живі Азамати!..

Братья-казаки! Читайте и помогайте распространять среди казаков журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво".

Пусть не будет казака, который бы не читал своего журнала.

Читатели, сообщайте в редакцию адреса своих знакомых и приятелей, которые еще не получают журнал „В. К."

Виктор Карпушкин („Терец“).
(Брно).

* * *

Я видел сон... Как будто бы весна,
С сияньем звезд, с журчаньем ручейков
И с запахом сирени под окном,
Прохладой вечера и прелестью чарующего дня,
Природу к жизни пробудила...

И так был счастлив я... Там,
Вдалеке я видел цепи гор —
Кавказа празднично-торжественный убор
— И надо всем кавказский великан
Казбек-Гора вершиной возвышался.

И Терека вода, прозрачна как кристал,
Восторгом, радостью и счастьем ликовала,
Волшебно-сказочным узором огибала
Подножия вблизи торчащих скал
И вдаль широкой лентой убегала.

И в сказочных тонах родного края
Мой взор тонул... И как был мил
Кавказ во дни волшебства мая!..
Я воздуха струи бодрящие вдыхал
И аромат цветов я полной грудью пил...

Увы... То был лишь мимолетный сон
Волшебно-сказочный, приятный, но мгновенный.
И снова мне напомнил ярко он
Родимый край и Терек незабвенный...
Да будешь ты, Родимый Край, благословенный!..

16-II-1926.

Ф. Полковников.
(Загреб).

* * *

Словно старый горбишь плечи —
Эка, приуныл!..
Будут песни, будут встречи,
Будут радостные речи
Полны новых сил...

И опять, опять воспрянешь,
Смело Божий мир оглянешь
И... тряхнешь кудрей...

Эй, вы там, за синем морем,
Эй, вы там, за синью гор,
Наше горе нам не в горе —
Мы привыкли с давних пор...

Вольной песнью пронесемся
Через горы, через лес,
Подголосками зальемся
В голубую синь небес...

Наше горе нам не в горе!..
Жив-ли Ты, за синью гор?
Жив-ли Ты, за синим морем,
Голубой степной простор?

Жив-ли Ты? Жива-ли сила
По казачьим хуторам?..

. . . . . .

Иль неволюшка сломила
И в курганы схоронила
На посмешище врагам.

1927.

Еще о роли казачьей эмиграции.

Переселение небольшой пока части кубанцев в Перу всколыхнуло всю казачью эмиграцию. Всколыхнуло потому, что возможность устроиться на землю, сесть своим хозяйством, вернуться к своему привычному труду и роли хозяина-господина в своем доме и на своей земле хотя бы и в чужом краю — это для всех казаков на чужбине является давно уже заветной мечтой. Вот почему Перу вдруг стало „землей обетованной“ казачьей эмиграции. Будет-ли ею в действительности, — не знаем. На этот вопрос может ответить только будущее. Мы настроены осторожно.

Но, заволновались казаки. Заволновались тем более, что надоело жить в батраках; утомились от непривычного и неблагодарного труда на фабриках и заводах; отупели на рудниках или каменоломнях; устали строить чужие шоссе; истосковались по родной Земле и начали терять веру в то, что скоро ее увидят снова...

Люди часто ошибаются. Когда в 1914 году началась Великая война, все — и военные и невоенные — думали, что она будет очень короткой. На самом деле она оказалась очень продолжительной. Когда в 1917 году русскую государственную власть захватили большевики-коммунисты, противники их думали, что продержатся они... несколько недель. Когда русские антибольшевики, украинцы, казаки и эмиграция других народов, боровшихся за свое освобождение, очутились заграницей, тоже все считали, что не надолго. Долго очень среди эмиграции царствовало „чемоданное“ настроение. Думали заграницей только переждать и перебиться. И пережидали... изо дня в день, из года в год.

Неправильными оказались предположения тех, кто полагал, что срок нашей эмиграции будет слишком короткий. А эти неправильные предположения привели к тому, что казачья эмиграция на несколько лет опоздала устраиваться и оседать заграницей „по хозяйски“. Правильнее бы было, если бы, веря безусловно в скорое возвращение на свою Родину, готовясь и работая для этого возвращения, в то же время устраиваться здесь, заграницей, основательно и серьезно. Уже для успеха самой борьбы Казачества за свое освобождение нужно, чтобы казачья эмиграция сделалась материально обеспеченной, имущественно сильной. С голыми руками и пустыми карманами ничего и никого не освободишь.

Если раньше несбыточные надежды на скорое появление в Москве власти неведомой „третьей России“ создавали некоторые иллюзии и являлись оправданием „чемоданного“ настроения, равно как и освобождали многих от того, чтобы самим думать об освобождении своих Краев от московских сатрапов, то сейчас кое где начинает проявляться другая крайность. В связи с перуанскими „перспективами“ заговорили об основании нового казачьего Войска... на берегах Апуримака. Может быть и хорошая мысль, она оказалась бы именно крайностью, если бы заслонила собою основную задачу казачьей эмиграции — борьбу за освобождение Казачьих Земель, если бы знаменала отказ или уклонение от осуществления идеи казачьей государственности. Скажем откровенно наперед: нас мало прельщает судьба некрасовцев в Малой Азии, или доля остатков Запорожья за Дунаем.

Повторяем: искать лучшее нужно, устраиваться основательно нужно, собраться, если где можно (пусть это будет и Перу), казакам вместе следует, но никогда не следует забывать нам, что мы эмиграция, никогда и ни при каких условиях не должны мы отказываться от своей Родины и возможности ее освобождения. Нам выпал тяжкий удел работать каждому на себя и каждому же (и всем нам вместе) работать на свою порабощенную Родину. От этого уклониться не можем и не смеем.

При соблюдении этих условий, сама мысль о сосредоточении казачьей эмиграции, может быть и об основании нового „Перуанского“ казачьего Войска, как средство сохранения Казачества заграницей, — мысль безусловно правильная и ее можно только приветствовать. Удастся ли осуществить эту задачу в Перу, покажут... прежде всего климатические условия экваториального Перу.

Мы пользуемся еще раз этим случаем, чтобы напомнить и подчеркнуть Казачеству, что достаточно оно наделало „ошибок“ в прошлом, чтобы начать извлекать из них и некоторое поучение.

Поведение некоторой части казачьей эмиграции заграницей во многом напоминает поведение и действия некоторой части казачества там дома, в 1917—1920 годах.

Когда разразилась революция 1917 года, не все Казачество правильно оценила ее подлинную сущность, не всем ясны были все поставленные ею вопросы, не многие предвидели ее результаты. Считали ее явлением временным, преходящим, ждали ее скорого конца и... вместо того, чтобы считаться с фактами исторических событий, разрушивших старую Империю, и начать немедленно строить свои собственные Дома, Казачество хотело строить чужой дом, а для себя сколачивало кое как временные шалаши. Тоже думали только... переждать и перебиться, упорно твердили „впредь до“... Умнее оказались те, кто не занимался вопросом, как долго будут сидеть большевики в Кремле, а немедленно, со всей своей силой и энергией начали строить свой собственный дом. Не скитаются сейчас по белу свету малые прибалтийские народы, которые не тратили своих сил на борьбу за чужие интересы, не устилали своими костьми и не поливали своей кровью никаких московских дорог, а отдали их целиком и полностью каждый своей родине, пусть небольшой и не богатой, но, повторяем, с в о е й. А кто из нас не захотел бы сейчас поменяться с ними? Могли и мы, казаки, жить сейчас в своем Доме не хуже их — Казачьи Земли, ведь, и больше и богаче. И сила была тогда у Казачества, да не так она растрачена, как нужно было ее тратить.

Нужно хотя теперь выходить Казачеству на с в о ю Дорогу и этой Дороги не терять из виду ни при каких обстоятельствах ни т а м, дома, ни з д е с ь, в эмиграции. К эмиграции мы можем быть более строгими в этом отношении, ибо там, под большевиками, о собственных Дорогах Казачеству не только говорить, но и думать не разрешается. На этом месте мы уже не однажды отмечали, что формулировку политической идеологии Казачества и государственной системы Казачьих Земель должна взять на себя казачья эмиграция. Это ее долг и обязанность.

Должна ли казачья эмиграция, садясь на землю, устраиваясь заграницей „всерьез и надолго“, основывая даже новое казачье Войско в Перу или еще где, — должна ли она отказаться от мысли о возвращении домой? — Нет, не должна. Нам надо думать и о себе, и о тех, кто остался т а м. И как бы тяжело нам здесь не было, надо всегда помнить, что т а м безмерно тяжелее. Мы же глубоко верим, что придет время, может быть и скоро, когда оттуда попросят помощи, когда казачья эмиграция должна будет еще раз исполнить свой долг по отношению к своей Родине.

Надо только, чтобы казачья эмиграция правильно определила свою роль и безошибочно нашла свое место в будущих событиях ныне СССР. Если бы эти события наступили завтра (что они вообще наступят, — в этом может быть наименьше сомнений), — нужно откровенно признаться, что роль казачьей эмиграции, как непосредственной военной (физической) силы была бы и теперь уже не так значительной. Тем меньшей она может быть в будущем. Зато политическая роль казачьей эмиграции может быть очень большой. Казачья эмиграция может положить на чашку весов неизбежной будущей борьбы то, чего недостает ныне т а м: организованную политическую мысль, хорошо продуманную программу решения казачьего вопроса, короче — только она может свободно формулировать сейчас Казачью Идею. Казачья эмиграция, если бы она того захотела и если бы сумела, могла бы стать политическим вождем освобожденного и возрожденного Казачества.

Мы думаем, что она им станет.

Святой Вацлав 929--1929.

„Святый Вацлаве, воевода земли Чешской, не дай погибнуть ни нам, ни нашим потомкам".

Так звучит хорал святовацлавский в эти дни по всем уголкам Земли Чешской. Целых девять дней раздаются торжественные звуки колоколов и по всей стране молится народ чешский, вспоминая тысячелетие смерти своего легендарного князя и патрона.

Тысячелетняя традиция тесно связала чешский народ и его государственность с именем первого коронованного мученика чешского и пустила глубокие корни в его самосознании. Не даром же правительственный проект закона о государственном праздновании этого исторического юбилея указывал на то, что идея святовацлавская „оказала не малое влияние на осуществление нашей вновь добытой самостоятельности" и „празднование святовацлавского тысячелетия есть одновременно тысячелетием основного чешского государства".

Святовацлавская традиция в народе чешском в самые тяжелые дни его жизни играла такую же роль какую во Франции играет традиция Девы Орлеанской, в Сербии — св. королевича Саввы, в Венгрии — св. короля Стефана и т. д. и т. п. У многих народов есть свои святые, патроны их земель, создавшие народную традицию, игравшую немалую роль в их государственной жизни.

История сохранила о св. Вацлаве немногое. Молодой князь, юношей вступивший на престол, княжил не долго и погиб от предательской руки в юные годы. Но, несмотря на его юность и недолголетнее княжение, едва через 50 лет после его смерти, уже появилась древнеславянская легенда, а за нею латинская, озарившие личность князя мученика необыкновенным светом христианской чистоты, жертвенного человеколюбия и государственной мудрости.

Подобно тому, как в нашей истории, первые князья мученики св. Борис и Глеб, в самый короткий промежуток времени стали защитниками и покровителями земли древне-русской, Руси—Украины и нашей казачьей колыбели — Руси Тмутараканской, так и св. Вацлав, в короткое время стал тем светочем, к которому прибегает во всех нуждах народ чешский.

Св. Вацлав (Вячеслав, Венцеслав) родился около 908 г. как старший сын Братислава, брата пражского князя Спитигнева. Время святого Вацлава было наполнено двумя тяжелыми кризисами. Пражский княжеский род, в конце IX стол., отвернулся от Моравской империи, разгромленной переселившимися из степей Поволжья и Сев. Кавказа мадьярами и искал политической поддержки в соседней восточно-франконской монархии. Земля чешская, состоявшая тогда из ряда независимых удельных княжеств не была единодушна ни во внутренней, ни во внешней политике и пражские князья имели не мало противников.

Св. Вацлав уже с детства был подготовлен, как мирный и христианнейший владетель. Воспитывался он под руководством бабки своей, блаженной мученицы Людмилы, вложившей в душу его глубокие начала веры и человеколюбия, а потом учился в Будче, где была в то время знаменитая латинская школа. Воспитание в то время было в руках духовенства и нет ничего удивительного, что молодой князь отдался религии с таким увлечением, что даже хотел поступить иноком в один из монастырей Рима.

Это было время когда не существовало еще разделения церквей, когда еще папы римские были охранителями православия от „византийско-императорских" ересей, когда моравские первоучители распространяли христианство с благословения папы; потому то и имена св. Вячеслава и Людмилы вошли в широкий обиход церкви.

Св. Вацлав деятельно отдавался церкви, радушно принимал валом валивших из франконской империи священников, одарял их, строил церкви и монастыри, насаждая культуру в Чехии. В промежутки между государственными делами он потихоньку ночью выходил со слугою в поле, сам жал пшеницу, молотил ее и приготовлял просфоры; сам же он пестовал виноградники, собственноручно собирая плоды, давил вино и приготовлял его для церкви и неизменно присутствовал при богослужениях.

Но не только добротой и религиозностью прославился св. Вацлав; его военная доблесть и государственный ум не менее восхваляются легендами. Усилиями Вацлава была положена основа к об'единению Чехии.

„Святой Вацлав — это была легитимация культурности народа". Благодаря св. Вацлаву была включена Чехия в круг современной европейской цивилизации, как всеми признаваемый член ее; наивысшим даром св. Вацлава было то, что он дал народу чешскому христианскую культуру, которая сохранила его перед экспансией немцев и отогнала от его Отчизны бури многих катастроф. Он стал символом об'единения и блага чешского люда, поколения которого столетиями молилось св. Вацлаву, прося об охране и помощи в самые тяжелые моменты народной жизни. Отсюда и прекрасная легенда о „Бланицких рыцарях" святовацлавских, ушедших с ним в гору Бланик с тем, чтобы выйти из нее в ту пору, когда народу чешскому будет тяжелее всего и помочь ему.

В XI, XII, XIII стол. имя св Вацлава было именем воеводы и в тяжелое время Гуситских войн XV ст. святовацлавский хорал звучал над рядами гуситов, а гуситские учители и сам отец их Ян молятся св. Вацлаву: „не дай погибнуть ни нам, ни потомкам нашим".

В особенности же вознес культ святовацлавский король и император Карл IV. Он сам написал легенду о св. Вацлаве, выстроил ряд храмов его имени и приказал изготовить коронационные регалии чешские в 1346 г., с тем, чтобы корона постоянно хранилась на черепе св. Вацлава в храме св. Витта. Там же совершалось коронование королей чешских и там же коронационным мечом посвящали в рыцари святовацлавские; иногда и самое избрание короля производилось перед мощами князя-мученика.

В память св. Вацлава ежегодно 28 сент. и в день перенесения мощей его — 4-го марта — совершались паломничества в Прагу и Стар. Болеславу (место убийства); ему же посвящено более 200 церквей в Чехии и на Мораве. Хорал святовацлавский, самый старший из церковных песнопений чешских, после песни „Господи помилуй нас", пелся как бы в значении народного гимна при всех выдающихся случаях, и в XV ст. и в памятные дни революции 1848 г.; пели его с воодушевлением в храмах во время мировой войны 1914-18 г.г., символизируя мечту народа чешского на освобождение от власти Габсбургов; слова хорала часто вышивались и на знаменах чешских. И не только католики, но и противники Рима чтили и уважали св. Вацлава, также как и вожди чешской реформации.

Имя св. Вацлава проткало чешскую жизнь и чешское сердце во всех направлениях, в религии, политике, жизни общественной и частной, в поэзии, музыке и искусстве. Выдающиеся государственные акты печатались, изображением его, образ св. Вацлава служил гербом Чехии до XIII ст. и Праги в XIV ст., чешские деньги в средневековьи носили его изображение, носят его и первые золотые монеты освобожденной Чехословацкой республики. Чешский Сейм собирался в день св. Вацлава и все наиболее выдающиеся моменты и акции в отношении охраны или восстановления чешского государства велись под его патронатом.

Св. Вацлав был вождем и образцом для всех великанов чешского духа, следовавших по стопам „будителей" народа. В 1848 г. народный бой за освобождение был веден под патронатом св. Вацлава.

И теперь перед прекрасным памятником св. Вацлава мы часто бываем свидетелями народного воодушевления.

Имя св. Вацлава и святовацлавская традиция играли существенную роль и в борьбе чехословаков за освобождение в 1914-18 г.; все делалось под его пат-

ронатом. 28 сентября служились литургии в чешских храмах за освобождение страны; 28-го сентября 1914 г. в Киеве у св. Софии освятили знамя Чешской дружины, украшенное короной св. Вацлава и в приветственной речи российского генерала вспоминалось о бланицких рыцарях святовацлавских, роль которых переходила к легионерам. Легенда бланицкая золотой нитью проплела историю всего чешского боя за самостоятельность, а традиция святовацлавская была об'единяющим началом для чехословаков всех исповеданий и партий, даже первый полк чехословацкий был 1 января 1916 г. назван „полком св. Вацлава".

Сейчас тысячи люда идут поклониться гробу князя мученика в великолепный храм св. Вита и взглянуть на древние коронационные „святовацлавские" регалии; к ним обращалась столетиями мечта чешского народа во время рабства политического, с верой и надеждой в помощь своего патрона:

„Святый Вацлаве, воевода земли Чешской, не дай погибнуть ни нам, ни потомкам нашим"...

Инж. В. Бейсуг.

Об отношении к Евразийству*).

В одной из прошлых своих статей в „В. К." мы как-то обещали нашим читателям высказать наше отношение к евразийству. Ряд статей в последних номерах „Евразии", в частности статьи по национальному вопросу Д. Святополка-Мирского ускоряют наше намерение. Читатель, незнакомый со специальной евразийской литературой и неследящий за периодическим органом евразийской газеты „Евразия", мог уже получить некоторые сведения о рассматриваемом нами течении из статьи О. Долинского „Евразийство" в № 32 „В. К." Несмотря на то, что ряд замечаний Долинского неоспорим, мы все же несогласны с общим характером его отношения к евразийству и хотим предложить вниманию читателей несколько иное понимание этого мировоззрения.

Евразийское движение молодо. Начало современной евразийской концепции можно отнести к изданию, если не ошибаемся в 1921 г., книги Н. Трубецкого „Европа и человечество". Дата эта не дает нам еще повода думать, что евразийство появилось, как результат „краха всех русских довоенных идеологий" и является плодом исканий „идейно оказавшейся совсем выдохшейся русской эмиграции" (Долинский). Если евразийская проповедь зазвучала именно в эмиграции, то это лишь в силу убийственных условий для высказывания каких бы то ни было не чисто марксистско-коммунистических мыслей в СССР. Ни в какой органической связи с эмиграцией евразийство не стоит.

Появление таких трудов, как „Европа и человечество" И. Трубецкого, также как и, напр., нашумевшей немецкой книги Шпенглера „Закат Европы", никогда не бывает случайным, одиночным. Такие труды или являются отображением уже имеющихся настроений, или, наоборот, сами создают такое настроение и вызывают к жизни целую новую литературу. Успех евразийских идей в СССР лишний раз подтверждает, что дело идет не о чисто эмигрантской выдумке, но о чем то, что попадает на родную, психологически подготовленную почву. Так повидимому воспринимают евразийство и некоторые заинтересовавшиеся им иностранные ученые. Вот почему мы думаем, что существуют об'ективные условия, которые вызвали к жизни евразийство.

Всякое развитие наук сопряжено с некоторым пересмотром и основных положений, с процессом известной „переоценки ценностей". В то время, как в науках естественных этот процесс теряет свой нормальный темп и переходит в ломку всех прежде нерушимых истин лишь при каких либо особенно неожиданных и крупных открытиях (напр., опыты, подтвердившие теорию относительно Эйнштейна), в гуманитарных науках такая „генеральная переоценка ценностей" и разбивание всех прежних кумиров наступает обыкновенно, после продолжительного и сложного процесса самоизживания кумиров старых. Общественные течения, будучи связаны с развитием научной мысли, но воспринимая от нее уже готовые истины, не реагируют слишком чутко на всякие шероховатости зарождения идей и их самоизживание: чуткость не удел массы. Тем более зияющей зато оказывается потом пустота, и тем неожиданней для общества крах господствовавшей идеологии. Отвлекая общественное внимание в сторону, войны, народные бедствия и всякие крупные внешние события только обостряют такую неожиданность и заставляют посмотреть под ноги, когда дальше начинается уже... „вдруг" пропасть.

Годы после окончания Великой войны, — это годы духовных крахов и стихийной переоценки ценностей. Не только русская эмиграция оказалась идейно выдохшейся, как думает Долинский, но выдохлась известная часть всего человечества. В политическом отображении на русской эмиграции это видней лишь в силу ее именно политической убогости и беспочвенности. На самом же деле заколебались жизненные устои и пустоту вокруг почувствовали не только русские эмигранты. Всмотритесь в настроение современной Германии. Разве не переоценка ценностей идет там, — даже при сохранении известной доли старого фермента культурного шовинизма, питаемого теперь из источников оскорбленного поражением народного самолюбия? А это современное увлечение Европы Достоевским и Толстым, — разве это не искание новых путей? А итальянский фашизм, — ведь это перестройка всей национальной идеологии и равнение на новое „корпоративное" государство; разве не кризисом старых начал и переоценкой их ценностей вызван успех фашистских „новых" начал? А фигура Кемаля в Турции, — разве это не обновление „выдохшейся" Турции и пересмотр на новых основах панисламизма и пантюркизма? А проповедь вождей современной пробуждающейся Индии, вещающих новые начала? А своеобразные социальные идеалы китайского национализма? Да, наконец, перекройка политической карты Европы под треск ломающихся тронов, — не потрясение ли это прежних основ? Только в широкой плоскости подобных явлений и считаем мы возможным подходить к идеологическим обоснованиям евразийства. На евразийство нельзя смотреть лишь как на единственный в русской эмиграции опыт создания программы, основанной не на отрицательных признаках ненависти и непризнания большевиков, но на некоторых положительных обоснованиях. Это скорее отдельные побеги тех новых идеологических начал, какие в конечном итоге должны взойти с различными вариантами на отдельных частях площади, захваченной

*) От редакции: Стоя на платформе незыблемости своих основных программных положений, редакция журнала предоставляет сотрудникам высказывать и их личные мнения по различным вопросам. Обмен мнений и дисскусия могут только идти на пользу нашей работе, создавая разнообразность, а тем и большую всесторонность и ценность суждений. Перед нами еще столько новых вопросов и проблемм, что никакая общая программа не могла бы охватить их всех полностью. Важна основная линия. Тем более у редакции не может быть пока „оффициального мнения" по такому вопросу, как евразийство, — с одной стороны не имеющем непосредственного отношения к Казачеству, а с другой и мало еще известному широким кругам наших читателей. Полагая, однако, что и нашим читателям не помешает иметь свое суждение об этом новом течении среди эмиграции, редакция охотно помещала в свое время статью о евразийстве Долинского, а теперь, оставаясь сама беспристрастной, предоставляет место для некоторой полемики с ним инж. Бейсугу.

революцией и прошедшей через многолетний опыт марксизма, коммунизма и всех подобных прелестей.

Мы несогласны с Долинским, что евразийство оправдывается „традиционной в известных кругах русской общественности нелюбовью к Европе и к западной культуре". Дело не в нелюбви, но в сомнении в абсолютности и непогрешимости этой западной культуры. Мы преклоняемся, напр., перед достижениями европейской цивилизации и признаем несомненную высоту отдельных сторон западной культуры, но это не мешает нам видеть и ее темные стороны, а след. не считать Европу непогрешимой в делах культуры. И это не потому, что мы не любим Европу, но потому, что в ряде вопросов мы изверились в ее творческих силах. Для нас европейская культура такая же страница истории человечества, как и цивилизация древнего Китая, Индии, Вавилона, Египта, Персии. Где обоснования отождествлять прогресс человечества с прогрессом Европы и подменять одно другим? Япония приобщилась к благам европейской цивилизации, взяла ее хорошие стороны, напр., технику, но не причисляет европейцев к лику святых. Китай, как послушный школьник, проходит сейчас курс европейской культуры, но в то же время твердо хранит заветы своих древних философов и предпочитает в них искать идеологическое обоснование своих путей, чем плестись в хвосте европейской философии заплетающейся в собственных ногах. Духовный вождь Индии Ганди тоже не молится на Европу. Американская научно-экономическая мысль довольно бесцеремонно начинает разделываться со схоластикой европейской теории политической экономии. За то вот большая часть русских интеллигентов действительно уже целиком и без остатка ориентировалась на Европу, в одинаковой мере преклоняясь и перед негигиеничной и неудобной сбруей, именуемой крахмальным воротничком, и перед элегантной парламентской игрой в смену кабинетов. В итоге — от одних отстали, стыдливо конфузясь за ту каплю желтой крови, которая по словам Л. Дюртена („Другая Европа") есть в каждом русском, но и к другим не пристали: „своими" их западные европейцы все же не считают, — ни за верность Европе, ни за усвоение этикета, ни за добросовестное всестороннее подражание. Нет, учиться мы согласны у всех, кто больше нас знает, но „ориентироваться" лучше ни на кого не будем, — лишь на самих себя.

Большой плюс евразийства именно в том, что это миросозерцание не может принципиально являть уклон ни в сторону Европы, ни Азии, ибо своим названием уже говорит о синтезе, сочетании Европы с Азией. Если иногда получается впечатление, что евразийцы тянут на восток, то только потому, что европейцы творили до сих пор только западную культуру, не желая ее ни приспособлять к конкретной обстановке Востока, ни признавать за Востоком равного права на ее создание. Неудивительно, что для получения гармонии с востока приходится дополнять, а с Запада больше лишь корректировать. По существу же евразийство мыслит о сочетании культур Востока с культурой Запада, о сочетании, которое с одной стороны должно разбудить дремлющую душу Востока, а с другой — обновить, впрыснуть новые силы в усталый, подламывающийся Запад.

Слово „Евразия" не ново. Это довольно старый географический термин, обозначающий Европу и Азию, как один материк, и лишенный всякой политической прикраски. Таким же чисто научно-географическим приемом является и деление Евразии на три части: серединный континент или собственно Евразию и 2 окраинных мира — европейский и азиатский (Китай, Индия, Иран). При этом „европейский мир" совпадает с той частью Европы, которая по изрезанности берегов как бы представляет гигантский полуостров по отношению к компактной массе суши Европо-Азии. Установление границ между этими тремя частями столь же мало имеет общего с политикой, как и традиционное проведение границы между Европой и Азией по Уралу. Оспаривать научную целесообразность и обоснованность таких разделений, конечно, можно, но лишь с чисто географической точки зрения. Национальная принадлежность находящихся в данный период истории на обозначенных линиях народов и их „идейная принадлежность" (Долинский) никакого отношения к делению не имеет. Связывание момента географического с вопросом национальным и использование его с целью обоснования политического единства бывшей Российской Империи вовсе не есть евразийская доктрина, в худшем случае это чисто индивидуальное стремление р у с с к и х-евразийцев применить евразийство к политике и создать „прикладное" евразийство. Прикладных евразийств может быть столько, сколько народов живет в СССР. Для Украины, напр., такое примененное к себе евразийство могло бы быть еще более выигрышным, чем для Великороссии. Основываясь повидимому именно на этом моменте, Долинский и заключает, что „движение уже без евразийской маски показывает свое русское лицо", и считает его учением органически русским. В сознании всей ответственности нашего утверждения, и не забывая, что ответ на данный вопрос может послужить для наших читателей исходным пунктом для того или иного отношения к евразийству, мы отвечаем — н е т.

Мы можем наилучше обосновать наш ответ, если вспомним некоторые основные положения евразийства, а параллельно и отношение к ним Долинского. Учение евразийцев схватывает проблеммы религии, культуры, историософии, государства, географии, философии личности и нации, социологии и экономики. В виду молодости всего учения они находятся лишь в начальной стадии разработки. Все же известные центры тяжести начали обозначаться. Одним из таких центров является религиозный момент. Новая грядущая культура включит в себя, по мнению евразийцев, религиозный момент, как основную ось, в то время как осью современной западной культуры является материализм. „Нельзя надеяться на преодоление коммунизма, если религиозной, хотя и мнимой вере коммунизма и их мнимо-религиозному одушевлению не будет противопоставлена другая вера". По этому поводу Долинский пишет: „что в центре его (евразийства) был положен религиозный момент, это не может никого удивлять, если принять во внимание в конце концов русский праисточник этого движения". При чем тут „русский праисточник"? Разве только русские могут искать в религии источник творческих начал культуры? Да в той же СССР, напр., Дагестан потому и является до сих пор одним из непреодолимых центров для коммунизма, что издавна слывет, — среди востоковедов, как „мировая цитадель мусульманства" и именно на религиозном мотиве и пасуют там большевики.

Евразийцы принимают так наз. климатическую теорию миграции культур (ритмическое движение прогресса из колыбели человечества в направлении с востока на юг-запад-север и опять восток) и современным этапом этого движения культуры считают восток Европы, вернее приближение туда. Не принимать эту теорию, конечно, можно. Но принимать ее, — вовсе не значит считать центром чаяний человечества „русскую Москву", а отсюда выводить русский характер евразийства и в этом пункте. Применительно к прошлому и настоящему культура востока Европы символизируется Москвой, но ведь весь и смысл то современных национальных движений народов СССР в том, чтоб культура востока Европы перестала быть культурой Москвы, а стала бы культурой всех народов, этот восток населяющих. В этом случае почему же, напр., Киев так легко должен уступать Москве возможность считаться некоторое время этапом на пути миграции культуры? Почему, напр., Казачество должно отойти с дороги и не верить, что и оно может быть причастно к делу творения общечеловеческой культуры?

Теория миграции культур может быть легко суживаема и приспособима. Некоторые русские евразийцы так и делают. Но принципиально теория относима евразийством ко всему комплексу народов и земель Евразии. И с этой точки зрения мы, принимая теорию, разумеем будущим центром тяжести человеческой истории не русскую Москву, но весь комплекс народов, составляющих ныне теперешнюю СССР. Та или иная степень сравнительного культурного значения отдельных политических образований на этой площади определится степенью внутренних творческих сил. С этой

точки зрения великоросс верит в Москву, украинец — в Киев, мы, казаки, — в силы наши собственные. Все это не стоит во взаимном теоретическом противоречии и укладывается в рамках евразийства, утверждающем, а не отрицающем, самобытность национальностей.

Мы не фантазируем о каком то прыжке через Европу. Мы хотим только сказать, что наш культурно-исторический идеаль мы хотим создать себе свой собственный, а не искать его в кладовых Европы: учиться, повторяем, мы готовы у всех, но выскакивать из одних задворок только для того, чтоб попасть на задворки другие — это слишком дешевые идеалы. Идеологические же основания для постройки собственных дворов всем тем, кто был связан в пучек павшей Империи, и дает евразийство.

Мы подошли к одной из наиболее интересных для нас тем евразийства, — вопросу национальному. Цикл программных статей по национальному вопросу под заглавием „Национальности СССР“ Д. Святополк-Мирский начинает так (№ 22 „Евразии“): „Большая заслуга евразийства, что, несмотря на заложенные в нем националистические соблазны, оно с самого начала указало путь к преодолеиию русского национализма, именем своим подчеркнув над-национальный характер своего задания“. Мы обращаем внимание читателя на последнее слово, т. к. ключ к пониманию основной интуиции евразийцев именно тут. В практическом же решении вопроса они запутались и буквально не ведают, что творят: „СССР должен явиться образцом (?) для организации всемирного единства (?) народов... ... Условиями мирного об'единения должны явиться: 1) географическая, культурная и хозяйственная реальность входящих в него единиц, 2) равенство национальностей не в женевском, а в московском смысле (??), предполагающее, конечно, равенство рас; 3) полное изжитие империализма“. — Все это благодушные пожелания и нежелание видеть, что СССР не есть желанным примером и не содержит в своей политической структуре ни одного из тех элементов, которые по желанию евразийцев содержать бы был должен. Федерация, как конкретное решение национального вопроса, в евразийском понимании принимает прямо наивный характер, благодаря безграничной отвлеченности. Но все же специфически русским оно не является (женевское решение столь же базируется на словах, а не на деле) и „русским“ учение евразийцев не делает.

Тем менее русской можно назвать попытку евразийцев создать новые экономические идеалы. В попытках сглаживания социальных ненормальностей, связанных с началом частной собственности в условиях современного капиталистического строя, евразийство намечает понятие „функциональной собственности“ (обусловленную государством, проистекающую от него и связанную с обязанностями по отношению к нему) и такое же „функциональное значение“ придает рабочим и капиталистам, вменяя в обязанность государству „охраняя необходимую для экономической жизни сферу свободной инициативы и конкуренции, регулировать и контролировать ее не с точки зрения рабочего и капиталиста, а с точки зрения интересов целого“.

О географико-евразийской концепции мы уже говорили. Принимая, что большевицкая революция послужила окончательным толчком для пересмотра старых начал и вызывает необходимую переоценку ценностей, евразийцы остаются до конца логичными и ее принимают, как начало новой фазы в истории Евразии. Исключительные масштабы пространства, захваченного революцией, по нашему уже достаточны, чтоб отметить большевизм, как страницу мировой истории. Доказываемая ею несостоятельность коммунизма и марксизма столь полна значення, что большевицкая революция может претендовать и на отдельную страницу в истории культуры человечества, т. к. до нея (революции) тот же марксизм уже был близок к роли руководящих девизов современной культуры. Долинский же повидимому считает революцию событием местным („этим событием по их мнению чуть ли (?) не начиналась новая эпоха в истории человечества вообще“), — не Европа ли взяла по его мнению патент на открытие новых эпох и создание истории человечества?

Приняв большевицкую революцию, евразийство естественно должно было занять какую то определенную позицию в отношении дальнейшей ее тактики. И вот тут то, в точке пересечения отвлеченной теории с практикой приверженцы евразийского учения раскололись на 2 лагеря. Раскол наметился уже к моменту издания газеты „Евразия“, а формально произошел после выхода Н. Трубецкого и других из числа сотрудников газеты (см. его открытое письмо в № 7 „Евразии“ в январе месяце). Делая трафаретное сравнение, мы можем констатировать раскол евразийцев на „правых“ и „левых“, при чем правые считают учение левых за антиевразийство, а левые обвиняют правых в нежелании идти до конца. Повидимому не лишены известной доли правды слышащиеся среди правых голоса, что левые решили одеться в защитный цвет и сделать ставку на распространение евразийства в СССР, для чего и создают известный уклон газеты. Говорят, что тактически евразийство этим много выиграло и новое мировоззрение действительно делает большие успехи в СССР. Зато в своей идеологической чистоте учение много проиграло: своеобразное противоставление марксизму превратилось в его ревизионизм, проблеммы религиозные стали замалчиваться и отходить на задний план, информационный отдел о жизни в СССР, хотя и сохранил критический характер, но с тенденцией оправдать исторический ход вещей и т. д. Идеологически это впрочем ничего общего не имеет со сменовеховством. Всякие обвинения в таковом возникают или от слишком поверхностного суждения по наружному виду, или от неумения разобраться в предпосылках, или от слишком большого контраста „Евразии“ с другими эмигрантскими газетами.

Подведем итоги. Евразийство является весьма оригинальной и, собственно, единственной попыткой анализа современного этапа истории человеческой культуры, осмысливания ее и построения собственной широчайшей позитивной программы. Учение это по своей природе не может быть ни русским, ни французским, ни каким либо другим, — в своих исходных моментах оно отвлеченно и над-национально. Факт разработки учения большинством авторов русских, естественно склонных обращать бо́льшее внимание на чисто русские отдельные проблеммы, а где можно, там и наклонять их решение в свою сторону, создает совершенно неправильное представление о „русском характере“ учения. Русские уклоны не стоят в органической связи с учением и все миросозерцание может быть в одинаковой мере быть приемлемо и русскими и не русскими. Даже больше: проработка учения не русскими учеными народов бывшей России могла бы оказать им бо́льшие услуги в обосновании национальных идеологических построений, чем самим русским. Обладая большой долей критики, проницательности и трезвого взгляда на все окружающее, евразийство может дать каждому новый и богатейший материал для анализа современности. (Замысловатый язык программных статей „Евразии“ сильно сужает круг ее читателей; остальная литература евразийцев читается легко). Являясь в различной мере спорным, или приемлемым в отдельных своих положениях, евразийство достойно того, чтоб с ним познакомиться. Казачий читатель, читая евразийскую печать, иногда улыбнется, дойдя до чисто „московских“ обобщений, но все же при вдумчиво-критическом отношении может почерпнуть много интересных мыслей и применить их к своим казачьим проблеммам. Казакам не мешает подумать над словами уже цитированного Л. Дюртена, хотя наивно и отождествляющего все народы бывшей России с русскими: „Единственная раса, в которой примесь следа желтой закваски осуществила наличность всего человечества“.

Откуда степная удаль казачья? Откуда стали калмыки нашими братьями? К чему ближе наши песни — к сентиментальным западным романсам, или заунывным мотивам востока? Откуда буйный ритм наших танцев? Не ближе ли мы к горцам Кавказа, чем иные народы Европы? Пусть скажут члены из'ездивших весь свет наших двух казачьих хоров, — где чувствовали они себя больше „как дома“ — ближе ли на Восток или на Запад?

П. И. Кокунько.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

(*Очерк.*)

V.

Чтобы осуществить свои замыслы, кавказское начальство предприняло довольно смелый шаг: оно составило, говорят, обширный доклад в „высокие сферы“ об уничтожении казачьих Войск, оказавшихся „внутри территории Империи“, как например Донского и Черноморского, и об образовании новых Войск на турецкой и персидской границах. Таким образом, переселение грозило уже не в закубанский край, а далеко за Кавказ, где предположено было основать одно или два пограничных казачьих Войска взамен уничтожаемых, находящихся „внутри России“. Кадром этих новых казачьих Войск должны были послужить казаки, выселенные из „упразняемых“ Войск, а пополнение из солдат и переселенцев из „внутренних губерний“ России. Дело принимало оборот, грозивший существованию Войска и Черноморцы заволновались.

Насколько слухи эти были достоверны, судить не берусь, так как мне не удалось, несмотря на все мои старания, установить документальных данных. Конечно, о тайных замыслах начальства, как и о мотивах, послуживших основанием для этих замыслов, не может быть и речи, ибо вся эта хитрая механика и была направлена к тому, чтобы скрыть те вожделения, которыми руководствовались сильные мира сего.

Только отдельные, отрывочные сведения, распространявшиеся в виде слухов, приподымали немного завесу и давали возможность догадываться о подлинной закулисной работе. Появление этих слухов во всяком случае не было безосновательным.

Изучение эпохи заселения Закубанского края — одна из интереснейших страниц истории Кавказского Казачества вообще, Черноморского в частности, так как она вскрывает закулисную сторону кавказского начальства и выявляет солидарность в противодействии мерам этого начальства не только Черноморских казаков, но и Линейного Войска.

В Черноморском же Войске казаки проявили полное единодушие. Не шли за ними только служащие в Войске чиновники неказаки. Правда, были протестанты против этого общего движения и среди чиновного казачества, но это были единицы настолько ничтожные, что их голос совершенно тонул в общем единодушном хоре — их словно не было, хотя среди них находился довольно могучий некогда генерал Иван Демидович Попко, в конце концов совершенно отколовшийся от казачества.

Судьба свела меня с ним в гор. Ставрополе в начале 1880-х годов, где он был предводителем дворянства всего Северного Кавказа. В разговоре, на мой вопрос об отношении к казачеству, он ответил вопросом:

— А сколько буйволов нужно иметь, чтобы затянуть меня в Екатеринодар?

Окончательно же он высказался в своей „Истории Терского Войска“, в которой заявил, что пора уже покончить с этим „ненормальным положением“ и „сравнять Казачество с остальным населением России“.

Этим ген. Попко как бы окончательно порвал с Казачеством. В то время, когда Кавказское начальство высказывалось только за частичное уничтожение Казачества, ген. Попко высказался за уничтожение и самой идеи Казачества. Дальше идти было некуда и нет ничего удивительного в том, что его никаким числом буйволов нельзя было затянуть в Екатеринодар, так как нельзя было расчитывать найти ему единомышленников среди Казачества.

Чем больше приближалось время к окончательному покорению Кавказа, тем настойчивее распространялись всякие слухи, тем более волновалось Казачество. Говорят, что слухи эти проникали даже в среду горцев, которые будто-бы обещали всеми силами поддержать казаков в их борьбе с правительством. Было ли это так, или же этот слух распространялся самой казачьей старшиной, уже окончательно ставшей в оппозицию правительству, с целью поддержать бодрость и устойчивость среди рядового казачества, решать не берусь. С Дону мало что слышно было. Вопрос о переселении в Закубанье его не касался, что же касается вопроса о существовании Казачества, то едва ли Дон остался бы покойным.

В таком случае охваченный недовольством район почти удваивался, увеличивалось и количество борцов. Это окрыляло надежды Черноморцев и утверждало стойкость их сопротивления.

Местное Войсковое начальство не имело ни сил ни средств парализовать брожение среди казаков. Прежде всего потому, что все оно состояло почти из одних казаков за очень незначительным исключением, а потом и главное внимание его было обращено на заканчивание Кавказской войны и приведением к покорности еще не принявших русского подданства аулов.

Наказным Атаманом в это время был генерал генерального штаба Кусаков, человек, не отличавшийся твердой волей. Он часто подпадал под влияние окружающих его людей до такой степени, что вызывал к себе несколько юмористическое отношение не только со стороны сослуживцев, но и со стороны остального населения. Так в это время по рукам ходила каррикатура, на которой изображен был Кусаков, сидящий на стуле без обуви, а от пальцев ног до ушей и зубов натянуты были струны и около него стоял полковник Иван Лукич Посполитаки, водя смычком по этим струнам. Подпись была:

Яку хочу, яку знаю
Таку й граю.

Конечно, на такого человека, обязанного по обязанности защищать Войско, Казачество опереться не могло. Не могло на него расчитывать и Кавказское начальство при проведении в жизнь своих замыслов, а между тем, для Черноморцев дело принимало серьезный оборот до такой степени, что нужно было командировать кого либо в Петербург для осведомления о положении дел. Так как мысль эта исходила от Казачества, которое решило действовать помимо Кавказского начальства, через недавно открытое Главное Управление Иррегулярных Войск, в котором депутатом от Черноморского Войска был полковник Порохня, то миссию эту взял на себя начальник Войскового Штаба полковник Литевский, который и выехал в Петербург с докладом, поручив свою должность старшему дежурному штаб-офицеру Войсковому Старшине Никифору Кирилловичу Камянскому.

Никифор Кириллович Камянский представляет собой довольно крупную фигуру среди черноморцев. Человек большого природного ума, безусловно честный до щепетильности, прямой, храбрый, не стесняющийся говорить прямо, часто не стесняясь в выражениях, правду в глаза начальству, какого бы оно ранга не было, он пользовался большим уважением и авторитетом среди всего Черноморского Казачества, как чиновного так и рядового. Если прибавить к этому довольно внушительную наружность: высокий рост, крепкое сложение, немного тронутое оспой лицо, иногда довольно свирепое выражение во время душевной эмоции, то сделается понятным тот страх, который испытывал каждый при столкновении с ним.

Характера Никифор Кириллович был горячего, вспыльчивый до самозабвения и в такую минуту он начинал, не стесняясь, ругаться, кричать своим громоподобным голосом, но, к чести его нужно сказать, что он также быстро и остывал, если не замечал у противника лжи и строптивости.

Помню такой случай: один из сыновей его был в Кубанской Войсковой гимназии вместе со мной в одном классе и дела его сложились так, что он из чет-

вертого класса должен был оставить гимназию. Оба мы были в интернате, который назывался благородным пансионом. Вечером, во время приготовления уроков, среди жужжания семидесяти пансионеров, приготовлявших уроки, вдруг раздался потрясающий окрик:

— Де ваш директор?

Дежурным был преподаватель Федор Карпович Зарецкий, лично знакомый и хорошо знавший Никифора Кирилловича. Схватившись с места, он поспешил к нему навстречу. Не успел он поздороваться, как Камянский набросился на него со словами:

— Скажіть пожалуста, для чого ми віддаємо вам дітей: на виучку, чи тільки на пробу?

Видя возбужденное состояние Никифора Кирилловича, Зарецкий поторопился сплавить его в квартиру директора, которая отделялась от залы пансиона только одной спальной пансионеров. Директор не пользовался особенной любовью преподавательского персонала и Зарецкий боялся, чтобы Камянский не остыл до свидания с ним.

О чем и как велся разговор директора с Камянским, конечно, осталось тайной, но сына последнего оставили в гимназии. В конце учебного года он сам взял его из пансиона и определил на службу.

Другой случай рассказывал мне полковник генерального штаба Залесский, бывший в чине капитана, офицером особых поручений при Наказном Атамане Кармалине. Тогда еще существовало Войсковое Правление, во главе которого стоял Старший Член.

Правом рыболовства на берегах Кубанского Войска пользовались только казаки этого Войска. Надзор за этим, как и за сбором пошлины с вывозимых продуктов рыболовства вручен был доверенным, выбранным обществом рыболовов. Во главе доверенных был главный Доверенный, который и наблюдал за всеми участковыми доверенными, имевшими сношение с Войсковым Хозяйственным Правлением через него. Разрешение на право рыболовства выдавалось Войсковым Правлением. Богатые рыбопромышленники из иногородних, нашли ход в Войсковое Правление помимо главного Доверенного, который должен был рассматривать каждое такое ходатайство и давать по нем свое заключение Войсковому Правлению.

С другой стороны и казаки злоупотребляли своим правом, являясь фактическими хозяевами заводов, взимая арендную якобы плату с рыболовов, промышлявших от их имени.

Это повело к тому, что берега были заполнены рыболовами, часто живущими за десятки верст от моря и совершенно не причастными к этому промыслу. Такой порядок надоел настоящим рыболовам казакам и они выбрали главным Доверенным состоящего в то время в отставке полковника Н. К. Камянского. Приняв должность, Камянский начал чистку Войсковых берегов именно от этого пришлого элемента. Так как по положению о рыболовстве в Кубанском Войске весь инвентарь таких рыболовов подлежал конфискации и продаже с аукциона, то он и начал приводить его в исполнение. Поднялась настоящая паника и Войсковое Правление пришло в ужас от получаемых жалоб и известий от пострадавших. Опираясь на положение о надзоре за рыболовством, Камянский просто не обращал внимания на предписания Войскового Правления о приостановке конфискаций, пока не был вызван в Екатеринодар по распоряжению Наказного Атамана.

Явившись в Войсковое Правление, вместо обычного в таком случае доклада, Камянский обратился прямо к Старшему Члену Правления со словами:

— Оце я вам привіз цілий чувал грошей для збільшення військової казни та для покупки індульгенцій за ваші гріхи.

Когда же тот выразил претензию на то, что Камянский не обращал внимания на предписания Правления, называя его действия своевольными, он начал ругать всех и пришел прямо в бешенство от нахальства Старшего Члена, обязанного наблюдать за исполнением закона. Старший Член не вытерпел и побежал с жалобой к Наказному Атаману, который сей-час же вызвал к себе Камянского.

— Старший Член Войскового Правления, — обратился Атаман к Камянскому — жалуется мне, что Вы вели себя не достойно в Правлении и ругались...

— Та як же їх, сукиних синів не лаять?! — перебил его Камянский и, вспылив, начал было продолжать в том же духе доклад Атаману. Видя слишком возбужденного человека перед собой, Атаман замахал на него руками.

— Успокойтесь, успокойтесь, полковник. Я вижу, Вы очень взволнованы. Когда Вы придете в себя, придите ко мне и доложите подробно об этом деле.

Повернулся и ушел к себе в кабинет. После такой оригинальной аудиенции, Атаман спросил Залесского, что это за человек?

Залесский подробно охарактеризовал ему Камянского. Атаман выслушал его внимательно, немного подумал и сказал, что это дело нужно как-нибудь уладить. Он действительно уладил его. Через год положение о надзоре за рыболовством было изменено в смысле уничтожения в нем выборного начала и возстановлением прежних участковых смотрителей, во главе которых стоял главный смотритель по рыболовству, назначаемый Войсковым Правлением.

Таким образом, с введением нового положения, Камянский должен был сдать должность и взамен выборных доверенных явились просто чиновники, во всем зависевшие от начальства.

Полагаю, что этих двух примеров будет достаточно, чтобы иметь понятие о характере человека, ставшего во главе оппозиции правительству в смутное время Черноморья.

Если прибавить к этому, что Камянский был не только казак по рождению, но и душою и сердцем предан Казачеству, то не удивительно, что полковник П. П. Буряк, указывая на его портрет сказал:

— Це наша Гарибальда!

(*Продолжение следует*).

Б. Кундрюцков.

Казак из „Архива Русской Революции“.

Из „Воспоминаний донского офицера о служебной поездке в Германию осенью 1918 года, К. Г. Сережникова“, стр. 208, „Арх. Рус. Рев.“ том XVIII-ый хочется дать казаку-читателю несколько выдержек из особо замечательных мест этого „произведения“, вполне справедливо предполагая, что оно могло ускользнуть от внимания широких казачьих масс.

По существу К. Г. Сережников мало чего сделал полезного в своей служебной командировке, т. к. совершенно не знал своего долга перед пославшим его и доверившим ему Войском. Обмен военнопленных казаков на немцев прошел слабо, без большого напряжения сил со стороны лиц, на которых выполнение его было возложенно, а поэтому на нем много останавливаться не будем. Постараемся только выявить некоторые характерные черточки из психологии донского офицера с высшим образованием, каковым был К. Г. Сережников (казалось бы лучший сын Дона), чтобы указать на печальное явление „обрусения“ казаков.

Вот что он пишет:

— В то лето в Новочеркасске защищали „свободу родного Дона“, давали отпор „кучке насильников и грабителей“, иногда даже сражались за, честь и достоинство России“, — но не вели гражданской войны. Таких настроений я разделить не мог. Я чувствовал себя чужим в этой атмосфере.

Дальше, обвинив руск. офицерство в борьбе из мести, К. Г. Сережников переходит к казакам:

— Правда, среди казачьих верхов все это несколько умерялось специально казачьими тенденциями, оттенком, всегда живым, известного сепаратизма, известной враждебности к бюрократическому Петербургу, известного стремления указать, как на опору, да и фактически опираться на широкую казачью массу. Однако, в глазах человека (К. Г. Сережникова Б. К.), привыкшего рассматривать события с общерусской точки зрения, в этом не могло быть ничего существенно-нового для оценки тенденций Новочеркасска, прежде всего сословных...

... — Ведь та волна казачьих восстаний против большевиков, которая дала возможность казачьим верхам воспользоваться ею и возглавить ее, прежде всего также об'яснялась стремлением рядового казака защитить свои сословные интересы земледельца, привиллегированного, как по отношению к неказачьему населению Донской области, т. наз. „иногородним", так и по отношению к крестьянам соседних губерний, от волны „черного передела", докатившейся до Дона.

(К. Г. Сережников пишет, что в его сознании все это тогда не принимало отчетливой формы, но что он пытался осмыслить происходившее. Б. К.).

— Меньше всего я сам был склонен приветствовать успехи большевиков. Но переродиться в кадрового офицера, думать и чувствовать как он, или превратиться в... настоящего казака(?) и верить, что Донская область важнее всей России — а были и такие голоса (настоящих казаков Б. К.) — я тоже не мог.

В 1918 году автор, К. Г. Сережников, прибыл в Новочеркасск со своим приятелем, то-же казаком, художником.

— Мы оба были петербуржцами, попавшими на Дон не в качестве бежавших от большевиков буржуев, а еще до революции были там, вследствие необходимости отбыть военную службу в казачьих частях. О том, чтобы выписаться из казачьего сословия, к которому мы принадлежали по рождению (какая ирония судьбы... Б. К.) мы своевременно не позаботились, относясь к своему „казачеству", как к смешному пережитку, не предполагая, что ему в близком будущем предстоит властно вмешаться в нашу жизнь.

— В Новочеркасске.. мы находились в особом государстве (государственном образовании, как стали выражаться несколько позднее) в качестве его полноправных и даже привиллегированных граждан („казаков", не „иногородних" или „беженцев"), соответственно обязанных нести и все повинности, в том числе воинскую, ибо наша новая родина вела войну.... Мне, казачьему офицеру, произведенному в хорунжие еще Высочайшим приказом, прибывшему из глухой станицы в Новочеркасск, для регистрации в Войсковом Штабе, согласно одного из первых приказов Краснова, предстояло быть командированным в самом непродолжительном времени в одну из фронтовых казачьих частей (ведших бои, насколько помню, под Царицыном)

(Это рассуждает казак, офицер, рассуждает в то время, когда потоками льется казачья кровь? Не этих ли офицеров П. Н. Краснов окрестил в одной из своих статей „шкурниками"? Б. К.).

— Хорошо я поступил или плохо — об этом пусть судят другие (Мы — другие. Б. К.).

— Но с помощью некоторых связей, я вскоре добился отмены распоряжения Войск. Штаба и вместо того, чтобы ехать на Царицынский фронт, был прикомандирован к Отделу Иностранных Дел, а примерно через месяц выехал в Германию с поручением по вопросу об обмене военнопленных.

(С хорошо, видимо, усвоенной циничностью, К. Г. Сережников продолжает и дальше в том же духе, насмехаясь над Войском Донским, над его Министерствами, над „министерством Коневодства и Ремонтирования(?) и т. д., выкладывая весь ассортимент накопившихся глупых и тупых острот, вроде: а Министра Овцеводства у нас нет? Он совершенно упускает из виду одно главное обстоятельство, что все это первым делом попадает в его же адрес: Донского Казака, Донского офицера, полномочного Посла Всевеликого Войска Донского, представителя Казачьего Народа. Б. К.)

Отметим для более точного представления один момент из всего его бесполезного пребывания в Германии. В обществе немецких офицеров, место среди которых он занял, как видим теперь мы, по печальному недоразумению, ему приходится о своих же казаках, слышать следующее: Говорит Лейтенант Шр.:

— Замечание Лейтенанта Шр., совершенно для меня неожиданное, которое не раз заставило меня задуматься (мало думали. Б. К.). Он сказал мне, что из всех русских офицеров, которых ему приходилось встречать, самые воспитанные и образованные, по его мнению, казачьи офицеры.

И вот „казак-офицер" с извиняющейся улыбкой раз'ясняет на страницах „Архива Рус. Революции":

— Как известно всякому, соприкасавшемуся с нашим русским офицерством, это как раз наоборот... — Если бы это был просто грубый и плоский комплимент, он, конечно, не заслуживал бы упоминания. Но эти слова были сказаны настолько непосредственно и искренне, что я не имею права считать их таковыми. А если они были искренни, то они означали только одно: я все время невольно и бессознательно обманывал собою относительно тех, представителем которых и образчиком я должен был являться.

Конечно, К. Г. Сережников, был настолько выдающимся, что смешивать его с казачьими офицерами немцы были не должны. Этим признанием выявляется типичное ренегатское лицо. Некрасивое лицо казака, забывшего и Дон, и свою станицу и свой Народ. А в тоже время все лучшее, что говорилось о Казачестве К. Г. Сережников принимал и приписывал исключительно себе. Себя он только и выставлял. Вот как он выделяясь, ловко отгараживается от Казачества:

— Я ответил, что это не совсем так, что в настоящее время, вследствие войны, состав нашего офицерства, как регулярного, так и казачьего очень разнообразен, что теперь вообще трудно провести такое сравнение даже русскому, что впечатление моего собеседника, вероятно, простая случайность.

(Получай родное казачество. Б. К.)

Вот Вам, для внимательной оценки тип казака, прошедшего русскую высшую школу. Это все, написанное черным по белому, неужели ничего не говорит казакам не-самостийникам? Даже это слово „казачество — смешной пережиток", или „мы — петербуржцы". Кем же тогда в глазах таких вот лиц являются символы Казачества, его Войсковые Атаманы? А правительства? А все казаки? Этого ли нам ждать, когда державные Петербург или Москва сделают из казаков подобных Сережниковым „москвичей" или „петербуржцев", а в тоже время не мечта ли это всех русских?

Казак, да еще из „глухой станицы", из недр Дона, называет нас „смешным пережитком". Где же Вы, наши Атаманы, блюстители Войсковых законов, Конституций? Если В. А. Харламов говорит, что казачьи особенности выступают у казаков только за чаркой водки и в кабаке" — то куда же мы идем? Кого мы выбирали и кто же призван отстаивать честь Дона?

Надо понять, что не мы толкаем других к самостийности, а сама жизнь диктует закон бытия, и тот, кто не хочет уравняться с „казаком" К. Г. Сережниковым, а есть еще настоящие казаки, как он сам признает, те должны, в силу долга, стать вольными казаками и отстаивать право на жизнь, в противном случае — залезать в „архив" назвать себя „смешным пережитком" и отдать все, что дорого казаку, на поток и разграбление всякими единонеделимцами..

Д-р С. Федоров.

Древние всеказачьи праздники.

Каждый раз когда подходит лето, а за ним и близкая осень переносишься душой домой в родное Войско и вспоминаешь те счастливые годы, когда станицы утопали в изобилии плодов земных, а население их воздавало дань Богу и стародавнему обычаю собираясь на храмовой праздник и всестаничную пирушку в огромной зеленеющей густой травой церковной ограде.

Громадные стоведерные „мобилизационные" котлы врыты в землю, под ними пылает яркий огонь, над нами клубятся клубы ароматного пара борща и лапши рядом навалены горы, горы и горы всякой снеди, стащенной свезенной, во всех сторон, а над всем над этим, над гудящей десятитысячной толпой, заполняющей и просторную ограду и большую белую церковь, ходит важная, бородатая фигура станичного „хлебодара и виночерпия" — старшого „братчика".

Наша сорокатысячная станица готовится пировать, в свой великий, не царским приказом установленный „Войсковой", а старинным обычаем освященный — праздник.

Вообще обычай сильнее законов и всяких высших распоряжений. Силен он и в стародавней привычке святить дни в народом избранное время, а не тогда когда пишет церковь или приказывают власти предержащие.

И той и другим в большинстве приходилось применяться к народу, приурочивая церковные торжества к установившимся уже в народе празднованиям. Вообще под праздниками народными понимаются такие которые, приуроченные или неприуроченные к праздникам церковным или дням неприсутственным основаны на поверьях и обычаях свойственных преимущественно простому народу. Христианская церковь, при помощи светской власти всячески стремилась приурочить празднования народные к дням и событиям церковным, а также удалить из характера празднования элемент древней веры предков — языческий; нужны были долгие столетия для того, чтобы соединить вместе элемент мифологический с христианским и с древними обычаями.

Таким образом получилось, что праздники зимнего солнцеворота приурочились к Рождеству и Васильеву дню (нового года), а летнего к Иванову. В христианскую пору народные весенние праздники совпадают с Пасхой и троицыными днями, напр. „русальная неделя", Семик, Радоница у славян восточных и южных, румын, ново-греков на первом плане в современной станице и селе стоит память патрона — святого или праздника которому посвящена местная церковь или часовня. Празднество это не так давно, всюду продолжалось три дня, начинаясь с торжественного богослужения, даже в тех случаях когда церковь по уставу такой службы и не имеет.

У старинного казачества, таким патрональным праздником являлся день покрова пресвятой Богородицы, приходящийся на 1-е Октября старого стиля. Древне-казачьи предания и обычаи связывают его с определенными историческими событиями, имевшими место в глубокой старине. У казаков запорожских этот день является престольным праздником их „столичного" города — Сичи уже в XVII в., у казаков донских он усугубляется празднованием последнего акта героической обороны крепости Азова в 1641 г.; но в донской, терской, яицкой (уральськой) и волжской традиции празднование покрова связывается с еще более старым временем, а именно со днем взятия г. Казани 1-го окт. 1552 г.

Характер взаимоотношений старинных восточно-европейских казачьих Войск — Волжского, Яицкого, Терского и Гребенского, с Доном несомнено утвердил во всем этом казачестве и день Покрова, как праздника Вседонского — всеказачьего. Дон долгое время был метрополией в отношении этих Войск, в первой половине XVII в. дипломатические сношения Москвы с восточными Войсками производились при посредстве Дона; Войска же эти тогда признавали приоритет главного Войска и долгое время в своих Войсковых наименованиях удерживали прилагательное „донской". Есаул Войска яицкого закликая на Круг обращался к атаманам-молодцам: „... все донское яицкое войско ...", так было и у других; память древних казаков о расселении с Дона в конце XIV в. была свежа.

Событие 1-го октября 1552 г., в казачьих преданиях, имело колосальное значение — оно дало Всему Донскому Войску признание его суверенитета со стороны московского царя Ивана IV-го, наиболее могущественного христианского соседа казачества, а следовательно и неприкосновенность казачьей территории от поглощающих тенденций развивающегося московского государства. Поэтому то Донское предание утверждает, что грамота Ивана IV-го, до половины XVIII в., читалась всегда в Кругу в день Покрова, в назидание казачеству о геройстве их предков под Казанью и в утверждение их права на войсковую территорию.

Политический момент в этой грамоте имел чрезвычайно важное значение в глазах казачества, не меньшее значение придавала ему и сама Москва — ведь собственно говоря только вооруженной силою Казачества Донского и Запорожского были привителены, к Московскому царству, царства Казанское и Астраханское, не говоря уже о Сибирском. Об этом исчерпывающе свидетельствует московский дипломат половины XVII в. Котошихин, в изданной заграницей книге.

Политический же момент принудил царя Петра из'ять эту грамоту и ея списки у Казачества, дабы лишить их формального документа, а с тем вызвать у потомков сомнение и забвение в своем праве; по преданию, он во время похода под Азов в 1695 г. взял эту грамоту из ларца хранившегося под престолом соборной церкви в Черкасске и увез ее в Москву, а копии приказал уничтожить, наказавши читать в Кругу вместо нея жалованную грамоту 1614 г., с похвалами первого Романова — царя Михаила.

Петр смотрел на Казачество иначе чем предпоследний Рюрикович, в благодарность за обладание Казанью давший ставшую „крамольной" грамоту.

Кроме исторического момента в праздновании Покрова большое значение играл и момент чисто народный. В глубокой древности, у различных народов, имел место заключительный осенний праздник, после того как были закончены все полевые работы и наступал иной период — зимний. Праздник этот был праздником изобилия и благодарности за покровительство высшему божеству, давшему возможность скопить на зиму различные материальные блага. У восточных славян к этому времени приурочиваются свадьбы, варка пива, осенние гуляния. Народ земледельческий к Покрову приурочивает контракты и условия с домашними и сельско-хозяйственными работами. Народ промышленный и добычнический, каким в старину являлось Казачество, собирается к этому времени к одному из центров, для того чтобы до того момента пока станут реки, успеть сбыть добытые за лето результаты своих трудов и по-отдохнув, подготовиться к новому периоду работы — звероловству по первоснежку и рыболовству подо льдом.

Ко всем этим элементам — историческому и хозяйственному присоединяется элемент религиозный, который в последующее время приобретает первенствующее значение; для Казачества наших дней праздник Покрова уже носит почти исключительно церковное значение.

Интересно здесь отметить то занимательное явление, что старинная традиция, древних преданий, говорит совсем не в пользу празднования Покрова восточным славянством и Казачеством в особенности — праздник Покрова в сущности является праздником победы византийских греков, над нашими предками, неверной еще тогда скифской Русью. Тем не менее, не смотря на то, что к нашему времени, у самих греков в Константинополе — месте чудотворного действия, следы празднования Покрова совсем уже стерлись, восточные славяне, а с ними и Казачество возвели Покров на степень одного из наиболее чтимых праздников. В тоже время и сама православная церковь не причисляет По-

кров к двунадесятым праздникам, а южные славяне и совсем его не празднуют.

Такие исторически парадоксальные явления не раз имеют место в практике церковных празднований. У у нас, казаков, и в б. Российской Империи, высоко почитался, например, праздник „вешняго Николы" — день перенесения мощей св. Николая Чудотворца, из греческого города Мира в Ликии, в итальянский г. Бари. Исторически „перенесение" мощей является просто напросто тайным похищением латинянами мощей угодника, с применением вооруженной силы в отношении монахов охранявших гроб Чудотворца. Православные греки негодуют на этот акт и в наше время и день перенесения не празднуют, в то время как древняя Русь, не разбиравшаяся в сущности греко-римских споров, установила великий праздник в этот день, т. к. к тому же и событие это имело место до раз'единения церквей, на почве честолюбия патриарха Фотия, сменившего блестящий мундир начальника императорской гвардии на патриаршее облачение. Для мореходного старинного Казачества, почитание святителя Николая, покровителя мореходцев и на водах, осталось непоколебимым.

Но не только в греко-латинских отношениях находили мы подобное явление, а и у самих славян восточных.

Вся Русь, а в особенности украинская Слободжанщина чтила праздник Знамения Божьей Матери, из далекого Новгорода перенесенный в украино-курские пределы. Образ этот вышел на эмиграцию и находится сейчас в руках самого рьяного великодержавнического московского духовенства, а именно чудотворный акт связанный с почитанием Знамения связан с поражением великороссийских войск князя Андрея Боголюбского, 27 ноября 1170 г., во время осады им Великого Новгорода. — „Стрела суздальца ударила в икону бывшую в руках архиепископа, слезы потекли из глаз Богоматери на фелонь архиерейскую и гнев небесный разогнал осаждающих", пишет церковный историк. Андрей „Боголюбский" с суздальцами вообще прославились жестокостями и надругательствами над церковью — они уничтожили Киев „мать городов русских", разоривши до тла много монастырей, церквей и вывезя к себе утварь, иконы и богатства Украины-Руси.

Проходят столетия, забываются истинные причины послужившие основанием к установлению церковного торжества и потомки побежденных гораздо более чтут „карающую десницу" высшего существа, чем сами победители. Так мы имеем и в религиозном характере празднования Казачеством праздника Покрова.

Происхождение этого праздника чисто греческое.

Древняя же казачья историческая традиция тесно связывала себя с византийскими временами. Ученая запорожская история записанная в Сичи относила образование Войска к 949 г. — времени царствования императора Константина Порфирородного; свое право на земли запорожские, казаки относили ко времени польского короля Болеслава Храброго — современника детей св. князя Владимира; в славноизвестной „Протестации" 1621 г. украинского духовенства во главе с митрополитом Киевским Иовом Борецким, в защиту казаков донских и запорожских говорится о них как о „племени славного народа Русского", племени „воевавшем морем и сухопутью греческое царство", которое „на своих моноксилах по морю и земле плавало и Константинополь шгурмовало". Укрепляя далее христианизм казаков „Протестация" говорит о них как о борцах за веру против басурман: „Бог один управляет ими и Он только знает, для чего сохраняет Он эти остатки древней Руси и правицу их и их силу на море и на земле долго, широко и далеко распространяет. Бог держит их и ими управляет... так и казаков низовских, донских и запорожских положил Он, как другие перуны и громы, живые на море и земле, чтобы ими неверных турок и татар стращать и громить". Наконец, и наиважнейший акт первая казачья конституция запорожцев 1710 г. вспоминает эти времена и гнев Божий покоривший и умаливший военную силу казачьих предков.

Христианская церковь воспоминая различные события имеет обыкновение суммировать их приурочивая их чествование к определенному дню. Таким суммарным чествованием, в память событий из жизни Богоматери и особенных ея благодеяний церкви и человечеству, явился и праздник Покрова — покровительницы всех христиан и терпящих на суше и воде.

Пресвятая Владычица Богородица, при отшествии своем с земли на небо (Успение), утешала апостолов и всех верующих, что Она пребудет с ними во вся дни, что представши престолу Сына своего, неусыпно будет ходатайствовать о всех прибегающих к ней с сердечной молитвой о помощи и заступлении, в каких бы бедах кто не находился. И сколько опытов милосердного заступительства своего явила Она всему миру. Нет ни одной страны на свете, нет ни одного народа христианского где бы Матерь Божья не являла своей видимой или невидимой помощи и заступления. С чудотворной иконой Богоматери на стяге, шли гребенские донские казаки в неравный бой с татарами в 1380 г. и победили их; в день св. Покрова, потомки их, учинили целый „розмысл" взятия Казани в 1552 г. с верой в помощь Богоматери отбили отчаявшиеся казаки громадное турецкое войско от Азова в 1641 г., перед самым днем Покрова; Покрову посвятили запорожцы первый свой храм и на запрестольном образе увековечили все Войско под покровом пресвятые Богородицы; за „дом пресвятыя Богородицы постоять", звал Казачество Атаман Булавин поднимая в 1707 г. оружие на защиту правды казачьей.

И все кто только обращались к Царице Небесной с верою и упованием, все получали от нея покров и защиту.

„Кто на море не бывал тот и Богу не молился" говорит старинная пословица и к кому ж было обращаться с верою и молитвою старому казачеству, как не к Путеводительнице и св. Николаю, в те жуткие моменты, когда утлые казачьи лодки становились беспомощною игрушкою разбушевавшейся морской стихии?

В нашей отдаленной старине вода и казачество, были как бы одной стихией. „Казаку, как тому, что живет по над Доном, так и тому что по над Днепром, вся надежда и упование вода, река и болото", писал польский историк 1638 г. описывая поход реестровцев на Сичь. Сами же Запорожские казаки носили у турко-татар название „под водою пребывающие", как отличительную свойственность казаков. В те времена море и вода служили главным источником существования казачества, море казака кормило, но оно так же часто и служило ему могилой.

Дело морское было делом не легким — „невозможно итти с нами в море" московским войскам под командой Ждана Кондырева, писали донцы царю весной 1646 г. и потому что он жил при твоей государевой светлости, человек он нежный и наших нужд, морских походов и пешей службы ему не вынесть. На море нам бывают нужды на хуртины великие, струги наши розносит по морю так, что друг друга не взведаем; многие наши струги на берег выметывает и разбивает и мы без запасу и воды многие дни бываем"... В такие минуты, когда были бессильными и опыт и уменье человеческие, казакам оставался только один путь — молить божьего провидения и искать покровительства Богоматери.

Культ почитания казачеством Богоматери мы видим тесно связанным с праздником Покрова.

Запорожское казачество, решивши в начале второй половины XVII в. построить постоянную церковь в Сичи.*) посвятило ее празднику Покрова и потом по разрушении церкви в 1709 г., имело на эмиграции тоже Покровскую церковь, равно как и в новой Сичи и, по ее разрушении в 1775 г., в Сичи Задунайской. Особой святыню в церкви этой был запрестольный образ Покрова, сопутствовавший Войску во всех его выходах на эмиграцию в турецкие пределы.

На образе этом была изображена Богоматерь осеняющая имофором своим все Войско Запорожское и

*) До того оно имело походную, алтарь которой возился на колацатой платформе.

молящееся о нем; внизу были изображены чубатые казаки, молящиеся Богу, среди войсковых клейнод и регалий.

Церковь свою и духовенство при ней Запорожцы чрезвычайно чтили; еще Богдан Хмельницкий в завещании своем отказал Сичевой церкви 4.000 талеров, и сами запорожцы украшали ее и заботились о ее благолепии несказанно. Поэтому то двойное разграбление церкви и осквернение ее чрезвычайно больно отзывалось в казачьих песнях и преданиях. Во времена Новой Сичи запорожцы построили и в иных местах ряд церквей посвященных Покрову.

Древне греческая церковная традиция, занесенная на остров Хортицу еще в дотатарский период, преческими монахами учредившими там монастырь, развилась и укрепилась в Запорожском Казачестве. Праздник Покрова стал национально казачьим праздником Запорожья. К нему сходилось в Сичь, со всех сторон казачество; морской ход к этому времени прекращался — после осеннего равнодействия на море и лиманах наступал период бурь мешавших промыслам и добычничеству. А бури и на лиманах были такие, что запорожцам, как они поют в песнях, приходилось просить Матерь Божью о спасении — „Як не Твоя воля, підем всі у воду спасення за гріхи шукати". Просили они не только охраны от морской стихии, но и послать „Запорожцям згоду, від московської неволі втікати"...

Но не только запорожское, а и донское казачество, в половине XVII в. было уже тесно связано с религиозной традицией Покрова Богородицы. В особенности же укрепление ея относится к удивившему весь мир событию — взятием в 1637 г. немногочисленным отрядом донцов и запорожцев, грозной турецкой твердыни — Азова и обороны ее донцами в 1641 г.

По описанию турецкого ученого, участника осады, многосоттысячное войско и громадный флот осадило и блокировало Азов. Казаки, малочисленные числом, геройски гибли, но не сдавались. Турецкое войско было в отчаянии — наступили заморозки, приближался период морских бурь а крепость взять было нельзя. Долгая артиллерийская подготовка смела внешние укрепления, турки предпринимали решительный штурм и овладели городом, казаки заперлись в цитадели и готовились к последнему часу.

Этот победоносный момент турецкий писатель сравнивает с победой у Могача и на Коссовом поле, уничтожившими целые государства.

Отчаявшие казаки решили умереть, но не сдаться; перед Покровом они отговелись, оделись в чистое белье и готовились на последнюю вылазку.., но тут произошло чудо — турки бросили внезапно осаду и поспешно, ночью отправились к своей недалекой морской базе; внезапно полетевшая буря разбила им суда и разметала лагерь. Ободренные казаки, веря в чудесную помощь молитвы бросились преследовать неприятеля и вознаградили себя сторицею.

С тех пор, предверие праздника Покрова становится особым торжеством Войска Донского.

Ежегодно, в субботу перед Покровом, на Монастырском урочище, можду Азовом и Черкасском, собирался Круг, на котором у часовни построенной над телами павших в Азове казаков, совершалось торжественная панихида, на Кругу читалась царская грамота восхвалявшая защитников Азова, а после него, не менее торжественные поминки.

В 1866/67 гг. на этом месте был построен каменный храм часовня, в память погибших под Азовом. Историческая панихида, парад войскам и поминальная тризна имели место и в царское время; не оставили этого освещенного столетиями, обычая донцы и в большевицкое время — в субботу перед Покровом собираются они на торжественное поминовение и горячую молитву, чтобы „взбранная *) Воеводо победительная" осенила своим Покровом изнемогающее казачество и сохранила его от гибели и несчастий.

Так в течение целых веков соединяло Казачество народные, исторические и церковные традиции, воплощая их в силе Божественного Покрова и читая эту силу во всех войсках Вольного Казачества, на широких его родовых просторах от Буга и до Яика и Терека. От вольных казаков традиция эта перешла и к их потомкам и глубоко вкоренилась в казачьей станице; только, со временем, когда столетний Войсковой праздник Покрова был заменен другими „войсковыми" праздниками, торжество общевойсковое стало переходить в торжество более станично-семейное, в праздник Матери, охраняющей и покрывающей своих детей, в скорбях и страданиях пребывающей.

Новый праздник Войсковой, праздник оффициальный, обходил станицу, не вносил в нее торжества и веселия, был чужд казачьей душе, только одни главные города Войсковые гуляли и торжествовали оффициальным торжеством. Собирался на площади „Войсковой Круг" и Круг не Круг и не старая Запорожская Рада, а большой красивый парад, да потом кормили и угощали в Городском саду и Дворцах, с'езжавшихся отовсюду Атаманов.

С тех пор как старый запорожско-вседонской Войсковой праздник Покрова, храмовой Запорожья и Черноморского и Линейного Войска заменили днем именин „Августейшего Атамана всех казачьих Войск Наследника Цессаревича", Войсковой праздник на Кубани перестал быть всекубанским казачьим. Наследники рождались и умирали, праздник скакал и перескакивал с числа на число и стал простым формальным выполнением приказа.

В Войске Терском сталось и того хуже — праздник всеказачий был заменен Войсковым праздником 25-го сентября, в день взятия в плен Шамиля. Многовековое дружное сожительство с горцами предков терских казаков, не только было обращено менее чем в полтора столетия в непримиримую вражду, но еще и короновано имперским правительством и его политикой „войсковым" праздником, напоминающем постоянно о кровавом времени положившем пропасть между потомками старых кунаков.

Войсковой Терский Круг сбросил это проклятие, но сбросил неудачно установив, под влиянием революционной сентиментальности за Войсковой праздник день революции 1917 г. В накатившейся на казачество боевой завирюхе, нашим Кругам и Радам некогда было подумать о восстановлении древнего Войскового праздника и вышли мы на эмиграцию с „ днем тезоименитства", продолжая больше по привычке, чем по преданности этому дню, собираться, и здесь в изгнании, на Войсковое торжество. Но только здесь; дома же Красная звезда и вовсе задавила всякое значение „дня тезоименитства"; и только здесь, на эмиграции, держится за него казачество, как за всеоб'единяющее начало и общую связь с далекой казачьей Родиной и держится этого дня, 18-го октября, по простому формальному пережитку. Но и здесь этот день перестал быть днем былого, хоть и оффициального казачьего торжества — инословная и иноверная Европа живет своим рабочим темпом и даже православные балканские края, не знают праздника 18-го октября. Жизнь заставляет переносить казачье-эмигрантское торжество на субботу — воскресенье перед ним и тем самим сама приближает его ко дню старинного, древнего, всеказачьего торжества, к 14-му октября — найславнейшему празднику Запорожья, Дона, Яика, Гребеней, Терека и Линии, празднику Покрова.

И в самом деле какой лучший день можеть быть общим нашим всеказачьим праздником, как не день посвященный Великой охраняющей нас Матери.

Пусть культ религиозный и не является уже теперь всеоб'единяющим началом, но ценность историческая, народная и традиционная останется навсегда непоколебленной для всего Казачества. А культ матери, далеких оставшихся на Родных Землях матерей единственно о нас изгнанниках заботящихся, молящихся и думающих, среди бед и несчастий на нашей залитой имдорогой Родины, разве не достоин он этого дня?

Праздник Покрова святят и по сей день, там далеко, дома, в родных Краях; святит его весь православный мир Востока Европы. Прийдет час освожденья нашей Родины, вернемся мы домой на родную Землю и никто там не освятит 18-е октября; зачем же мы бу-

*) Збрань — оружие, вооруженная,

дем здесь держаться его? Казачий голос и здесь на эмиграции силен настолько, что может созвать на день Покрова все разбросанное Казачество, на древнюю братчину, в своих станицах и наказать казачьим Атаманам благословить святить этот древний всеказачий праздник, а не тот который не был никогда общим казачьим и который не был никогда общим казачьим и который забыт на Дону и Кубани и во всех Казачьих Войсках.

Будем собираться в день Покрова на всеказачий Войсковой праздник и обновим древнюю историческую и народную традицию наших славных предков.

Доржа Ремилев.

Праздник закладки фундамента буддийского молитвенного дома и школы 29 июля 1929 г.

Тяжел был пройденный калмыцким народом путь в дни революции и гражданской войны. Он понес неисчислимые жертвы и пострадал за то, что разрушительной стихии большевизма и безбожному разгулу противопоставил своеобразие быта и особенность уклада своей жизни, был предан своей религии и священным традициям. И когда весь этот дух атеизма и растления коснулся и расшатал привычные устои жизни, калмыцкий народ вместе с героическим Казачеством принял неравный бой. Борьбу эту он нес истекая кровью, с самого начала до конца. Не легка жизнь калмыка в эмиграции. Физическая боль его в результате борьбы и поражения неописуема и нравственные потрясения громадны. Но, где бы он не находился и в какую бы обстановку ни попадал, он был верен себе и всюду искал утешения в слове Божьем, наскоро сооружая в беженском ли таборе, в лагерях ли Лемноса и Константинополя, свой святой уголок-хурул (церковь). Хурул — религиозный центр калмыка; Бакша (настоятель церкви), гелюн (священник) — являются духовными отцами, проповедниками Буддийской морали. Так было, так есть и теперь в среде калмыцкой эмиграции в Королевстве Сербо-Хорвато-Словенцев. Как только калмыки нашли приют в Королевстве один из старых, многочтимый и всеми уважаемй Бакша Платовского хурула, по калмыцки Ики-Бурул, Сальского Округа, области Войска Донского, Буринов не замедлил об'единить вокруг своего хурула и себя верующих калмыцкой эмиграции, нашедшей приют в Югославии. Найдено было помещение, которое оплачивалось личными взносами. Культурно-просветительная деятельность Бакши Буринова обратила внимание представителей русской общественности, которая приходила ему с той или иной помощью, и так вплоть до Американского посла в Белграде Джон-Принца, с которым Бакша Буринов налаживал хорошие отношения и сочувствие его к судьбе своего маленького и многострадального народа. Посла Джон Принца заинтересовала богатая и пестрая жизнь калмыцкого народа в прошлом и трагедия его последних лет. Смерть многочтимого всей калмыцкой эмиграцией старого Бакши Буринова на время приостановила дело о прочном установлении религиозного центра. Владелец кирпичного завода, крупный богач Милош Ячимович подарил калмыкам на постройку хурула нужную площадь земли и некоторое количество строительного материала. Весть эта быстро обошла калмыцкую эмиграцию. Стали поступать благодарности и приветствия благотворителю; начался сбор пожертвований из Франции, Чехословакии, Болгарии и сами калмыки в Югославии образовали фонд личными взносами. Таким образом в наличии те условия, позволяющие уже приступить к постройке помещиния буддийскаго молитвенного дома (храм), хотя имеющиеся средства далеко еще недостаточны. 29 июля для калмыков в эмиграции явился радостным днем, ибо в этот день произошла закладка фундамента молитвенного дома. Это начало того, когда раз'единенные массы эмиграции хотят организованно осмыслить свою многострадальную жизнь и в соборе верующих найти утешение и пустоту вынужденного пребывания на чужбине заполнить духовным содержанием. Закладке фундамента предшествовало освящение места под храм-школу. Богослужение совершил со своими гелюнами (священники) Бакша Умальдинов (настоятель). Помимо собравшихся калмыков присутствовали: старший сын Милоша Ячимовича, Чеде Ячимович, старшина местной Мокро-Лужской Общины Д. Горгачевич, делопроизводитель Общины Миша Іованович, кмет Милан Козыч, гражданин Гая Янич, делопроизводитель фирмы Ячимовича и многие другие. Бакша Умальдинов, закончив богослужение, обратился к собравшимся так: „Соплеменники братья и дорогие гости. Мир полон зол. Во все времена веков и истории, пока Истина, Правда и Премудрость Божья сделаются общим достоянием верующих и почитателей, искупались страшными преследованиями, нечеловеческими страданиями. Терпение и неугасающая вера в торжество Правды и неутомимая работа над духом верующего человека укрощали самые жестокие сердца, покоряли гонителей и притеснителей и открывали путь к Истине. Я обращаюсь к своим мирянам неустанно работать над самим собой, над своим духом и в сердцах нетленно носить высокую мораль Будды и его учения, этого носителя общечеловеческой Истины. Вера без дел мертва; разбросанности и расхождениям противопоставьте соборность духа, единство стремления. Малодушных ободряйте, впавших в сомнение поддерживайте Истиной Божьей и его Святым Писанием. Слишком много пережито нами. Если произошло материальное разрушение, неслыханное надругательство над совестью людей, не угасайте свой дух, верующий и животворящий. Дух животворящий вернет нам силу и крепость. Наше терпение, наш упорный труд и мирное сожительство с сербами, с которыми мы встречаемся в повседневной нашей жизни, обратило их внимание, а наше страдание нашло сочувствие в добром и отзывчивом сердце Милоша Ячимовича. Спасибо ему и вам, здесь присутствующие сербские граждане, за помощь нашему национальному делу". Председатель Калмыцкой колонии в Белграде, полковник Абуша Алексеев знакомит собравшихся с историей сделанного господином Милошем Ячимовичем доброго дела, которое всегда найдет благодарный отзвук не только в сердцах калмыцкой эмиграции, но всего народа в целом. „В то время, говорит он, — когда большевиками разрушены до основания все наши духовные ценности и культурные достижения и все смешалось и растерялось — только наше духовенство не растерялось: в широких сумочках на шее, как талисман, и в сумках на своих спинах вынесло оно и сохранило свою святыню, помня, что только она одна об'единит всех верующих. Храм-хурул — как собор верующих — во все моменты жизни буддистов служил и служит моральной опорой. Вот почему наше воззвание имело успех, в чем мы не сомневались. Хотя вера и сочувствие наших братьев были на лицо, но было страшно начинать это дело без средств. Все же сочувствие всей калмыцкой эмиграции, с одной стороны, и помощь дружественных организаций и отзывчивых сербов, с другой стороны, воодушевили и мы сегодня приступили к закладке фундамента будущего нашего молитвенного дома. Господин Чеде Ячимович, примите и передайте отцу Вашему, нашему благотворителю, нашу общую благодарность. И вам, гости, почтившие своим присутствием наше нынешнее скромное торжество искренняя от души наша признательность. Потом читает длинный список жертвователей. Когда г. Алексеев кончил чтение, подходит к нему гражданин Гая Янкович и, от души приветствуя доброе начинание, передает ему 1.000 динаровый кредитный би-

лет. Раздается общий возглас калмыков „Спасибо, господин".

Доктор Хара Даван сказал по сербски: „Сегодняшний прекрасный, солнечный день будет исторической датой для всех буддистов-калмыков, так как сегодня закладывается здесь фундамент первому Буддийскому храму в целой Западной Европе. Как дошли до этого. Мы калмыки-казаки посылали точно 15 лет тому назад на сегодняшний день на фронт вместе с русскими войсками густые ряды наших сынов, когда Россия об'явила войну Австрии и Германии в защиту маленькой Сербии. В результате Европейской мировой войны пришла с революцией гражданская война, которая была жестче и страшнее, чем первая. В ней принял самое активное участие калмыцкий народ: стар и млад, без мобилизации пошли против большевиков, так как они разрушили их религию, их быт в семье, в обществе и в государстве, на которых почивали жизнь народа и тысячелетняя их культура. Да. Коммунисты нас победили; но сюда пришли те, которые не хотят покориться им. Как некогда Сербы шли в горы и леса от турка в комиты, борясь „за крст частну и слободу златну",*) так и мы пришли в Сербию, Францию, Чехию и Болгарию, как их эмигранты, борясь за национальную правду. Но нигде, ни в одном государстве мы не чувствовали так братски, как здесь. Наш народ и сербский быстро подружились. Наши муки, скитания здесь понял сербский народ, так как и их история сплошная Голгофа.

Калмыки поселились здесь в периферии Белграда (в Малом Мокром Луге), когда она здесь была мало населена. Наши люди здесь не просили милостыни, а сейчас же, засучив рукава, взялись за работу тяжелую, но честную. Молчаливые, смирные, работящие, они быстро заслужили доверие и симпатию местного населения. Старый здешний житель местного края, г. Милоша Ячимович, будучи человеком глубоко религиозным и строгих нравственных правил, понял страдания наши и дал нам возможность иметь свой кусок земли, храм и свой национально культурный очаг; другие сербские граждане и наши братья горячо поддержали. Считаю своим долгом, как член Правления и Строительной Комиссии, принести благодарность М. Ячимовичу с сыновьями за дело, помогшее нам осуществить нашу мечту. Как один из членов Правительства Калмыцкого Народа в составе Астраханского Казачьего Войска, осмеливаюсь здесь заявить, что калмыцкий народ никогда не забудет то, что сербы сделали их сынам за время их невольного изгнания.

Член Калмыцкой Комиссии Культурных Работников и воспитатель русской гимназии в Праге, Д. Ремилев, говорит: „Разрешите мне, господа, прибывшему из другой страны нашего эмигрантского рассеяния, засвидетельствовать вам то приятное чувство, которое овладевает мною, разделяя с вами, дорогие братья, сегодняшнюю нашу общую радость, и видеть трогательное отношение благородных сербов в деле, имеющем большое национальное культурно-просветительное значение. Я твердо убежден в том, как только сведения о сооружении калмыцкой эмиграцией Храма дойдут до наших родных уголков, где ныне, под тяжким ярмом большевиков, стонут наши отцы и братья — не найдется ни одного живого сердца, которое бы не забилось в унисон с нашими, как сегодня. В радостном биении встрепенувшихся калмыцких сердец и здесь и там, в этой радости нашей виновником, конечно, будет г. Милош Ячимович. Мы люди восточного мира, а быт и весь уклад Будийского Востока одухотворяется религиозным содержанием. И когда в эту область большевики направили свои щупальцы, наш народ не смог стерпеть и возстал. Тому, что изгнано из Родины и Края, суждено найти приют и развитие в Королевстве Югославии, благодаря доброму и отзывчивому сердцу гр. Милоша Ячимовича с сыновьями, которым, от имени Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Чехословацкой Республике выражаем общую нашу благодарность. Мы, живущие в Чехословакии, будь то калмык, занятый тяжелым физическим трудом, учащийся ли средней школы, студент ли высшей школы, услышав о щедром даре и о возможности постройки храма-школы, бесконечно были рады присоединиться к вам нашим сочувствием. Благородные порывы и стремления возможно могут рождаться у каждого и у многих, но не всем приходится или удается реально осуществить ту или другую идею. На вас, Абуша Апильевич и многочтимый Бакша выпала доля осуществить мечту многих, в чем желаю счастливого успеха.

„Председник" Мало-Мокролужской общины Д. Иргачевич говорит: „Надо удивляться тому, как горсточка русских калмыков, поселившись в нашей общине, когда она еще была малонаселенной, и, не боясь препятствий и не растерявшись, не только с'умела устроиться в своей повседневной жизни, но и в сегодняшний день положила фундамент своему буддийскому храму.

Миша Іованович говорит, что на страницах истории вообще каждым народом занесены свои особые строки. Вот вижу Вас, оставивших свои края, родные уголки, семью и имущество. Вы боролись с большевиками, как мы когда то с турками, вы отстаивали свою национальную свободу, свое право жить так, как вам хотелось. Видя вас, мне невольно вспоминаются мучения от турецкого гнета, ваши страдания и изгнаническая жизнь напоминают наши страдания, которые мы пережили от австро-венгерских полчищ во время последней войны. Кто сам страдал, не может быть равнодушным к чужим страданиям (прослезился). Вы закладываете фундамент своему храму, в вас горит неугасаемая вера. Кто верит, тот побеждает. Пусть строющийся духовный очаг об'единит силу и крепость и дай Бог вам вернуться на Родину с честью и достоинством. Сегодня вы здесь закладываете фундамент своему храму. Счастливо Вам закончить.

После закладки фундамента гостям предложены были чарки вина. Дружеская беседа калмыков с сербами затянулась далеко за полдень.

*) Пер. За крест честный и свободу золотую.

С. П—я.

К вопросу о казачьем поселении на землю*).

*) От ред. В виду огромного интереса казачьей эмиграции к вопросу о поселении на землю, ред. „В. К." предполагает посвятить ему особое место, освещая и раз'ясняя разные возможности, но каждый понимает, что мы не можем пока взять на себя ответственности или рекомендовать без предварительной переверки такие проэкты, как помещаемое под этим заголовком предложение о поселении казаков на острове Новая Гвинея. Мы пока смотрим на это, как на обмен мнений. Весьма возможно, что найдутся и другие возможности или поступят новые предложения.

Редакция „В. К." предоставит на своих страницах место своим читателям, чтобы поделиться своими мыслями по этому, весьма животрепещущему сейчас вопросу.

Казачество, с момента появления его за пределами родных краев, старалось использовать всякие возможности поселиться на землю. Тяготение к земле у казака является чем то естественным, впитавшимся в кровь и потому искание земли казачеством каждому понятны: казак с деда-прадеда земледелец. В продолжении нескольких столетий казачество вело борьбу за землю, за нее же боролось в 1918—1920 годах и потому здесь заграницей ценою своей жизни соглашалось нести службу по охране границ Югославии в возмездие за землю, которую предполагалось получить на Косовом Поле.

При жизни известного югославянского политика Пашича план казачьего поселения казался еще реальным, но теперь он там едва-ли осуществим. Поинфор-

мировать казачью эмиграцию в нашем журнале „В. К." о том, как происходили переговоры и что обещалось, будем просить особ, более близко стоявших к переговорам с Югославянским правительством.

Не так давно для поселения на землю отправились Кубанцы в Перу. Им обещана государственная финансовая поддержка, но в виду крайне неблагоприятных климатических условий и географического положения в Перу, — мы очень осторожно относимся к колонизационным возможностям в Перу.

Наши станичники эмигрируют во Францию, Бразилию, Аргентину, и т. д.

Наиболее подходящими условиями для земледельца безусловно обладает Канада, но там, по понятным причинам, привилегия дается англичанам и надо для начала не менее 7000 голландских гульденов, включая в эту сумму и первый взнос — плату за землю, если приобретает ее земледелец в собственность. В Аргентине вполне хватит 3500 голл. гульд., а в Бразилии 2000 голл. гульд. Но рекомендовать эти земли не можем и тем менее в мелких государствах Южной Америки. Наиболее подходящими условиями для казака земледельца обладает, как это не удивительно, тропическая Азия, в частности остров Новая Гвинея.

В Чехословацкой печати сейчас обговаривается вопрос о колонизационных возможностях для „лучшего" поселения земледельческого населения в тропической и субтропической Азии. В Польше и Австрии организованы компании для финансирования переселенцев.

Член Восточного Института в Праге д-р Цицварек настаивает на необходимости организации компании для финансирования переселенцев, в которой значительное участие приняло бы государство, и настаивает на выборе острова Новой Гвинеи, как наиболее подходящего по климатическим и естественным богатствам для поселения земледельческого населения. Ниже разрешим себе остановить внимание читателя на описании общего географическо-политического положения Новой Гвинеи и ее климатическо-экономических возможностей.

Новая Гвинея по площади равно 785360 кв. кил., с того Голландцам принадлежит 394789 кв. кил., англичанам — 229102 кв. кил., и 181650 кв. кил. (бывших немецких колоний), на правах мандата принадлежит Австралии. Остров Новая Гвинея очень плодороден и обладает несчислимыми природными богатствами, которые до сего времени точно не учтены. Туземного населения 800—900 тысяч папуасов и несколько европейцев-чиновников, живущих в прибрежних селах. При вышеуказанных размерах острова, можно считать его очень мало населенным, если не пустынным.

Что касается климатических условий, то там климат много лучше для здоровья европейца, чем в Южной Америке или Африке. Очень мало дней в году с температурой 35 градусов Цельсия в тени и в среднем высокая температура в Азии (около экватора) колеблется между 24—27 градусов Ц. Часто опускается на 18—19 гр. Ц. На высотах 600—1000 метров над уровнем океана можно производить виноград, чай, кофе, какао, хинное дерево, корнеплоды и т. п. Там температура наиболее высокая доходит до 20—22 гр. Ц. — ночью понижается до 12 гр. Ц. и к утру бывает 10 гр. Ц. При том погода прекрасная, с чистым голубым небом, какое в центральной Европе можем видеть лишь в прекрасное летнее время. Близость океана ослабляет зной прямо падающих лучей тропического солнца. Ночью бывает прохлада, но не так холодно, как в нашем континентальном климате, где температура имеет большую амплитуду колебания. Втечение дня нагревшаяся вода ночью часть тепла отдает воздуху. При рациональном питании, воздержанности и бережливости сил наши станичники могли б работать не хуже, чем в Европе.

Новую Гвинею можем рекомендовать по той причине, что это единственная земля в целом свете, где можно с незначительным капиталом, начать самостоятельное и при том очень выгодное предприятие, не вредя здоровью.

Какие средства необходимо иметь для начала?

Земля берется в так наз. наследственную аренду, которая введена практическими голландцами всюду в своих колониях. В действительности же арендатор является неограниченным хозяином арендованных участков, может их отчуждать и закладывать. Право это передается и на наследников. Арендатор платит в год за аренду 1—2 голл гульд. (в Гол. Индии) т. е. 14—28 корон чешских, за 1 гектар. Земля та конечно для немедленной обработки не пригодна, т. к надо сначала выкорчевать лес.

Читатель может испугаться, но мы должны сказать, что белое племя подобным трудом там не занимается. Вам очень охотно выкорчуют гектор леса туземцы за 30 гол. гульд.

Зерно полевых растений на 1 гектар стоит менее 8 гол. гул. Зерно для сада еще дешевле. Постройка временного домика с помощью туземцев обойдется 35 гол. гул. Необходимые инструменты, как топоры, пилы и т. д. 10 гол. гул. Скромное питание на 6 месяцев до урожая при семействе в 4 души обойдется 140 гол. гул. (но одному немного дороже чем 35 гол. гул.). И так:

Аренда 1 гектара (максимум)	2	гол. гульд.
Корчевка „	30	„
Зерно для посева	8	„
Домик	35	„
Орудие и необход. хоз. принадлежности	10	„
Питание на 6 месяцев одной особе . . .	40	„
Разные непредвид. расходы	35	„
Итого . .	160	гол. гульд.

С такими расходами можно уж быть хозяином и конечно при больших финансовых возможностях можно стать сразу плантатором.

При вышеуказанных расходах на 1 гектар в первом же году можно иметь прибыль с него не менее 225 гол. гул. И только начал бы подрастать сад, как давал бы годовую прибыль, в зависимости от сорта и качества фруктов и рыночных цен, от 320 до 1000 гол. гул. Эту прибыль можно получить в конце третьего или начале четвертого года, при незначительной работе, которую нельзя сравнить с работой в нашем зерновом хозяйстве. Семейство в 4 души легко может справиться с 3—4 гектарами, но так как при обработке двух гектаров можно жить много лучше, чем в Европе живет землевладелец с 20 гектаров, то легче было бы вести обработку земли наемным трудов туземцев и не расходовать собственных сил.

На втором году ведения хозяйства можно сделать уже некоторое сбережение.

Единственная действительная трудность для казачьего переселения туда — это отдаленность Новой Гвинеи от Европы, требующая сравнительно больших средств на переезд. Необходимо 5000 корон чешских (приблизительно 8500—9000 динар). Поэтому надо сначала решить этот вопрос, вопрос организации финансирующего центра, но об этом поговорим в другой раз.

Скажем только, что это та Обетованная Земля, куда должен стремиться каждый казак и для этого должен экономить каждый свой грош, так тяжело зарабатываемый его мозолями.

Прим: 100 голл. гульд. — 1024^{25} фр. франков — — 1355^{40} чешс. крон.

Перу.

(Географическо-экономический очерк).

В связи с возникшим интересом среди казачьей эмиграции к Перу — месту первого поселения казаков на землю, разрешаем себе сообщить некоторые данные про это государство, как они изложены в энциклопедическом словаре „Брокгауз и Ефрон“ (т. 45 спр. 402—406), с небольшими изменениями, выпусками и дополнениями. Сведеия эти, конечно, старые.

———

Республика Перу расположена в Южной Америке между 3° 25'—18° юж. ш. и 67° 31'—81° 20' зап. долготы. С севера граничит с Эквадором, с востока — Боливией и Бразилией, с юга — Чили и с запада — Тихим Океаном. Територия Перу равна 1.137.000 кв. км. (Югославии — 249.000 кв. км.; Болгарии — 103.000 кв. км., Чехословакии — 140.000 кв. км., Северо-Кавказского Края — 268.000 кв. км.)

Поверхность Перу по преимуществу гористая; береговая линия очень длинная, мало изрезанная океаном и с малым колчеством хороших гаваней (лучшие Кальяо, куда прибыла первая кубанская переселенческая группа, Паита и Малленде) и островов; последние необитаемы, но некоторые из них, как напр. Чинча и Лобос, еще недавно были богаты гуано.

С северо-запада на юго-восток тянется двойная цепь Кордильеров или Андов и делит Перу на 3 естественные области: Ла Коста, Сиерра и Монтанья.

Ла Коста — область между крутоспускающимися к морю подошвами Андов и берегом Тихого океана, плодородная лишь в северо-западной части, а в остальной части представляющая собой пустыню, пересекаемую массой горных ручьев. Сиерра — состоит из отдельных нагорий, которые называются пунами или парамосами, в тех случаях, когда расположены выше 4000 метров над ур. океана и заключает в себе все долины и холмы между двойными цепями Андов, а также долины Тихоокеанской стороны. Эта область расположена между береговыми и внутренними Кордильерами на восток от береговой области Ла Коста. Береговые Кордильеры подымаются за черту снеговой области и пересекаются трудными проходами, ведущими на внутреннее плоскогорие.

Монтанья — область, покрытая девственными лесами и с очень плодородной почвой, находящаяся на восток от Сиерры. Пересекается множеством узких отрогов восточных Кордильеров; населена очень редко племенами диких индейцев и еще мало исследована.

Вулканы встречаются в Перу, только в самой узкой южной части, где они образуют Арвкипскую группу береговой цепи, служащую продолжением боливийской; среди них находятся горячие серные и др. минеральные источники. Землетрясения в горах редки и не сильны, в восточной области — почти неизвестны, хотя в прибрежных местах довольно часты и разрушительны. Из прибрежных городов замлетрясением уничтожались: Лима, Писко и Кальяо в 1680 г. и в 1746 г. Трухильо — с 1725 по 1816 г. три раза, Арекипа с 1582 по 1868 г. пять раз.

Речная сеть в Перу распределена неравномерно; в прибрежной области более 60-ти рек, но все они незначительны, коротки и в сухое время года частью безбезводны; восточный склон и прилежащая к нему долина и части нагорья орошены превосходно. Все воды к востоку от главного водораздела принадлежат к бассейну р. Амазонки, берущей свое начало в Перу, за исключением нескодьких речек впадающих в оз. Титикака. Горных озер в Перу очень много, но главное из них Титикака принадлежит Перу только частью.

Если в климатическом отношении сравним берега Атлантического и Тихого океана, то заметим разницу температур под одной и той же широтой. Например столица Перу Лима, находящиеся на 12° южн. ш. средняя года 19°, самый холодный месяц июль 15°, самый теплый — февраль 23,2°, а на восточном берегу Бахия 13° южн. шир. средняя годовая 25,5°. Причина низкой температуры — холодное течение (Перуанское или Гумбольтово) вдоль берега. Этим же об'ясняется и малое количество дождя. Обыкновенно лишь зимой бывают влажные туманы и в это время появляется растительность на склонах прибрежной полосы, напр. нарциссы и др. низкорослые цветущие растения. Летом небо ясно; лишь раз в несколько десятков лет дожди. На восточных склонах и долинах Анд, начиная с 500 метров над уровнем океана летом бывают правильные дожди, но на западных склонах бывают как исключение. Этим обясняется скудность растительности — растут кактусы и другие растения сухих климатов. В южном Перу, между прибрежьем, которое увлажняется, зимой туманами, и горной полосой, где падают правильные летние дожди, находится пустыня, совершенно лишенная растительности. Высокие горы покрыты вечным снегом. Обитаемые места или по которым проходят торные пути, так наз. пуны или парамо, между 3500—4500 метр. над. ур. океана, имеют очень неприятный климат: там существуют сильные холодные ветры, особенно с сентября по май; в эти месяцы погода изменчива: то солнце, то дождь — в один и тот же день. Грозы необычайно сильны, но всегда бывают днем. Зимой (май — сентябрь), холодно, но ясно, дожди редки.

Восточный склон Анд очень влажен. Между 2000—2600 м. над ур. океана, в верхнем поясе лесов, ночью туманы, с октября по апрель сильные дожди в остальное время тоже бывают грозы. Благодаря обилию влаги, здесь растительность раскошна — преобладают густые леса. Здесь можно возделывать все растения умеренного пояса и некоторые тропические. Равнина по Амазонке также очень влажна, дожди идут целый год (в год выпадает осадков до 2625 мм., тогда как на Кубани 300—700), но более всего с ноября по март. Обилие влаги понижает среднюю температуру долин, расположенных по экватору, до 24,8°. Здесь растут пальмы, превосходно удаются все растения тропиков, но по редкости населения земледелиекрайне мало развито. Вывоз из этой полосы состоитиз каучука, сассапариль и др. лесных продуктов.

Животный мир довольно богат и разнообразен, попадаются: разнообразные породы кошек, муравьеды, обезьяны, тапиры и др. Очень разнообразно царство пернатых — много колибри, попугаев и др.

Естественные богатства Перу неистощимы, особенно минеральные, но еще мало использованы, вследствие недостатка капиталов и отсутствия путей сообщения. В конце прошлого столетия англичанами были вложены значительные капиталы в золотые и серебрянные рудники, благодаря этому добыча благородных металлов значительно возросла, как золото так и серебро экспортировалось в Европу — Англию и Германию главным образом. Перед войной почти половина перуанского серебра ввозилась в Германию. Самая богатая минералами область — Анкач.

Золотом богата область истоков реки Пуруса, но разработка крайне затруднительна — требует больших финансовых затрат специальных машин.

Знаменитые некогда ртутные рудники близь Хуанкавелика производят теперь лишь несколько десятков тысяч килограмов ртути в год.

У р. Хуальоги богатые залежи соли, которые служат главным предметом торговли жителей верхней Амазонки.

Нефть добывается в провинции Пайтос.

Селитряные залежи Перу потеряло после неудачной войны с Чили. Залежи гуано были расположены на островах Чинча и Лобос, но в настоящее время они истощены.

Земледелие в Перу находится в пренебрежении, хотя там произрастают все культурные растения, как тропического так и умеренного пояса; за исключением сахарного тростника, табака, хлопка и некоторых др. растений. Пшеница, кукуруза, бобы, корнеплоды и н. др. растения производятся лишь для местного потребления.

Самая земледельческая область — Сиерра, куда поселилась первая группа кубанцев ген. Павличенко.

Там сеются: кукуруза, пшеница, бобы, корнеплоды и др. Картофель прекрасного качества, составляет главную пищу индейцев и метисов. Кроме того в Сиерре возделываются кофе, табак, сахарный тростник; последний в большом количестве разводится на плодородных участках прибрежной полосы, благодаря искуственному орошению. В долинах Писко и Ика произростают прекрасные виноградники, оливки, хлопок и кашениль.

Из местных лесных произведений первое место в вывозе занимает хинное дерево. Вывоз его уменьшился так как в Перу для добычи коры рубят самое дерево. В восточной части Перу земледелие развито слабо. Это об'ясняется господствующими там болотными лихорадками, холериной и недостатком рабочих рук.

Скотоводство Перу в сравнении с возможностями — незначительно. Более обширно овцеводство; разводятся ламы и альпаки.

Промышленность Перу — незначительна; приготовляются большей частью грубые хлопчатобумажные, шерстяные и кожевные изделия. Мануфактурные товары, большей частью, привозятся из Европы и С. Америки.

Торговля, как внутренняя так и внешняя, развита слабо, вследствие недостатка в путях сообщения, хотя в последнее время многие гавани соединены железными дорогами с внутренними пунктами. Первая железная дорога от Кальяо до Лимы (15 км) открыта в 1851 г., ныне продолжена под названием Кордильерской до Орайо (самая высокая в мире железная дарога — 5.430 м. над ур. океана — почти равняется высоте нашего Эльбруса — 5.629 м.)

Торговый флот ничтожен, но за последнее время судоходство развивается усиленным темпом, особенно на озере Титикака и на притоках р. Амазонки. Внутри страны перевоз товаров производится на мулах и ламах.

Минеральные богатства Перу привлекают искателей приключений — легкой наживы, которые эксплоатируют местных жителей, закабаляя их работой в рудниках, вследствие чего земледелие заброшено и население деморализуется.

Перу делится на 18 департаментов с 90 провинциями.

Правом голоса пользуется каждый перуанский гражданин, владеющий землею или платящий подати или, наконец, умеющий читать и писать

Высшая судебная институция находится в Лиме. Девять главных судов в различных департаментах; во всякой провинции имеются суды первой инстанции, в общинах (poblaciones) — мировые судьи.

Финансы Перу до недавнего времени были в хорошем состоянии благодаря монополии гуано и натровой (так наз. чилийской) селитры, ныне же с переходом селитры до Чили и истощением залежей гуано, доходы уменьшились; между тем расходы сильно возросли, особенно вследствие постройки железных дорог, увеличения армии, а также на уплату процентов по огромному долгу.

Перу имеет теперь множество начатых железных дорог, которые вряд-ли скоро будут окончены, так как технические и финансовые трудности велики, а страна мало населена.

Народонаселение Перу состоит из белых, метисов, индейцев (и сравнительно немного китайцев и негров). Белые, главным образом итальянцы и немцы — в больших городах по берегам океана. Между китайцами, которые с 1872 г. были привозимы в Перу для разработки гуано (в 1876 г. — около 50.000 чел.) смертность была огромная; с ними обращались хуже, чем с рабами. Впоследствии ввоз китайских рабочих (кули) прекратился, а отслужившие контрактный срок остались в Перу, по большей части занимаясь торговлей и ремеслами. Население прибрежной полосы, особенно Лимы и окрестностей, необычайно пестро; оно состоит из смеси белых, индейцев, негров и китайцев.

Лима — столица Перу, находится в 15 км. от своего порта Кальяо на берегу Тихого океана, у подошвы гранитных холмов, на обоих берегах р. Римака; имеет более 16 км. в окружности. Чудные храмы и куполы придают Лиме издали величественный вид. Большая Площадь — центр деловой части города; по среди сквера великолепный бронзовый фонтан с тремя бассейнами. На площади Независимости здание конгреса; на одной из площадей конная статуя Боливара, — освободителя Южно-Американских колоний от испанского владычества.

Из церквей самая величественная и краеивая внутри — собор; церквей и часовень очень много; число монастырей несколько уменьшилось.

Университет — первый в Америке (основан в 1551 г.) и некогда самый важный; с ним соединены большая библиотека и музей с колекциями перуанских древностей.

Существуют юредическая и фармацевтическая колегия, ботанический сад, медицинская и военная школы, несколько гимназий и много начальных школ. Арена для боя быков, с местами для 12.000 зрителей. Два театра, амфитеатр для петушиного боя, зоологический сад. Жителей около 300.000 чел. Лима основан в 1553 г. Выдержал до 20 значительных землетрясений; самое сильное из них было 18 окт. 1746 г., когда погибло 5.000 чел. под развалинами города.

К переселению Кубанцев в Перу.

Как уже известно читателям нашего журнала, все Кубанцы, которые намереваются переселяться в республику Перу, будут посажены там на землю в долине реки Апуримак в одном из департаментов, близко лежащих на Юго-восток от гор. Лима, столицы Перу. Речка Апуримак есть верхнее течение р. Тамобы, которая, соединившись с р. Вилькамаей, образует Укаям, одну из величайших рек Южной Америки и прорезает Кордильеры Перу. Река Апуримак начало свое берет из озера Вилафро, расиоложенного в Перуанском департаменте Ареквина, течет сперва по направлению к северу через департамент Куско, затем делает поворот на северо-запад и образует границу между департ. Куско и Апуримак, далее он вступает в департ. Аякучо, где принимает в себя приток Монтаро.

Течение р. Апуримак постоянно, стремительно, а русло его, теснимое крутыми утесами, во многих местах почти сплошь покрыто камнями.

Быстрота течения, а также многочисленные водопады ставят судоходству на нем непреодолимые препятствия и лишь вниже Хифлон-Вершинаы, где Апуримак уже наз. Тамбой, река становится менее стремительной и безопасной для пароходов известных размеров. Р. Апуримак протекает по величественной и живописной равнине. Берега по верхнему его течению отличаются здоровым климатом, но лишь узкими полосами удобны для культуры.

Здесь хорошо произрастают рис и кофе, которые в округе Анко, департ. Аякучо, возделываются китайцами, также растет сах. тростник, какао, ваниль, добываются каучук и хинная корка. По нижнему течению р. Апуримак отдельные места заняты европейцами, таков напр. округ Хунгви в том же департаменте Аякучо, но тут уже ни сах. тростник, ни рис не культивируется, климат постоянно жаркий и нездоровый; здесь господствуют перемежающиеся лихорадки, насыщенный сыростью воздух вредно действует на колонистов и разслабляет их нервную систему.

До последнего времени бассейн среднего и нижнего течения р. Апуримак принадлежал к числу неисследованных стран Перу.

Справка: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. стр. 938.

Долина реки Апуримак, где предполагают селиться кубанцы, находится на Юго-Восток от г. Лима и Хуанки-Фелики, расположена она в департаменте республики Перу — Аякучио (Аякучно — Ayacho).

Департамент Аякучио, орошаемый водами р. Куманги и других притоков р. Апуримака, принадлежит всецело к бассейну р. Амазонки и, несмотря на свое возвышенное положение, весьма удобен для земледелия и скотоводства.

Департамент Аякучо, будучи связан с столицей республики железной и шоссейной дорогой, ведет довольно оживленную торговлю с гор. Лима сельско-хоз. произведениями.

Главный город оепартамента А. — Аякучо расположен на Юго-Восток от гор. Лимы на высоте 2560 метров над уровнем моря. Он был основан в 1539 году, правильно построен, имеет кафедральный собор, 23 церкви, университет, основанный в 1677 году, больницу, местопребывание епископа, в данное время связан с главным городом республики — Лима частью железнодорожным, частью автомобильным сообщением: от города Лима идет железная дорога нормальной, а потом узкой колеи, дальше до самого гор. Аякучо — автомобильное сообщение. Железная дорога, самая высокая в мире, проходит в некоторых местах на высоте 5430 метров, проложена в узких ущельях и высоких насыпях, проходит через 68 тунелей.

Дальнейший путь к месту поселения Кубанцев в долине реки Апуримак от гор. Аякучо на 30 километров шоссе, а дальше лишь вьючная тропа, которую в данное время казаки уже переделывают на шоссе, чтобы в конечком итоге связать намеченные к постройке казачьи станицы и хутора с гор. Аякучо, а тем самым и с целой республикой Перу.

Справка: Енциклопедический словарь и Ефрон стр. 576.

Сообщил **М. Ч.**

Думы и мысли.

М. Забігайло. (*Югославія*).

Поклик до козаків кубанців.

Гей, послухайте ви, хлопці,
Добрі козаки-молодці!
Доки мы будем на чужині спати?
Чи не пора нам уставати?

Гей, нуте-ж, пробудіться,
Та гляньте-подивіться:
То-ж нашу Матір-Кубань ворог катує, —
Та ніхто-ж її не рятує!

Гей, брати мої, козацтво,
Старі і все юнацтво!
Чи не діждемо ми од Матері прокляття,
Що згубили козацьке завзяття?

Ой, стид нам буде і сором,
Як своєго лиха не зборем —
Давайте ж ми усі братись за діло,
Щоб як у казані кипіло!

Коли хто добре заробляє
Та зайві гроші має, —
Хай він почне трудову копійку одкладати,
Щоб було чим Кубань рятувати.

Чи хто на добру річ удатний
Та на митке слово завзятий, —
Нехай братів-козаків до гурту збиває,
Та на усе добре примовляє.

Чи може хто уміє писати,
Або вірші гарні складати, —
Так нехай на увесь світ мов у дзвона дзвоне,
Щоб став козак до оборони!

А той, хто ворогу помагає,
Та козачу згоду розбиває, —
Прокляне його на-віки Кубань — наша Мати
І ніколи не пустить до хати!

Шануйтеся-ж козаки, мої друзі —
Усякому буде по заслузі:
Бо хто рідну Неньку у незгоді забуде,
Покарають його Бог і люде!

Гей, послухайте ж ви, хлопці,
Добрі козаки-молодці!
Годі нам без діла на чужині спати, —
Час за Кубань, як один, повстати!

Гей, нуте-ж, уставаймо,
Та руки до згоди подаймо,
Та й станемо всі до великого бою
З тією ворожою нам Москвою!

Зберемо на велике діло
Усю козачу хист і силу,
Та крілко, одностайно будем стояти,
Поки не виженем москаля з хати!

20-VIII-29 р.

Письма.

I.

Н. П-чу.

Спасибо большое за поздравление, которое я получил во-время. Нужно просто удивляться такому совпадению обстоятельств. В самом деле, живем вот уж почти 10 лет в одной стране, которую по величине и населению можно сравнить с нашей областью, а видеться не приходилось, да даже и сведений друг о друге никаких не имели, и если бы не то обстоятельство, о котором ты мне писал, то мы бы так и продолжали жить в неизвестности. Верно говорит пословица, что „на чужбине сильнее чувствуешь связи приятельства". Ведь когда то были приятелями, и неужели же и наше приятельство отойдет в область приятных воспоминаний?

Сидя в своей мрачной клетушке, размышлял я частенько при воспоминании о тебе. Наши прежние отношения становятся еще более дорогими, когда чувствуешь себя одиноким среди массы чужих людей. Вот уже много лет я тружусь ради существования, с надеждами на светлые дни, и все же вижу, что наша тяжелая работа не является тем мотивом, который, обыкновенно, в таких случаях сближает людей. Правда, с одной стороны, по казачьему мы все, здесь находящиеся, близки, но с другой, по вопросам политики моя старая казачья душа не может сойтись вплотную с молодыми и разделить появившееся новое течение.

Обыкновенно, после скучной дневной работы станичники собираются в определенное место поговорить, куда частенько заглядываю и я послушать. Случаются довольно жаркие споры и особенно тогда, когда поднимается вопрос о будущей судьбе России и Казачества. Тут наступает ясное деление собеседников на две группы, из которых одна, казачья группа, более многочисленна другой — не казачьей. (Нужно сказать, что у нас здесь число казаков преобладающее). Всякий раз я вникаю в смысл слов спорящих сторон, чтобы по убеждению своему принять ту или другую сторону. С одной стороны, я как казак, чувствую себя чуждым в среде неказаков и в то же время не могу до конца слиться душей с группой станичников; как то непонятно они говорят; Вольными Казаками себя называют. Но, Н. П-ч, вот этого то я и не пойму. Да ведь 'как-будто мы и не переставали быть вольными казаками; или большей воли пожелали, а это значит перешагнуть за черту вольности в какую-то уже неизвестную сферу? Да почему именно теперь заговорили казаки о своей вольности? И масса других вопросов и слов, слышанных мною здесь, никак не могу вобрать себе в толк. Ты, Н. П-ч, живешь, можно сказать, в центре, в более многолюдном городе, чаще встречаешься с людьми,

больше имеешь возможности читать литературу по всем вопросам и вероятно больше нашего знаешь; вот почему я тебя убедительно прошу, если можешь, об'яснить, рассказать, втолковать в мою голову все это, что немало меня волнует как казака.

Несколько дней тому назад я получил письмо из дому — как всегда грустное, переполненное отчаянием и горькими слезами. Пишут, что кроме чисто морального притеснения, отнимают там всякую свободу экономического укрепления. Под видом всевозможных „добровольных самообложений", которые превратились в принудительные, „подоходных налогов", „разных налогов", число которых бесконечно и, наконец, „излишков", которые обязательно должны быть у каждого, отнимают последний насущный кусок хлеба. Подумаешь и в ужас приходишь; а что если подобное состояние нашей родины продолжится еще много лет, то тогда и в живых никого не останется. Сосед мой, молодой казак, коротко пишет, что думает переселиться на Мугань. Ясно, что о причинах, заставляющих бросать насиженное место и идти куда то в неизвестность, он не пишет, но, по моему, оне ясны. Человек думает уйти подальше от центральных пунктов в более глухие места и тем самым освободиться от ежедневных притеснений местной, „народом данной", власти...

II.

В. А-чу.

Да, ты, брат, не ошибся в предположениях и хорошо сделал, что с подобными вопросами обратился непосредственно ко мне. Откровенно скажу, что радуют меня те слова, которые ты слышишь из уст молодых казаков. Постараюсь тебе изложить все как можно яснее и проще.

Правда, мы были когда-то Вольными Казаками, т. е., жили и устраивали свою жизнь по собственной воле, которую потом у нас отняли и, как тебе известно, под строгим наказанием было запрещено все то, что говорило о былой вольности, дабы не поднять ее снова у казаков и тем самым сделать их непослушными центральной власти. В недалеком прошлом мы имели официально только слово к а з а к; вольность же была запрещена, но она была жива в казачьих душах. Понятие „вольность" равносильна понятию „свободы".

История народов полна примеров, говорящих о том, что свобода была единственным фактором, заставлявшим разыгрываться большим историческим событиям. Крестовые походы, французская революция, жестокие и долгие средневековые войны, наконец кровавые и многочисленные события последних лет по всему миру, все имеют в основе своего возникновения свободу, т. е., независимость духа и тела и устройство своего духовного и материального благополучия по собственному желанию.

Мы, казаки, разве лишены права на эту свободу, на нашу вольность, которую мы когда-то имели и которая является тем, что тесно об'единяет нас, воспитывая в человеческой душе гуманность и любовь? И неужели мы обречены на молчание, на безгласность и на ожидание, когда соблаговолят о нас вспомнить и поднести нам необходимое, которое мы обязаны беспрекословно принять? А кто нам даст все это и от какого благодетеля мы должны его ожидать? Над этими вопросами ты не задумывался?

Не верно говоришь о том, что казаки, яко-бы, пожелали иметь еще большую волю, яко-бы, переступить за черту вольности. Казаки желают вернуть старую вольность, которой пользовались когда-то наши деды. И теперь, когда они почувствовали одностороннюю свободу, свободу слова и то вне пределов своей Родины, начали открыто говорить то, что много лет скрыто носили в своих сердцах.

Не сердись за откровенность, ибо исполняю твою просьбу. В первой части твоего письма ты говоришь о казачьей вольности, как о неумиравшей, существующей и до сегодняшнего дня. Непосредственно за первой частью, во второй, невольно даешь полное противоречие предыдущим своим взглядам. Здесь ты сам вместе со своими родными незаметно для самого себя оплакиваешь потерянную вольность. Разве казаки там, на родной земле, пользуются свободой, радуются-ли той воле, от которой задыхаются? От воли той сосед собирается переселиться на Мугань? Нет, нет и нет. И если мы будем молчать и ждать какого-то благодетеля и не давать никакого сопротивления, то поверь, лишимся не только воли, звания казака, а и родной земли и даже жизни. Отлично знаешь: „дитя не плачет — мать не разумеет", так и за нас никто не позаботится, а особенно в настоящее время и, если мы о себе не побеспокоимся, то естественно прийдем к тому страшному концу, о котором ты пишешь.

Знаю, что ты мне сейчас-же будешь противоречить. „Довольно — мол говорить, нужно делать". А я на это отвечу. Дело лишь там, где есть согласие, а согласие там, где люди, путем изложения друг другу своих мировоззрений подойдут к вопросу с одной и той же стороны. Скажу более, что одно сочувствие подкрепляет силы и увеличивает смелость борцов, посвятивших свою жизнь на достижение идеалов Казачества; это значит что сочувствующие в нужную минуту всегда дадут свое подкрепление...

III.

Н. П-чу.

Прочитал я твое письмо и глубоко задумался. Ведь все это правда и горькая правда. Не знаю почему, но мне сейчас-же вспомнился один случай, который вкратце тебе изложу. В буфете первого класса станции Е. (на Кубани) в период наших больших успехов на протяжении всего красного фронта весной 1919 г. мне случайно пришлось быть слушателем разговоров одной разнузданной, подвыпившей группы добровольческих офицеров. В ожидании поезда, я занял небольшой столик огромного зала. За соседний стол шумно уселась упомянутая компания. Не подозревая во мне казака-офицера, они, не стесняясь, дали волю языкам. Неприятно мне было слушать, но я все же оставался до конца, желая выслушать все, что у трезвого на уме. Они хвалили „казачков", вкладывая в это слово смысл казачка-прислужника, за их славную борьбу и смерть, обещая им дать „хорошего" атамана-губернатора (иначе и не называли атамана), т. к. настоящий для них не был хорош. Часто даже прорывались бранные слова по адресу вообще всех казачьих Атаманов за их деятельность и строптивое отношение к Главному Командованию. Что же касается Рады и Кругов, то они просто считали их ненужными и даже вредными. Говорили также о материальном состоянии казаков, высказывая желание прибыть сюда „на отдых" всей частью. Были и такие голоса, которые открыто требовали организации продовольственных пунктов в наших областях, говоря, что „казачки" богаты и жены их умеют работать и работают не хуже своих мужей. В конце концов дошло до того, что начали хвалиться друг перед другом своими непристойными похождениями в наших станицах во время существования здесь фронта. Поистине гнусные подвиги творились, даже описать тебе не могу. Да я думаю, что и ты и каждый из нас знает не мало подобных примеров, характеризующих отношение к казакам и казачьим вопросам.

Самые простые, самые обыкновенные воспоминания, как видишь, но они так глубоко врезались в мою память, что едва ли когда либо я их забуду. Этот пример, хотя и простой, но очень поучительный, ибо он не был одним единственным...

И вот, не находя сочувствия среди неказаков, как тебе уже писал, я, будучи казаком, не могу сочувствовать им. Но, в то же время, повторяю опять, до конца не понимаю своих собратьев. Вчера я слышал слово „самостийник", в понятии которого кроется нечто для меня несовместимое. Как так, отделиться и жить самостоятельным, независимым государством? Это значит, нужно иметь паспорт, а на паспорте русскую визу для того, чтобы проехать, скажем, в Москву. Как-то в голове у меня не вкладывается подобное передвижение по территории, по которой когда-то не существовало никаких границ.

Буду откровенным. Наше прошлое, стариков можно сказать, всецело связано с монархической Россией и настолько я свыкся с этим, что теперь не могу без страха смотреть на все эти новшества. Правда, я сознаю, что мое прошлое не может служить основанием устройства судьбы нашей; можно так-же привыкнуть к новому, как я привык к старому, т. е. не хочу сказать, что нам нужен царь, но можно, думаю, решить это дело иначе, не самостийным путем. Среднее и, думаю, более подходящее, это федерация, о которой нужно говорить и которая дает всеобщее равенство и свободу, когда и казаки будут иметь право высказывать свое желание, свою волю и требовать ее исполнения...

IV.

В. А-чу.

Признаюсь, других слов от тебя я и не ожидал, ты и не мог придумать другого, потому что ты называешь себя казаком, а казак иначе и говорить не может. Я говорю относительно того чувства, которое ты переживал, выслушивая столь „похвальные“ слова казакам и те страдания, которые неминуемо захватывали каждого из нас после слышенного и виденного нами от таких „доброжелателей“.

Верно, что раньше мы отделывались только безмолвным молчанием. Наши братья, которые остались в родных станицах, и по сию пору не смеют не только дать некоторое сопротивление, отпор или выразить желание, но даже и подумать об этом. Мы в данном отношении счастливее их, т. к. свободно можем высказываться по всем вопросам и хладнокровно взвешивать все возможные обстоятельства. Эти слова, смелые уже слова протеста или желания, как уже тебе писал однажды, казаки высказывали еще в период первой революции.

Теперь позволь тебе возразить, скорее, как ты просишь, просветить. Ты как будто сильно испугался самого обыкновенного слова „самостийность“. Твой испуг, мне кажется, был преждевременным и необдуманным. Вот, если ты хорошенько всмотришься, вдумаешься, то твой страх совершенно исчезнет. Самостийность звучит как самостоятельность, независимость, а эти последние существуют самые разнообразные: независимость духовная, телесная, общественная, моральная и т. п. Не буду уклоняться в сторону, а, наоборот, буду держаться все время нас более всего интересующего вопроса, вопроса независимости, или назови его самостийности, духа и тела. Быть независимым духом, следовательно и телом, это значит свободно выражать и исполнять собственную волю. Отсюда, не кроется ли понятие „вольность“ в слове независимости или самостийности? Мы, как и ты согласился, стараемся отстоять нашу дедовскую вольность, а это значит стать самостийниками, как нас, обыкновенно, называют наши недоброжелатели, с целью „унизить“ нашу свободу, казачью вольность. Многие в своем представлении о самостийности имеют самые разнообразные мысли, но большинство из них слово самостийность непременно связывают с фактом полного отделения области в независимое государство с собственным аппаратом управления. Если ты исправно читаешь журнал „В. К.“, то представление о самостийности у тебя должно сложиться иное. В номере 1 упомянутого журнала на стр. 3 ясно написано: „Самостийность мы понимаем не как изоляцию, — союзников и друзей искать себе будем, но только на основе: вольный с вольным, равный с равным“; в номере 5 говорится, что „мы бы желали сидеть вместе за круглым столом, как равный с равным“... и много, много других слов там имеется, стоит только всмотреться.

Все эти слова ясно говорят, что мы, Вольные Казаки, добиваемся права решать свою судьбу по собственной воле, права голоса „за столом среди равных“. Настоящие наши задачи, задачи Вольных Казаков, — это восстановить и укрепить в памяти наших собратьев былую вольность казачью, осветить их правовое положение, дабы потом они смело и без страха могли выражать собственное желание. И вот, проникнувшись таким сознанием, казак во всей своей массе, а это у нас возможно, ибо это, решение вопросов общими сходками, практиковалось у нас издавна, тогда выскажет свою волю по данному вопросу. В действительности, верно, мы должны быть сначала независимыми, чтобы потом по доброй воле решить свою судьбу.

Строго говоря, будущее желание казаков почти уже очертилось, а если и есть где либо туманности, то нужно надеяться, что они прояснятся.

Повторяю, чтобы достичь такого положения, когда можно будет сидеть за одним столом, необходимо стать самостоятельными, чтобы потом напомнить о своем существовании, а не ждать, когда о нас вспомнят и соблаговолят, если найдут нужным, пригласить за этот стол, как это твердят федералисты. Поверь, недождемся, да и не от кого ждать, никто нам не даст этого права, если мы сами его не добьемся.

София 1929. г.

Сообщил **И. Евсиков.**

Знамена Забайкальского Казачества.

В № 1569 газеты „Возрождение“ помещена следующая заметка:

„В свое время полковником Казаковым было вывезено из Приморья в Шанхай 34 знамени Забайкальского качачьего Войска. Эти редкостные казачьи реликвии и по настоящий день хранятся на ответственности полковника Казакова. Недавно для охраны знамен полковник Казаков отобрал 50 человек из забайкальских казаков, которые должны нести их охрану для того, чтобы, когда наступит время, передать их будущему национальному российскому правительству“.

Казачество всегда будет благодарно полковнику Казакову за спасение и хранение казачьих реликвий в нынешнее тяжелое лихолетье. Полагаем, однако, что не ожидаемому „Возрождением“ будущему национальному российскому правительству нужно будет передать эти реликвии. Передать их нужно будет тому, кто кровь свою вокруг них проливал, — самому Казачеству Забайкальскому, возобновленному и возрожденному; передать Казачеству Вольному, в независимом Государственном Доме, от Байкала до Тихого океана; правительству, созданному дружными усилиями братских Войск Забайкальского, Амурского и Уссурийского, а также потомков славного Запорожья — теперешних многотысячных поселенцев-украинцев в Приморьи.

Т. —

Нарушенный сон.

Переселение казачества в Ю. Америку и вместе с тем спасение крепкого, здорового, энергичного, храброго и честного, от природы одаренного народа, непобедимых чудобогатырей, витязей, неустрашимых конников, первых в мире наездников и джигитов, сохранивших в своих жилах кровь славных дедов — то акт величайшего значения...

Нельзя сомневаться, что и все честные, истинные сыны нашей многострадальной родины безгранично сожалели бы за вымиранием горсти храбрецов...

Если же находятся люди, способные бросить казакам слово упрека за их последние попытки сохранить свое славное племя, то этому удивляться не приходится, — разве казаки не помнят брезгливых взглядов, коими встречали их в Петербурге, разве им не знакомы Петроградские сказки о питании казаков человеческим мясом, разве не приходилось им слышать по своему адресу на Невском: „сын казачий ... .ий“ и пр. и пр.

От этих людей ожидать доброго напутственного слова не приходится. Если бы в Перу переселялись не казаки, — а евреи, о верьте, русские люди вознесли бы их до Бога; — от'езд же казаков в столь далекий путь внушает им страх и тревожит сладкий сон в заграничных роскошных виллах.

Если кто хотел интересоваться и заботиться судьбой зарубежного казачества, не ожидая их вымирания, тем поле деятельности было обширно и свободно; начать же волноваться за судьбу казаков по прошествии ими десятилетних мытарств не только не дает им права на заботы и вмешательство в их действия, ибо не внушает доверия их забота... Казачество же имеет сво-

их руководителей, взявших судьбу станичников в свои руки, и оно им доверяет.

Дай Бог вам, дорогие станичники, сил и мудрости в осуществлении Вашего плана.

П. Апостолов

Скопле, 9-IX-1929 г.

Казаки о „В. К."

I.

... Сколько журналов и газет вышло за время скитания нашего заграницей, но ни одно издание не обращало на себя такое большое внимание, как журнал „В. К."

Как толко появился он на свет Божий, — поднялась в эмиграции целая буря. Справа и слева поднялся крик и суматоха. В ударном порядке, спешно созываются собрания. Присягают... и выносят громовые постановления: Уничтожить Вольное Казачество.

А почему? — Да потому, что без нас не может существовать единая и неделимая...

Но знайте вы, московские палачи, и вы, московские батраки, что хотя вы и уничтожите этот „журнальчик", но не уничтожите дух казака. Хотя и не будет „В. К.", но он свое дело уже сделал. Дух его — дух вольности будет жить бессмертно среди Казачества.

Да здравствует Вольное Казачество!

Куб. казак **Е. Т-ин.**

2-IX-1929, Č. S. R.

II.

... Большое спасибо за высылку журнала, который я читаю с великим удовольствием. Такое близкое и родное, что невольно переносишься в родимый Край необозримых степей и забываешь о настоящей жизни, полной лишений, забот и труда.

Да поможет Вам Бог в труде Вашем.

С казачьим приветом, **Н. Б-ин.**

8-IX-29.

Международная жизнь.

Соединенные Штаты Европы.

Морально Европа слишком основательно отдохнула со времени Великой войны, чтобы пламенно реагировать на раздающиеся на всевозможных интернациональных конгрессах призывы к немедленному разоружению, единению всех народов, братству и т. д. Ухо как-то уже привыкло к этим громким словам о великих, но слишком уже трудно исполнимых при современных условиях идеях. Тем более насторожился европейский читатель, когда раздались слова Бриана о „Соединенных Штатах Европы": ведь Бриан никогда не отличался ни сентиментализмом, ни излишним идеализмом, ни непрактичностью.

Что же случилось, что и сей более чем трезвый политик современной Франции заговорил о единении Европы? Пока ничего, но политики типа Бриана умеют думать и о завтрашнем дне. А между тем перспективы этого завтра и для Франции и для всей Европы не блестящи. СШтаты Америки, уже со времени окончания войны захватившие в свои руки возжи мировой хозяйственной жизни, грозят окончательно экономически подчинить себе Европу. Политикой высоких ввозных пошлин СШтаты издавна охлаждали апетиты европейских экспортеров, защищая свою промышленность от конкуренции. Рационализацией производства и снижением стоимости товаров Европа в общем приноровилась к этим американским барьерам. Развившийся товарообмен между двумя континентами протекал в условиях известного равновесия. Америка была для Европы таким же необходимым рынком сбыта, как и Европа для Америки. Сильно опустевшая после войны казна государств Европы делала этот обмен особенно необходимым. Платить военные долги Америке только золотом, — это бы значило окончательно перекачать все золото в Америку. Нужно было платить и товарами. Ими и платила Европа, стремясь сделать более и более активным свой торговый балланс с СШтатами. Америка видит в этом тормоз для своей экономической экспансии, ей нужно твердо держать Европу в своих руках. И вот начинается пересмотр пошлинных тарифов с их массовым повышением. Повышение это по отдельным видам товаров доходит до 50—75%. Барьеры против европейського импорта превращаются в непреодолимую стену. Никакое снижение себестоимости европейского производства не сможет приспособиться к таким пошлинам и сохранить продажеспособность вывозимых товаров на американском рынке. 48 государств подают свой протест СШтатам. Несмотря на это, реформа с небольшими изменениями проходит через одну законодательную палату и рассматривается сейчас во второй. Будут ли новые пошлины приняты и ею, а ожидать, что они не будут приняты, оснований нет, — экономическое завтра Европы заставляет задуматься. Вывоз в Америку падет до минимума, а в то же время чем то надо будет платить за ввоз необходимого для Европы американского сырья и товаров, сверх очередных платежей по погашению военных долгов.

Рекомендуемый американцами выход из положения довольно прост. Они не стремятся к фактической перевозке европейского золота в Америку, они готовы оставить его в Европе, переводя лишь на свои счета и инвестируя его в европейскую промышленность. Но согласиться на это, — значит обречь себя на медленную постепенную распродажу СШтатам. Остается только два других выхода: или стать единым фронтом против Америки и бороться с ней ее же средствами, или путем отмены внутренно-европейских пошлин, заключением взаимных договоров и как бы внутренним „хозяйственным разоружением" переорганизовать европейскую хозяйственную жизнь, создать на новом основании новую европейскую промышленность, как единое сильное хозяйственное целое, могущее конкурировать с таким же целым Сев. Америки. Из характера обоих возможностей видно, что их осуществлеение не под силу отдельным государствам, но лишь Европе в целом, Европе единой. Вот почему и заговорил Бриан о „СШтатах Европы".

Бриану лучше чем кому либо известны все виды и вариации антагонизма, грызущего тело Европы. Вот почему он все время подчеркивает, что идея единения должна проводиться по линиям чисто хозяйственным, не затрагивая интересов политических и других.

Насколько все это осуществимо, покажет будущее. Когда горят тропические леса, и лань, и лев, и тигр, и антилопа бегут от огня рядом и мирно. В немедленное претворение в жизнь идеи братства европейских народов мы не верим, но перед лицом общей опасности можно договориться о многом. Идея единения Европы стара, но нельзя отрицать ни новизны обстановки, создаваемой заокеанской угрозой, ни политического веса и опыта человека, берущегося за проведение идеи в жизнь. Возможно, что Европа стоит накануне крупных экономических сдвигов.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К." присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков заграницей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция". Фотографии должны быть четкие и ясные.

Казачья эмиграция.

Юбилейный концерт хора донских казаков имени атамана Платова.

... Ни труды нам, ни болезни
К славе путь не прекратят,
Ой-да барабаны, они наши песни
Всюду с нами прогремят!...

Смолкли барабаны!...

Но не смолкла казачья песня!...

Казаки, разлетевшись по всем странам мира, всюду занесли свою родную казачью песню. Где есть казак, там живет казачья песня. Своеобразная казачья жизнь, быт, нравы, обычаи, освященные вековыми традициями, создали свою обособленную песню.

Беспримерная любовь к своему краю, к Дону Тихому, к просторам степным к гулливым, шумным, цветущим станицам, ко всему своему казачьему, родному вылилась в бесконечной казачьей песне. Чуткая душа казака, его богатая, недюжинная натура дала песне особую задушевность и разнообразие, создала свой особый мотив, свой ритм, свою особую гармонию, родила подголосок — самоцветную жемчужину казачьей песни.

В слова своих песен Казачество вложило всю силу народного творчества и мощь своего духа.

Казаки создали песню, срослись с ней, любят ее и гордятся ею. В самом деле, ни одна казачья вечеринка, ни одно собрание не заканчивается без песни. Ярко это выразилось и у пражского казачьего студенчества. Программу своего традиционного бала всегда заканчивало картинкой из казачьей жизни, с пением и казачком и всегда это было гвоздем вечера.

Не буду касаться истории возникновения казачьего хора в Праге, скажу лишь одно: чтобы дать характер подлинной казачьей песни, нужно ее воспринять с молоком-матери, нужно родиться с ней!... По сему понятен неуспех всех дирижеров каз. хора в Праге. Возникновение хора имени Платова связано с появлением Н. Ф. Кострюкова.

Н. Ф. Кострюков сумел подойти к казачьей песне, нашел те нитки, которыми должен быть связан дирижер с песней, а хор с дирижером!... И чудо совершилось!...

Те же хористы, которых насиловали не один год и не один регент, почувствовали, что их хор зазвучал, что те же казачьи песни по новому, по настоящему — зазвучали и полились, приковывая внимание слушателя.

Да, родился настоящий казачий хор!... Вот уже красуется на больших цветных плакатах в мировых курортах Чехии имя хора донских казаков имени Платова. Не было тогда еще техники, хромала художественность, но была экспресия в исполнении, прочувствованность и любовь в исполняемых казачьих песнях. Этим, только этим, казачьей особенностью, сквозившей во всем, победили платовцы.

Начало хора Платова было расцветом и победой казачьей песни!...

Отрадно было слышать об успехах Платовцев, ибо это же успех наш казачий.

Прочитаешь заметку в газете и мысли летят за хором... Париж, Вена, Варшава, Будапешт, Бухарест, Белград, София, Брюссель, Милан, Рим, Афины и т. д., и т. д...

И невольно задаешь вопрос: когда же в Праге?... Скорей бы послушать свою родную песню, хоть на миг забыться. Крикнуть гордо всем — „Вот она, наша песня — вот они, казаки Платовцы — смотрите, вот мы какие!...

2-е сентября... Целый день чувствуется праздничное настроение... 1.000-й концерт, юбилей Платовцев!... Сегодня юбилей казачьей песни! Тысячный раз она прозвенит, зачаровывая слушателей.

Успеха Вам, родные Платовцы!... Сделайте этот день днем казачьего торжества казачьей Праги! Ведь мы делили с Вами все невзгоды, все радости и ждали Вас!

У кассы толпа... Беспокойно-торопливые обрывки фраз: „Что, уже нет билетов? Не попадешь?...

Но мы то, казаки, попадем!... Почетные билеты!...

Уверенность скоро сменилась сомнением, а там и разочарование близилось!... Отсутствовал даже намек на порядок!... Представители казачьих организаций, пришедшие приветствовать своих казаков, не могут попасть в зал.

Что же это? Неужели уже Платовцы успели забыть всех, с кем они были органически связаны, благодаря чьей помощи они вышли на путь своей славы?

Так скоро?!...

Начался концерт. Не могу обойти молчанием первого номера программы — Донской Гимн... Больно вспоминать даже сейчас, когда пишу эти строки, а там... в зале...

Осквернялось святое для Казачества — его Гимн!... Кем же?... хором имени славного атамана...

Что заставило Платовцев исполнять Донской гимн как песенку?!...

Почему не пели старую песню, а взяли слова святые для Казачества, слова Гимна?

Гимн — молитва Казачества и слова в нем не переставляются, не выбрасываются и не заменяются!...

Войсковой хор и весь Дон пел: „на призыв свободы Он!...“ А вам, Платовцам, зазорно произнести слово „свободы?...“ С каких пор?! Уж не современи ли появления хорошей рецензии в „Новом Времени!...“

Бережней с казачьей святыней!... Не забывайте, что Вы носите славное имя славного Атамана и форму Войска Донского!

Вообще же о хоре и о концерте мне, как казаку, больно и тяжело писать.

Казачьи песни в программу были вкраплены, как привесочки-погремушечки...

Все, что было раньше у Платовцев красивого, своеобразного, все выброшено... Не воодушевляют уже казачьи песни регента, нет в них пафоса для хора! Воодушевился хор песенками — „Черные гусары!...“ Случайно ли это?!... Боюсь, что нет! Русскую Прагу знает Кострюков хорошо!... Болела душа — рвалось сердце на части, тяжело было смотреть на форму казачью!...

Нет уж казачьих песен, достойных внимания и репертуара хора донских казаков... Тяжелое впечатление оставил концерт. Казачья радость, казачья гордость была преждевременна — казаки несут русскую песню, — русский дух!

Немым укором лежал венок с казачьим флагом — диссонанс вносил он в юбилей! Напрасно верит Кострюков, что на Тихом Дону запоет русские песни!

Не раз певались на Тихом Дону русские песни, но всегда они пелись под акомпанимент пушечной и ружейной стрельбы, да под плач матерей, жен и детей казачьих. И теперь на Дону поются русские песни, да несладко тем, кто их слушает!

Надо беречь, хранить свои родные песни, ибо в них только теплится казачий дух, в них скрыта истая казачья душа.

М. Самсонов.

Из жизни калмыцкой эмиграции в Ч. С. Р.

(Краткий очерк о деятельности Калмыцкой Комиссии в Чехословакии).

Между эмигрантскими организациями, нашедшими братский приют, моральную и материальную помощь со стороны Республики Чехословацкого народа, шестой уже год работает Калмыцкая Комиссия Культурных Работников в Ч. С. Р.

Это Комиссия в своей национальной работе руководствуется теми целями, которыми ее руководители следовали на Родине. Эти цели были порождены жизнью и историею Калмыцкого народа и аналогичны национальным задачам других родственных монгольских племен Европы и Азии, находясь в созвучии с тем пробу-

Калмыцкая комиссия культурных работников в Ч. С. Р.

ждением и стремлением к национальному возрождению, которые замечаются у всех почти отсталых народов частью Восточной Европы и по всей Азии. Но, положение указанных выше братских калмыкам народов является неизмеримо благоприятным в сравнении с той частью Калмыцкого народа, которая является составной частью Донского Казачества и откуда вышли почти все калмыки-эмигранты, а в том числе и Члены Калмыцкой Комиссии.

После продолжительной блестящей общей исторической жизни, после ухода большей части Калмыцкого народа обратно в Азию в 1771 г., его постиг период упадка во всех областях жизни: хозяйственно-экономической, культурно-политической. Оставшиеся на Волге калмыки разбились на несколько частей, и ослабленные этим разделением, полностью попали под власть русских чиновников. Но с конца XIX и особенно с начала XX века жизнь этих разрозненных частей Калмыцкого народа начала развиваться, особенно усиленным темпом это развитие шло у донских калмыков. Это развитие порождало надежду у калмыков на хорошее будущее, по крайней мере в хозяйственно-экономическом, отчасти и в культурном отношении.

Но пришли русские большевики и роковым образом прервали это развитие. В борьбе с ними погибла почти половина донских калмыков. Как ураганом была рассеяна калмыцкая учащаяся молодежь, много юношества свела в могилу война. Торжество нынешних господ СССР сопровождлось разрушением всех национально-культурных очагов Калмыцкого народа на Дону, всех его религиозно-духовных центров и вынудило наиболее боевую и сознательную часть народа и всех его маломальски видных общественных и культурных деятелей уйти в изгнание на чужбину. На место цветущих калмыцких станиц остались развалины, пепелища.

В пределах Донского Войска было 13 калмыцких станиц с населением в 35.000 обоего пола. В каждой станице было по несколько народных школ, в буддийских монастырях монастырях каждой станицы были сосредоточены большие сокровищницы калмыцко-тибетских книг, предметов калмыцко-тибетского искусства, масса реликвий национальной старины. Каждый монастырь являлся предтечей и образчиком культурно-оседлой жизни. Перейдя от кочевой, чисто пастушеско-скотоводческой жизни и хозяйства в оседлую земледельческо-скотоводческую, Калмыки быстро шли вперед.

Но был большой недостаток интеллигенции; не было литературы светского характера, издательства, не было приступлено к исследовательско-собирательной работе произведений народно-устного творчества. Явившейся к началу XX века потребности национально-культурного возрождения народа не соответствовали требуемые и необходимые духовные предпосылки и личные интеллигентные силы.

К 1917 г. лиц, окончивших среднюю школу не было и десяти, а окончивших высшую школу был только один. Первая и единственная во всем калмыцком народе калмыцкая женщина, кончившая высшую школу, относится лишь к 1919 г. При этих условиях, конечно, не могло быть и своей национальной прессы.

С 1912 г. среди донских калмыков начинается усиленная работа по размещению молодежи в учебные заведения. Для более активного содействия их образованию создаются на калмыцкий общественный счет пансионы для мальчиков и девочек. К 1918 г. в средней школе было около 70-ти мальчиков и девочек. Появилось двое студентов и трое студенток, одна из которых и окончила естественно-исторический факультет Донского университета в 1918—19 году.

Но нашествие большевиков размело все, с таким трудом, заботами и большими затратами, созданное. Единственную студентку-медичку калмычку в 1918 г. большевики расстреляли, другая не кончила своего высшего образования. Двое студентов умерли, не пережив лишений гражданской войны. От учащихся в средней школе никого и ничего не осталось.

В какую бы отрасль жизни и деятельности Калмыцкого народа на Дону мы не посмотрели всюду остались лищь пепелища, разрушения, зияющие раны. Не разрушенное в период гражданской войны нашло гибель, смерть в период ужасного голода в 1921—22 годах. Оставшиеся на Родине наши братья лишь медленно и с величайшим трудом залечивают свои раны. Ушедшие в изгнание братья вынуждены больше думать о куске хлеба, и каком-нибудь крове.

Но верные идее национально-культурного возрождения своего народа, ушедшие в изгнание представители малочисленной калмыцкой интеллигенции и б. представители своего народа и в условиях изгнания пытаются выполнять общественные и национально-культурные обязанности перед своим народом.

Пребывание с 1921 г. в Чехословакии калмыцкого и казачьего деятеля Б. Н. Уланова послужило основанием здесь заложить начало для калмыцкого национально-культурного дела. Необыкновенно отзывчивое отношение Правительства Республики и чехословацкой общественности к ряду ходатайств Уланова сделало

возможным создание в Чехословакии калмыцкого национально-культурного центра.

Калмыцкие деятели в высоко развитой и культурной, проникнутой гуманным и сильным национальным духом обстановке Чехословакии обрели благоприятные условия для своей работы.

Организованная по инициативе Уланова весною 1923 г. Калмыцкая Комиссия положила на Чехословацкой почве основы национально-культурного возрождения калмыцкого народа. Эта Комиссия постановила себе следующие цели:

1. Создавать духовные основы культурного возрождения Калмыцкого народа.
2. Подготовлять кадр калмыцких культурных работников.
3. Собирать памятники:
   а) калмыцкого устного народного творчества: народный эпос, сказки, песни, поговорки, пословицы;
   б) калмыцкого национального искусства, музыки;
   в) собирать литературу о калмыках, монголах и других близких им по этнографическим, религиозным и т. п. признакам народах;
   г) организовать калмыцкое издательское дело.
4. Устраивать детей, юношей и лиц старшего возраста по степени их подготовки в различные учебные заведения Чехословацкой Республики и иных государств.
5. Всем учащимся калмыкам оказывать всемерную защиту их правам, интересам, моральную и иную поддержку.

Задачи, поставленные Калмыцкой Комиссией велики. Их полностью осуществить в эмиграции нельзя. Но ставить именно эти задачи является исторической необходимостью для культурного развития и всего будущего Калмыцкого народа.

Значение, характер и самое содержание деятельности Калмыцкой Комиссии от других эмигрантских организаций глубоко рознятся тем, что она обязана все сызнова создавать, впервые. И то, что ей удастся создать, явится почти единственным национально культурным капиталом на долгое время, пока восстановятся силы нашего народа. В этом первая важная особенность Калмыцкой Комиссии.

Другая существенная особенность Калмыцкой Комиссии: она — единственный калмыцкий национально-культурный центр не только в эмиграции, но отчасти и на родине.

Ш. Хо-Б.

(Окончание следует).

По пути в Перу.

Группа казаков, выехавшая из гор. Софии 20 августа с. г. под командой бывшего представителя журнала „Вольное Казачество“ в Болгарии П. В. Нос, отправляющаяся в Перу для образования Перуано-Кубанской казачьей станицы, прибыла 25 августа с. г. в гор. Марсель (Франция).

Прибывших в тот же вечер посетили казаки, живущие в лагере, вместе со станичным атаманом Марсельской казачьей станицы полковником Роговец.

Казаки, беседовали на самые разнообразные темы. Главной темой разговора было, конечно, о казачьих организациях вообще и о Вольном Казачестве в частности.

Отношения между казаками и русскими, живущими в лагере, натянуты.

В Марселе казачья станица, после короткого, но очень ряжелого перерыва для нее, начинает постепенно развиватся.

На недавно состоявшихся перевыборах, избран атаманом станицы полковник Роговец, а председателем культурно-просветительной комиссии под'есаул Шепель, которые прилагаюо максимум энергии и все способы для об'единения всех казаков в Марсельскую казачью станицу.

Дай Бог, чтобы и в Марселе все казаки, дорожащие своим прошлым и желающие в будущем видеть свое казачество вольным и не от кого независимым, об'единились и все вместе заработали на благо дорогого казачества.

(Соб. кор.)

28-VIII-1929 г. Марсель.

Из жизни казаков в Марселе.

В первых числах сентября казаков в гор. Марселе посетил Донской Атаман, генерал Богаевский.

Поезд, с которым приехал Атаман, прибыл на станцию Марсель в 6 часов вечера.

Войскового Атамана на станции встретили: бывший русский консул в Марселе, атаман Марсельской общеказачьей станицы полковник Роговец, станичная администрация, дамы казачки и много казаков.

Со станции станичный атаман пригласил Войскового Атамана, в ресторан „Русь“, зал которого был украшен зеленью и был вывешен портрет бывшего Донского Войскового Атамана Каледина.

Генерал Богаевский сделал небольшой доклад.

Темой его доклада была жизнь казаков в родных краях и за границей.

В своем докладе, он так же уделил, как и раньше, место „Вольному Казачеству“, хотя на этот раз Донской Атаман был более мягок к самостийникам, в виду того, что идея Вольного Казачества стала и здесь захватывать казачьи массы.

После доклада был устроен небольшой банкет.

На банкете присутствовало много казачек и казаков, многие же не смогли там быть, так как последний устраивался на деньги по подписке.

На банкете много говорилось тостов.

Любителями казаками были спеты Донской и Кубанский войсковые гимны, при пении которых все встали.

В Марселе казаки, к сожалению, плохо-организованы. Нет той казачьей спайки, которая существует среди казаков, проживающих в Болгарии и Сербии. Есть надежды, что в будущем казаки об'еденятся вокруг Марсельской общеказачьей станицы, во главе которой стоит полковник Роговец.

(Соб. кор.)

10-IX-1929 г. Марсель.

Из жизни казаков в Югославии.

Казаки в селе Орловате (Банат) заняты исключительно земледелием, т. е. чернорабочей работой, или же мастерством. Во время сезонного времени они заняты полевыми работами, нанявшись по хозяевам, тяжело, но прилежно исполняют принятые на себя обязанности.

В этом селе казаков находится небольшая группа, между нами есть донцы и кубанцы; между собою они живут дружно; по окончании полевых работ, работают на паровых молотилках, дабы скопить себе монету для зимнего обихода.

Как не трудно работать чужую работу, все же несут наложенное на них бремя...

В воскресный или праздничный день собираются в одно — целое „казачество“ и здесь делят между собою казачью думу...

Читают за неделю полученные письма, газеты и журналы, так например „Вольное Казачество“ берется на расхват и ему всегда есть очередной. Весь обвеянный лаской и истрепавшийся по карманам журнал находит себе нового друга, который исрепанные листки начинает читать, особенно об интересующей его жизни казака, например, в последнее время интересует переселение казаков в Перу. И так журнал „В. К.“ находит себе новых и новых единомышленников...

Г. Алферов.

В Обреновце.

В Обреновце с 1923 г., несмотря на то, что казаков было около шестидесяти человек, до последнего времени никакой организации не было. Некоторые из казаков, как например вахмистр Б., брались за цело казачьей организации, но ничего из этих попыток не получилось; казаков об'единить им не удалось и так бы Обреновацкая группа, довольно большая по числу своих членов, и осталась неорганизованной, если бы в 1928 г. казак станицы Пашковской, сотник П. С. Сова, не взялся еще раз за это дело.

Благодаря своей энергии, ему удалось создать Обреновацкий Казачий Хутор, который и был утвержден Кубанским Атаманом 16 декабря 1928 г. Сотник П. С. Сова был избран единогласно хуторским атаманом. Одновременно с ним на должность хуторского писаря прошел казак Вознесенской станицы ст. ур. Периков.

Атаман не только об'единил всех казаков, но и снабжал их казачьей литературой и информацией, в хутор стали приходить журналы, газеты и т. д. Образовалась единая, крепкая своей спайкой казачья семья.

Так прошло полгода, но вот нашлось несколько человек, состоящих между собой в родстве, возглавляемые ст. урядником Периковым, стали вносить в казачью среду раскол и лить грязь на своего же, ими же избранного атамана П. С. Сову. Не только на словах, но прибегая и к другим способам, г. Периков обвинял „офицерье“, пытался разделить казаков на простых и не простых, совершенно забывая, что такого деления в Казачестве нет и никогда не было и что т. н. „трудовое Казачество“, — лозунг большевиков. Казаки на это не пошли.

В конце концов дошло до того, что Периков вздумал не подчинится хуторскому атаману и не передает ему канцелярии.

Для чего же, спрашивается, нужно было создавать Хутор, чтобы, не дождавшись истечения срока полномочий атамана, приниматся за травлю его?

Сотника П. С. Сову казаки знают с хорошей стороны, как защитника казачьих интересов, атамана, верного казачьим идеям и высоко держащего казачье имя.

Напрасно г. Периков и его приверженцы стараются очернить его — это им не удастся, т. к. там, где играет роль честолюбие, удачи не будет.

Клевета не может победить казака-атамана П. С. Сову, т. к. он не руководится в своих поступках ни честолюбием, ни корыстолюбием, а если и старается, то за страх и за совесть.

За об'единение казаков в Обреновце ему можно только пожелать и в дальнейшем сил и здоровья, а Хутору процветания и еще большей спайки. По истечении срока казаки-хуторяне сами оценят все то, что сделано за это время их атаманом и, пожалуй, г. Периков. будет чувствовать себя не особенно ловко за все то, что он сделал.

Хуторянин.

В Казачьих Землях.

Кубанский саломас.

„Почвы вблизи Краснодара (б. столица Кубани, г. Екатеринодар) по своей мощности и плодородию занимают одно из первих мест на земной поверхности“. Так пишет советский краевед, проф. Захаров.

И в самом деле, до большевицкого владычества, Кубанские земли приносили обильные урожаи всевозможных сельско-хозяйственных продуктов. Нужно заметить, что для снятия обильных урожаев почти нигде не применялись еще дорого стоющие различные удобрения почвы. Как известно, на Кубани, помимо посевов высокосортной пшеницы „кубанки“, весьма ценимой на заграничном рынке (из „кубанки“ приготовлялись в Италии макароны), процветала культура особого рода масленичного подсолнуха, т. н. „пузанка“. Этот подсолнух с некрупными семенами, разводился исключительно для добывания из его семян подсолнечного масла. Это масло, превосходное по качеству, находило для себя, как пищевой продукт, всегда достаточный рынок как у себя на месте, в станицах, так и в других местах. До войны на Кубани насчитывалось 150 маслобойных заводов и маслобоек. Маслобойки и заводы находились в г. Екатеринодаре (крупнейший завод в б. России — бр. Аведовых), в Армавире, хут. Романовском, ст. Кореновской (г. Баранова) и во многих других крупных станицах.

Под влиянием все возрастающего спроса на подсолнечное масло, начиная с 1906 г., на многих маслобойных заводах Кубани (в Кавказском и Екатеринодарском отделах) для их полной нагрузки не стало хватать сырья, т. е. „пузанка“. Вследствие недостатка семячек, на рынке цена на них поднялась и вскоре превышала первоначальную почти в два раза. Начались крупные спекуляции с „пузанком“. В короткое время, благодаря „пузанку“ обогатился ряд лиц. Во многих отделах начали засевать подсолнухом сотни десятин, даже те лица, которые раньше никогда сами не занимались сельским хозяйством.

Я позволю себе привести несколько цифр посева подсолнечников в 1910 г., правда по советским сведениям.

Всего засеяно было 205 т. десятин; посевы распределялись так:

Ейский	отдел	15	тысяч	десятин
Екатеринодарский	„	16	“	„
Таманский	„	26	„	„
Кавказский	„	75	„	„
Остальные отделы		73	„	„

Эти цифры мною, я повторяю, взяты из советских источников и к ним поэтому нужно относиться с „сугубой“ осторожностью. Количество посева значительно уменьшено. Это сделано с целью, чтобы показать „знатным иностранцам“, настоящее благополучие сельского хозяйства при коммунистическом режиме и их достижения. Как пишет „Красное знамя“ (№ 113 с. г.), посевы подсолнуха достигли в 1929 г. довоенного урожая.

По советскому пятилетнему плану сельского хозяйства „постановлено“ (правда, пока на бумаге) даже превзойти довоенный уровень.

Чтобы не быть голословным я приведу цифры из отчета по перевозке грузов за 1910 г. Владикавказской ж. д. и Ейской ж. д.

В 1910 г. Ейская ж. д. перевезла 1.000 вагонов семечек, Влад. ж. д. перевезла 2.000 вагонов. Если считать вагоны не вполне загруженными, т. е. не 1.000 пудов, а 900, то все же количество перевезенных семячек далеко превзойдет советскую цифру 205, даже если не считать количество „пузанка“ перевезенного гужем.

Казалось бы в другой местности, такое обилие семечек (даже если считать с одной десятины 100 пудов „пузанка“) свыше 3 м. пудов должно привести к перепроизводству „сырья“, падению цен, кризису и разорению целого ряда лиц, „зарвавшихся“ с посевами. Однако, Кубань — страна „исключительных возможностей“ и на ней этого не случилось. Культура подсолнечника, помимо дохода от продажи семян, значительно улучшает почву; правда, почва истощается, но за то после подсолнухов, благодаря тому, что их нужно полоть, урожаи зерна бывают лучшие, а главное, поле освобождается от сорных трав, этого бича Кубани. Стебли подсолнуха идут на топливо; получается после их сгорания особая зола, высоко расцениваемая мыльными и другими заводами. На Кубани, во многих станицах была открыта приемка золы, в почти неограниченных размерах, для русских заводов. Продажа золы, в свою очередь, приносила станичникам хорошие подсобные

заработки. Семячки после отжатия из них масла, т. е. макуха шла на корм скоту или ее сжигали вместе с шелухой опять таки для весьма ценной золы.

В некоторых крупных хозяйствах стали сеять подсолнух для американского силососа. Силосос — это небольшая башенка, куда закладывается молодой еще до цветения подсолнух, вместе с листьями и стеблями, где он в течении зимы сохраняется, в консервированом почти мало измененном, „зеленом" виде. Его весьма охотно поедают животные.

Главный же фактор, который помог разрешить наступающий было кризис с кубанским „пузанком", это „саломас". В 1905—1906 г. в г. Екатеринодаре на большом маслобойном заводе бр. Аведовых стали приготовлять химическим путем из подсолнечного масла особого рода жиры, под названием „саломас". Сперва дело не шло, но затем пригласили специалиста инженера-химика, завод был переоборудован и производство стало налаживаться. На рынке „саломас" был принят весьма благосклонно. Этот полуфабрикат охотно раскупали. Из него приготовляли смазочные вещества, мыла, различные мази. Лучшие сорта „саломаса" годились в пищу. По своим качествам они превосходили маргарин и различные искуственные „американские смальцы". Во время Великой войны, в виду общего недостатка жиров и смазочных веществ, продукция завода достигала 3 вагонов ежедневно.

В 1919 г. через г. Новороссийск был экспортирован „саломас" и заграницу. Благодаря своим высоким качествам и в то время недостатку в Европе жиров, „саломас" был встречен весьма сочувственно. Поступили заказы даже из далекой Америки.

Оккупация Кубани красной Москвой прервала деятельность этого завода.

В 1929 г. по сведениям советской прессы, завод влачит жалкое существование. В настоящее время б. завод „Саломас" носит название Гидро-Генизационный завод Северо-Кавказского жирмасло. Завод требует капитального ремонта, на что, конечно, средств у большевиков не имеется. Кроме того, для его полной нагрузки не хватает семячек.

Основного капитала завод имеет 1,3 м. рублей; служащих 51 и рабочих 238. Он оборудован: 3 газогенераторными двигателями, мощностью в 457 л. сил.

Интересно, что газ в количестве необходимом для заводских двигателей, вырабатывается тут же на заводе из шелухи семечек. 35 механических станков и 7 автоклавов составляют оборудование С. К. жирмасло. Гидро-Генизационный завод, по советским сведениям, может выработать 1 мил. пудов ежегодно, на общую сумму 5 м. рублей. Какое количество вырабатывается „саломаса" в действительности и на какую сумму, об этом большевики не пишут.

О. Батурин.

Советская критика о „Тихом Доне" Шолохова.

Большевики стараются всячески „освоить" „Тихий Дон" Шолохова.

В одном из предыдущих номеров нашего журнала приводилось мнение ростовского корреспондента „Народного Просвещения", советовавшего приспособлять, сокращать, изменять текст произведения Шолохова для массового чтения и для кино.'

Большевицкая критика стремиться „расказачить" этот роман и для этого зачисляет его в разряд одного из трех „крупнейших пролетарских произведений 1928 года" (статья Машбиц-Верова „русская литература в 1928 г." в ежемесячнике„русский язык в советской школе", 1929, №. 1). Тот же Машбиц отмечает, что у Шолохова „рядом с замечательной полнокровной зарисовкой густого, веками складывавшегося старо-казачьего быта, рядом с своеобразной характерной речью казаков — чрезвычайно наивны сухие, скомпонованные из теоретических цитат речи „революционеров". Машбиц находит, что ошибаются те критики, которые находят „что это просто яркое бытописание жизни донского казачества"; по Машбицу тут донское казачество совершенно не при чем: „Тихий Дон" это крестьянское, (точнее — даже пролетарское крестьянского крыла) произведение. Излишним было бы оспаривать эти утверждения, слишком явно зарапортовавшегося казенного критика, выполняюшего на 100% задание — во что бы то ни стало „разказачить" „Тихий Дон". Как курьез приведем его заключительную фразу во всем „непромокаемом" великолепии ее большевицкого критического жаргона: „в плане современных крупных произведений раскрывается жизнь русского крестьянства во всем многообразии его бытия; „Тихий Дон" одно из наиболее глубоких, продуманных и серьезных произведений — здесь под личиной казачества показаны первые революционные сдвиги крестьянства, первые его бытовые и психологические изменения, знаменующие приближение Октября".

Не вдаваясь в полемику с Машбицем, а просто в интересах об'ективности заметим, что совершенно ошибочно ввел Машбиц Шолохова в рамки „русской литературы" — находятся ведь русские критики (Л. Войтоловский, А. Луначарский) лихо относящие украинца Шевченка в „единую неделимую" русскую литературу!

„Тихий Дон" — явление казачьей литературы, а то что он написан по русски, хоть, как отмечает сама большевицкая критика „со всеми донскими диалектическими особенностями" дела совершенно не меняет. Сам же Машбиц вполне правильно замечает, что в традициях русской литературы от „Казаков" Толстого до „Конармии" Бабеля было либо изображать казаков непосредственно — наивными (по Руссо) детьми природы, ну, так, скажем, как Шатобриан изображает североамериканских индейцев, либо показывать казачество с парадной, боевой, ухарской стороны. Герои Шолохова не имеют ничего общего с разудалыми „казачками" русской литературы.

В следующем номере „Русский язык в сов. школе" напечатана большая статья Ревякина „Творчество Шолохова", в которой есть краткие упоминания о предшествующей „Тихому Дону" литературной деятельности Шолохова, мало известной казачьей эмиграции. В расказе „Бакчевники" содержанием являются семейные распри в семье Анисима Петровича. Анисим Петрович назначен станичным комендантом, он „блюдет казачью честь", а его сын, Федор, „с большевиками якшается". Семейные раздоры уводят Федора к большевикам, а младшего сына Митьку, согласного с Федором — в чужие люди, в бахчевники. Спасаясь от белых, руководимых Анисимом Петровичем, Федор случайно попадает в Митькин шалаш, где настигший отец хочет его застрелить. Митька схватывает топор, убивает отца и братья бегут к красным.

В семье гордого своим довольством и хозяйственной мощью Якова Алексеевича появилась „червоточина" — младший сын Степка в комсомол вступил. Начавшиеся разногласия, возростая, превращают отца и сына в лютых врагов и Яков Алексеевич в приступе гнева убивает своего сына („Червоточина").

Николка Кошевой, член Комсомола, стоит во главе эскадрона, борющегося с повстанцами. Эскадрону сообщают, что один повстанческий отряд, пробившись из Сальского округа, занял Грушинский совхоз. Эскадрон гонится за повстанцами и в стычке с ними Николка Кошевой находит свою смерть, а повстанческий атаман в убитом командире эскадрона узнает своего давно утерянного сына („Родинка").

А. Лежнев в статье „О молодых писателях" „Печать и Революция" 1929 №. 2—3 утверждает, что „со стороны своих художественных достоинств — это одна из лучших вещей последнего года. Но то, что в ней есть наиболее ценного относится как раз к изображению кондового, отстоявшегося, густого революционного быта. Здесь автор на высоте. Характеры и нравы казачьей станицы показаны им с максимальной убедительностью и красочностью. Это далеко перерастает пределы бытовизма. Шолоховым дан здесь настоящий эпос, медленное течение которого прерывается драматическими конфликтами, столкновениями элементарных и сильных страстей".

Дальше Лежнев при помощи ряда довольно мелочных и чисто формальных придирок пытается установить ряд заимствований из „Анны Карениной" и „Вой-

ны и Мира" Толстого. Но находят, что „все эти недостатки, довольно крупные, не мешают быть „Тихому Дону" произведением интересным и по своему значительным. Но он стоит в стороне от стержневого потока теперешней литературы. Автор вложил в него как будто бы весь свой запас наблюденного и пережитого. Похоже на то, что он исходит из своих ранних, юношеских, самых основных и ярких, впечатлений. Несмотря на эпичность своей манеры, Шэлохов относится все же скорее к числу тех суб'ективных художников, которых можно назвать писателями одной темы (имя этой темы во всех его произведениях — повидимому — разгром Тихого Дона) — и для которых впечатления юности являются основным „золотым фондом".

Z.

На дону.

Неразбериха с общественным и кооперативным обмолотом.

В одном из хуторов Ново-Анненского района Хоперского округа под нажимом властей и коммунистической партии, на общественном собрании беспосевные, составлявшие большинство присутствовавших, постановили произвести общественный обмолот хлеба всего хутора.

Более сознательная часть хозяев хутора не могла согласиться с принудительным общественным обмолотом и отправила делегата в Урюпинск к окружному прокурору за раз'яснениями. Делегат вскоре возвратился с бумагой следующего содержания: „В принудительном порядке общественный обмолот организован быть не может". Раз'яснение прокурора было знаменем агитации среди казаков вообще против принудительного обмолота и как молния облетело все хутора.

Что же случилось в результате?

Запуганое казачество, которое свезло свой хлеб на общественное гумно для обмолота, в страхе перед советскими репресиями, взяло свой хлеб домой.

Аппаратчики бьют тревогу перед высшими административными органами, не зная что делать, кого слушать в неразберихе с общественным обмолотом.

Каменский Р. И. К. постановил в обязательном порядке привести повсеместно общественный обмолот хлеба. Некоторые стансоветы, проводя это постановление, забыли приготовить машины для обмолота. Казаки привезли хлеб на общественные гумна, а машин нет. Привезли, выругали большевиков-сельсоветчиков и повернули оглобли назад. Но как поправить ошибку? Потемкинский сельсовет решил всетаки произвести обмолот машинами на общественном гумне. Он выпустил буквально „исторический приказ: „хлеб в ручную не обмолачивать, а ждать машины!"

Верхне-Курмоярский сельсовет издал еще более мудрое распоряжение — соответствующее коммунистической доктрине: „хлеб после группового обмолота поделить между всеми поровну!"

В приведенных выше корреспондентских заметках все характерно для оккупационно-колониальной политики московского центра на Казачьих Землях, но наиболее характерной нам кажется тонкость и ловкость способов учете и выдирания хлеба с казачьего населения. При полном провале весенних хлебозаготовок, большевики, прибегая ко всем наиболее ядовитым и суровым мерам наказания, все-же поняли, что учесть и забрать весь хлеб в каждом отдельном хозяйстве невозможно. Потому решено было учесть хлеб при молотьбе на общественном гумне, знать таким образом количество зерновых запасов у каждого землевладельца и соответственно пред'являть требования, чтобы, контролируя продукцию хлеба, могли высосать с казака весь хлеб до последнего фунта Казачество поняло цель организации принудительных общественных обмолотов и стало всячески сопротивляться.

Постановления общественных собраний, делаемые под давлением административных органов и бешенной травли казачества местными партийными организациями подозрением в контреволюции, крутят в баранний рог более зажиточное казачество, перенесшее на себе гонения и преследования со стороны властей, но более бедное стойко борется и не поддается демагогическим решениям и гордо заявляют: „мало ли чего вы там не постановите, когда сами не работаете на земле".

На Кубани.

Конкуренция хлебозаготовительных органов между собой.

Как известно, хлебная торговля в СССР сконцентрирована в руках государственного аппарата. Вести закупки хлеба на всей территории СССР государственным аппаратом невыгодно — содержание чиновников обходится слишком дорого. Потому советское правительство, не желая признать свои „ошибки" и обсурдность планетарных фантазий о планированном социалистическом строительстве, — частично закупку хлеба передало кооперации. Теперь на лазурном небосклоне советского рая, наряду с государственным хлебозаготовителем (Союзхлеб), появилась потребительская и сельско-хозяйственная кооперация. Вместо гармонии и солидарности, между хлебозаготовителями на Кубани вспыхнула конкуренция, дезорганизующая хлебозаготовительный рынок, набирающая с каждым днем все более безобразные формы и ущемляющая сельское население, конечно, в первую очередь казака.

Стрижка и окрадательство казачества коммунистами практиковалось и практикуется теперь (все время их господарство на казачьих землях) всеми способами и с особенным старанием, но посмотрим что говорит северо-кавказский корреспондент.

„Не сдадите хлеба потребительской кооперации, не получите мануфактуры", заявляют земледельцам служащие потребительских обществ. И не только заявляют, но закрепляют это на бумаге. В станицах Ейского отдела кооператоры отбирают у казаков в таком духе специальные письменные обязательства. Сельско-хозяйственная кооперация не отстает, дабы не быть в долгу. Не отстает понятно и Союзхлеб. Отмечено, например, несколько случаев уничтожения некоторыми пунктами Союзхлеба путевок кооперации с тем, чтобы записать привезенный хлеб, как хлеб собственной заготовки и констатировать необходимость существования их как хлебозаготовителей. Колхозы (коллективные хозяйства) обязаны сдавать хлеб сельско-хозяйственной кооперации, но это не мешает Союзхлебу вести самостоятельные заготовки среди коммун и колхозов".

О ряде подобных „планированных" хлебозаготовках сообщает лабинский корреспондент. В ст. Вознесенской сельско-хозяйственное Т-во провело контрактацию с особенным успехом. Но как только подошла пора подвозить законтрактованный хлеб, на сцене появилась потребительская кооперация. Она не стала тратить время на угрозы, а сразу перешла к действиям: казакам, не сдающим хлеб потребительской кооперации, был совершенно прекращен отпуск товаров. Даже соль и спички нельзя купить в потребиловке. В результате казаки или нарушают обязательства по контрактации с сельско-хозяйственным Т-вом, или во второй раз контрактуют тот же хлеб в потребительском обществе.

Очень интересный случай произошел в Кореновском районе. Сельско-хозяйственному Т-ву всеми правдами и неправдами удалось затянуть к контракту очень многих казаков хут. Молеваного, где под давлением властей было сделано постановление сдать хлеб.

„16 авг. в 7 часов утра со знаменами и во главе с представителем с-х. т-ва в хутор в'ехал красный обоз. Как водится, его встретили представители местной власти. Был здесь и представитель потребиловки. Не желая, чтобы эта масса хлеба досталась его конкуренту — с-х. кооперации, он встал на пути обоза и потребовал: повертай оглобли и вези хлеб в потребиловку. Произошел скандал, в дело вмешался представитель райисполкома и, чтобы не обидеть никого, предложил часть хлеба сдать с-х кооперации, часть потребительской. Вся торжественность была сорвана к великому недоумению присутствовавших.

Уполномоченный Союзхлеба в Полтавском районе покупает хлеб на корню и если казаки отказываются

продавать, угрожает арестом, даже если хлеб был законтрактован с-х. кооперацией. Так поступают и органы местной власти.

Подобные факты своеволия и анархии своей безобразностью поражают даже некоторых коммунистов, ожидающих от декрета г. Микояна против конкуренции хлебозаготовителей, упорядочения хлебной торговли.

Темп хлебозаготовок на Кубани коммунисты считают неудовлетворительным. Всего заготовлено в счет июльско-августовского плана 39.000 тонн или 32%.

Основные причины слабости хода хлебозаготовок видят в том, что, недостаточно расслоена станица и направлена середняцко-бедняцкая ее часть на более богатую, в слабости работы комсодов, неорганизованности заготовок в глубинных пунктах и в противодействии казачьих масс.

Несмотря на гигантские старания большевиков в проведении хлебозаготовок на Кубани — их постигает ежегодно неуспех. План весенних хлебозаготов не был исполнен, не смотря на большевицкие гонения казачества. Пораженные на „внутреннем фронте", коммунисты успокаивали себя, что после уборки нового урожая будет иная картина хлебозаготовок: ожидали, что хлеб самотеком польется в их хлебозаготовительные пункты. Большевики ожидали, что станица, прижатая тисками финорганов, уплатой податей с одной стороны и нуждой в промышленных произведениях (мануфактуры, обуви и т. д.) — с другой — в конце-концов повезет хлеб в расставленные сети Союзхлеба, с-х. и потребительской кооперации.

Но не суждено было осуществиться мечтам коммунистов. Казачество дало единодушный отпор коммунистическим посягательствам на его имущество. Казачество согласилось частью недозревший хлеб покосить на сено, частью оставить хлеб гнить в поле и сжечь, но не отдавать его за безценок коммунистам - эксплоататорам.

На Тереке.

(*Успех кооперативного шелководства.*)

Большевики не могут равнодушно смотреть на проявление инициативы местной интелигенцией (не коммунистами) в какой либо отрасли народного хозяйства, поэтому в каждом благом начинании они видят проявление контрреволюционных сил и моментально все уничтожают, преследуя застрельщиков.

На Тереке до 1927 г. несколько раз делались попытки организации кооперативных товариществ по распространению культуры шелководства, но подозрения и явное недоброжелательство со стороны гос. аппарата, были причиной неудач организации. Лишь в 1927 году впервые местные органы отнеслись лояльно и даже доброжелательно к организации кооперативных т-в содействия распространению культуры шелководства и, благодаря местным хозяйственникам-некоммунистам, развитие шелководства пошло гигантскими шагами вперед. Дело начато было в, сравнительно, малых масштабах, но за два года культура шелководства возросла более чем на 100%.

Кооперативная работа некоммунистов в насаждении шелководства на Тереке дает свои хорошие результаты: уже производится столько шелка-коконов, что идет на советскую промышленность и на экспорт. Сейчас на Тереке имеется 23 кооперативных т-ва с 2025 членами, из которых 97% — женщины; между членами 80% бедняков.

В текущем году на Тереке будет собрано 70 тонн шелка-коконов на сумму 110.000 руб.

Шелководство развивается как подсобное занятие к сельскому хозяйству, но дает надежды в будущем быть основным занятием многих мелких земледельцев, как это мы видим в Закавказьи, Болгарии, Южн. Сербии, Италии и т. д.

Организационная сторона этого дела имеет массу дефектов: опека государственной администрации над кооперативными товариществами; влияние гос. аппарата на выборы членов правлений и состав участников кооперативов и т. д., но самым пагубным явлением в этом едва наклюнувшемся деле, как и во всем сельском хозяйстве СССР, — забор шелка-коконов по твердым ценам. Начинающееся дело требует поощрения — охранительной политики, а не отбирания по твердым ценам, это приглушит не расцвевший бутон. Местные корреспонденты указывают на такие меры содействия культуре шелководства, как пропаганду и популяризацию культуры шелководства, инструктаж и т. п., но ведь земледелец не может заниматься тем трудом, плоды которого будут забраны за бесценок и ожидания большевиков, в конце будущей пятилетки получить с Терека 1600 тонн сырых коконов, очевидно, будут карточным домиком.

По плану пятилетки собираются ежегодно ассигновать по 90.000 р. на агро-мероприятия и организационные работы, чтобы через пять лет могли получить шелка-коконов на 2 мил. р., но... миллионы советских планов пятилеток и однолеток рухнуло, не оставив следа, рухнут они и в развитии организации культуры шелководства, если будут вмешиваться советские аппаратчики в плодотворную работу безпартийных кооператоров.

Грабят хлебные запасы.

Северокавказский корреспондент „Экон. Жизни", 12 июля огорченно пишет о том, что организация новых коллективных хозяйств, равно как и работа ранее созданных, встречает бешенное противодействие зажиточных станичников, иногда о ужас, при тихом содействии партийцев, ведущих к тому же исподтишка противоколхозную агитацию.

Раз партиец не хочет идти в коллективное хозяйство, так чего ж нам в него лезть, рассуждают в таких случаях середняки и беднота.

Поступающие со всего Северного Кавказа материалы дали за последнее время целый ряд любопытных фактов, характеризующих антиколхозную деятельность подобных партийцев: коммунист, председатель совета станицы Павлодольской — Чургулов, „почел за благо" раньше чем вступить в колхоз, реализовать на частном рынке своих лошадок несмотря на острую нужду колхоза в тягловой силе.

В станице Кореновской целый ряд коммунистов-хлеборобов всячески уклоняется от вступления в колхозы. В станичной ячейке есть 90 коммунистов, но в местном колхозе „Красноармеец", на 383 члена партиец только один и комсомольцев 18.

Партиец Гонионов в Солдатско-Александровском не только категорически отказался войти в колхоз, но и дал замечательное об'яснение своему отказу: „не хочу быть преждевременной жертвой социализма, не затянете вы меня в колхоз. Кому охота итти от сытной жизни к голодной.

Не менее „коммерчески" поступил партиец Сачков из Михайловского; узнав о предложении ячейки войти в колхоз, он накануне вступления начал энергично распродавать свое имущество, а когда организация колхоза затянулась, очевидно потому, что в ячейке оказалось слишком много Сачковых, немедленно приостановил продажу и возвратил полученный задаток (420 рублей).

Еще раньше в „Экон. Жизни", 19 июня, тот же сев. кавказский корреспондент отмечает „случаи явного вредительства со стороны кулаков, нередко скорее готовых уничтожить имеющийся у них хлеб, нежели продать его государству" В станице Кореновской один казак выбросил в Кубань 2 тонны кукурузы вместо того, чтобы отвезти ее на ссыпку. Множество сведений поступает со всех сторон края о сокрытии хлеба в ямах.

Преследования казаков.

Преследования казаков снова усилились. Признание советской власти и подчинение ее требованиям, как бы ни было оно безукоризненно, уже ни от чего не спасает. Преследуют не только за настоящее, но и за прошлое, даже за то, что казак имел до революции, напри-

мер, 4 пары волов и пахал 50 десятин, или за то, что он имел звание урядника, за то, что отец его жены, теперь уже старухи, имел чин под'есаула и есаула. Стариков преследуют за то, что их сыновья (часто погибшие во время гражданской войны) имели „офицерские погоны и кокарды", а молодых преследуют за то, что отцы или деды (тоже часто уже покойные) имели офицерские чины. Прошлое, иногда весьма отдаленное, относящееся к временам польского восстания 1863-го года, раскапывается даже не по документам и архивам, а по преданиям, по рассказам, по сплетням, и на этом основании сводятся счеты с потомками.

Идут упорные разговоры, что советская власть новыми преследованиями подготовляет высылку казаков на Мурман, чтобы „очистить донские черноземы под совхозы". Говорят, что будто эта политика ведется по соглашению с какими-то авантюристами из бывших рабовладельческих штатов Америки, которым и предполагается сдать „под зерновые фабрики" земли, очищенные от казаков.

В шахтном районе приблизительно в первой половине августа появились беглецы из задонского совхоза, устроенного в б. Сальском округе. По рассказам беглецов, их принудили в момент совхозного урожая об'явить забастовку, так как администраторы совхоза резко ухудшили пищу для батраков, стали производить из заработков вычеты, задерживать выдачу платы и сверх того об'явили, что плата за сверхурочные часы (рабочий день по договору — 8 часов) больше не будет производиться. Это заставило рабочих об'явить забастовку. Для переговоров с администрацией забастовавшие избрали комитет.

Выборные, как только они явились для переговоров, были арестованы и ночью поголовно расстреляны.

Всех же забастовавших об'явили кулаками. Многие из них поэтому предпочли скрыться, побросав пожитки, опасаясь вернуться на родину.

На Кубани.

(Из письма).

Здравствуй премногоуважаемый и верный мой брат, Е. Э. Дорогой мой брат, Е. Э., сообщаю вам о своем здоровьи и благополучии. Я жив и здоров, но только мое благополучие печальное — я остался вдовцом. Умерла моя жена, с которой я прожил 19 лет. Умерла 4 августа, похоронил я ее 5 августа сего года. Семья у меня осталась только я один, детей у нас не было. Скука меня с'ела после смерти жены моей. Я сей час в большом волнении нахожусь. Жениться надо, но только беда, дело незавидное другой раз жениться, но попробую.

Затем дорогой мой брат, я ваше письмо получил, и карточкой очень доволен остался. И получил вашу карточку и за что премного благодарю. Моя жена очень была рада вашей карточке, хотя и получил я ее, когда жена уже больная была.

Затем я из письма узнал, что вы просите меня за наше хозяйственное положение. Дорогой брат, я вам кое-что опишу. Урожай у нас в 1921 году был очень плохой, с одной десятины брали редко до десяти пудов пшеницы, но только это редко. А кукурузы и семечек до сорока пудов с десятини и тоже редко, а в большинстве меньшее количество собирали. Я удивляюсь, как мы тот тяжкий голод пережили. Средняя лошадь шла за 2 пуда кукурузной муки, амбары — за пуд кукурузной муки отдавали, дома — за 5—7 пудов кукурузной муки, но только некому было брать, очень много народу умерло с голоду. А в 1922 году был хороший урожай, что такого никто у нас не видел, где не пахали и не сеяли и там собирали пшеницы 100 и даже 150 пудов чистого зерна.

В 1921 г. с октября начали цены расти на с'естные продукты и до 1922 года до июня месяца, в этом промежутке цены стояли огромные. Миллиард доходил до ничтожного значения, одним словом дела плохие были в тот период.

Затем была нормальная урожайность и цены были на пшеницу от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. за пуд, ячмень от 50 коп. до 80 коп. за пуд, кукуруза от 40 до 60 коп. пуд, мясо говяжье от 8 до 12 коп. фунт, жир от 15 до 20 коп. за фунт, яйца куриные до 20 коп. десяток. Это было до 28 года до июля месяца. А затем цены до сего время таковы:

От 28 года, месяца июня, пшеница за пуд от 1 р. 20 коп., мука сеянка от 2 руб. за пуд, ячмень от 80 коп. до 1 руб. за пуд, семечки от 1 р. до 1 р. 50 коп. за пуд., яйца куриные от 20 до 40 коп. за десяток, масло коровье от 50 до 80 коп. за фунт, масло подсолнечное от 16 до 30 коп. за фунт. Мясо цена одна. Это было так до ноября 28 года.

От ноября 28 года цены поднялись на некоторые продукты. Пшеницы не было. Размол пшеничной муки (к Пасхе) до 10 руб. пуд., размол ячменной муки до 8 руб. пуд. Размол кукурузной муки до 8 руб., картоха 2 руб. 50 коп. пуд, масло коровье до 1 руб. ф., яйца куриные до 60 коп. за десяток, масло подсолнечное 22 коп. за фунт, мясо говяжье до 15 коп. фунт, баранье до 20 коп., жиры бараньи и говяжьи до 25 коп. фунт, свиной 30 коп. фунт, мед пчелиный от 20 до 50 коп. фунт. Цены на живую худобу были изменчивы. Пишу за средних: в 22 году была дешевая. Пара средних быков — 200 руб., средняя лошадь 150 руб., средняя корова 70 рублей. А в 23, 24—25 годах цены дорожели. В 26—27 г. г. пара быков ср. 350 руб., ср. лошадь 300 руб., корова ср. 100 рублей, только я пишу про молочн. корову.

А в настоящее время — 29 года месяца августа — пара быков ср. 300 рублей, корова ср. 100 р., лошадь ср. 200 руб., овца ср. 13 руб., мука сеяная до 8 р., пшеница до 3 р. п., мука размол кукурузная до 3 руб. пуд, мука размол ячменная до 3 руб. пуд., масло коровье до 80 коп. фунт, масло подсолнуховая 22 коп. фунт, яйца куриные до 40 коп. десяток.

Все это только на ринке, в вольной продаже. А государственная так: пшеница от 1 р. 40 коп. пуд, ячмень 90 коп. за пуд, овес до 70 коп. п., пуд семячек до 1 р. 40 коп., мясо баранина 26 коп. фунт., говядина 18 коп. ф., сало свиное 35 коп. фунт, говяжье и баранье 30 коп. фунт, яйца куриные 30 к. десяток, масло коровье 80 коп. ф., масло подсолнечное 22 коп. ф., картоха 80 коп. пуд, мед пчелиный 30 коп. фунт.

Затем дорогой мой брат, может где я неправильно дал, так это не потому, что лукавил, а просто это мой недочет. Затем на промышленный товар цены таковы: Машина жатка 600 рублей, лобогрейка 220 рублей, травянка 190 руб., ход 180 руб., букарь 60 руб., борона железная 20 р., культиватор 30 руб., сортировка 100 рублей, доски дюймовые, 6-ти вершковые, обрезные 2 р. 20 коп., железо белое оцинкованое 1 р. 80 коп. лист, черное 1 р. лист. Мануфактура — белая бязь 49 коп. метр. Затем, сарпинка 34 коп., сатин 75 коп., теплый для рубашки и такше бумазей 75 коп., штанный, обыкновенный, средний 75 к. лучший для штан. 1 р. 70 к., метр сукна 4 руб. за метр, хорошие 11 рублей метр и дороже. Ситцевый женский платок 42 коп., батистовые до 1 рубля, фунт ваты 1 рубль, полусукно 2 р. 50 коп. метр, бумажный диагональ полуторный 1 р. 80 коп. метр. Кожевеный товар: пара подошов от 80 до 1 р. 50 коп., переда от 1 р. 50 к. и выше, сапоги простые вытяжа от 14 р. и выше, прошивные чистой от 17 рублей, хромовые от 20 рублей и выше, мужские ботинки от 8 р. 50 коп. и выше, калоши 3 р. 90 коп.

Затем вы пишете насчет передела земли, земя лично у нас в С. не устроена государством. А разделили ее так: по 2 десятины и 8 сажен на каждую душу, несмотря на пол мужский и женский, несмотря ни на какую нацию, которые живут в С. до 1922 года 22 мая, тем лицам без исключения давали, якобы народился. Переделили ее на 9 лет, а поделили в 28 году, поделили на 3 клина, а достава была как и раньше.

Затем выгон как и раньше под расходом, все горы и овраги, озера тоже как и раньше была наша общественная, только последние почти все пересохли, осталась четвертая часть или даже меньше, а рыбы сей-час нету никак в озере. Лиман тоже общественный как и раньше, ну только камыша нету, трава не растет.

Затем за церковь и религию. В церкви служат, как и служили, но конечно есть раскол, есть даже у нас в С. раскололась на две части, одни ходят в церковь как и раньше, а другие выстроили себе дом и молятся там, справляют богослужения, как, я не могу об'яснить. Которая сторона права я не скажу, а я продолжаю ходить в церьковь. За эту духовную жизнь я ничего не могу сказать дальше.

Библиотека „Вольного Казачества—Вільного Козацтва“. Кн. 3.

Вышла из печати и поступила в продажу

Книга Стихов Юрия Гончарова.

Цена 10 к. ч. Обращаться в редакцию журнала „В. К.“

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0·75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Jeremij Stankov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Stroschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.